

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

и

ПСИХОЛОГИИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XVIII.

Подъ редакціей Л. М. Лопатина.

Книга II (87).

МАРТЪ-АПРѢЛЬ—1907 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.
Пименовская ул., соб. хомъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Философская сторона иконоборчества. Б. Мелиоранского	149
Къ вопросу о свободѣ воли. Ю. Каннабиха	171

О кажущемся увеличеніи свѣтилъ у горизонта. А. Селитренникова	75
Критика метагеометрическихъ обобщеній. Л. Саминскаго	135
О законѣ непрерывности. Д. Мордухай-Болтовскаго	168
Новая теорія познанія. Л. Лопатина	185

Критика и библиографія.

I. Библиографическій листокъ	206
Полемика.	
Письмо въ редакцію. В. Герье	207
Московское Психологическое Общество.	
Отчетъ о годичномъ распорядительномъ засѣданіи	210

Философская сторона иконоборчества¹⁾.

Докладъ, читанный въ засѣданіи С.-Петербургскаго философскаго общества
11 октября 1901 г.

Мм. гг.

Вопросъ, избранный темою сегодняшняго доклада, по существу своему таковъ, что прежде чѣмъ занимать имъ ваше вниманіе, приходится оправдывать самое право его на существованіе. Иконоборчество и философія! Какое значеніе можетъ, казалось бы, имѣть одно для другой? Если вопросы теоретическаго богословія вообще представляютъ для философіи лишь косвенный и второстепенный интересъ, то византійское иконоборчество, по преобладающему взгляду, и къ теоретическому-то богословію отношенія, въ сущности, не имѣеть: это, съ одной стороны, вопросъ внѣшняго культа, съ другой — одинъ изъ составляющихъ элементовъ социально-политической реформы, затѣянной императорскимъ правительствомъ VIII вѣка. Если, въ силу требованій духа времени, иконоборцы пытаются метафизически обосновать, а иконочтители — метафизически одровергнуть эту правительственную программу церковной реформы, то не несомнѣнно ли напередъ, что къ этимъ *нарочно, ad hoc*, придуманнымъ, а не органически выросшимъ на деревѣ пред-

1) Мы даемъ на страницахъ своего журнала мѣсто статьѣ нашего безвременно скончавшагося сотрудника Б. М. Меліоранскаго, молодого ученаго и мыслителя, вызывавшаго большія надежды. Предлагаемая статья хотя и не была вполне отдѣлана авторомъ для печати, все-же представляетъ серьезный интересъ тѣмъ глубоко оригинальнымъ чисто философскимъ освѣщеніемъ, которое онъ даетъ знаменитому церковному спору между иконоборцами и защитниками почитанія иконъ.

Ред.

шествующаго догматическаго развитія, теоріямъ, этимъ попыткамъ перевести споръ на совершенно несвойственную ему почву, философъ долженъ оставаться совершенно безучастнымъ?

Однако, присматриваясь ближе къ исторіи иконоборческаго движенія, мы убѣждаемся, что правительство и въ данномъ случаѣ, какъ и ранѣе въ эпоху аріанскихъ, монофизитскихъ и особенно моноелитскихъ споровъ, не создавало само свою церковную программу, а только стало, по своимъ собственнымъ видамъ, съ небывалой еще въ византійской исторіи энергіей и послѣдовательностію на сторону движенія, уже ранѣе самостоятельно возникшаго въ церкви и продолжавшаго жить нѣкоторое время послѣ того, какъ правительство окончательно отказалось отъ церковной реформы. Если теоріи иконоборцевъ-богослововъ были искусственной выдумкой, которой въ глубинѣ души не придавали значенія сами ихъ исповѣдники, то чѣмъ объяснить, что эти теоріи находили себѣ послѣдователей, преданныхъ до фанатизма, до готовности на мученичество? Послѣдній иконоборческій патріархъ, Іоаннъ Грамматикъ, не будучи иконоборцемъ-рецидивистомъ, послѣ 787 г. могъ надѣяться не только остаться цѣлымъ въ 842 г., но можетъ быть даже сохранить священный санъ; но онъ предпочелъ вѣчное заточеніе и мучительную казнь (ослѣпленіе) измѣнѣ своимъ убѣжденіямъ. Непереубѣдимыхъ иконоборцевъ мы видимъ далѣе при патріархахъ Фотіи и Игнатіи, на соборахъ 861 и 869 годовъ. Съ другой стороны, оказывается, что, хотя вѣроопредѣленіе иконоборческаго собора 754 г. въ значительной степени повторяетъ инструкцію, данную этому собору императоромъ Константиномъ V,—содержаніе самой этой инструкціи было, хотя отчасти, готово уже 30 лѣтъ ранѣе въ самомъ началѣ реформъ Льва III: уже въ первомъ словѣ въ защиту иконовъ Іоанна Дамаскина, писанномъ по поводу перваго эдикта 726 г., упоминается ученіе иконоборцевъ о томъ, что иконописание предполагаетъ особую ипостась плоти Христовой, и такимъ образомъ исповѣдуетъ

четверицу вмѣсто Троицы. Итакъ, много ли или мало было искреннихъ приверженцевъ иконоборческой метафизики—ихъ было вѣроятно очень немного—важна или маловажна. ихъ чисто историческая роль—она была очень скромна—все же они существовали; и исторія догмата, и исторія философіи, которой нѣтъ дѣла до количества и до ширины историческаго вліянія приверженцевъ извѣстной системы, которая оцѣниваетъ мысль саму по себѣ,—не можетъ считать вопросъ о философіи и богословіи иконоборцевъ празднымъ, какъ вопросъ объ искусственной, мертворожденной системѣ. Насколько эта система философски и богословски важна и интересна, можетъ показать уже только самое изслѣдованіе. Исторія философіи знаетъ немало примѣровъ, что весьма интересныя и глубокія явленія мысли въ свое время оставались непоняты или понимались криво и не произвели того впечатлѣнія, котораго были достойны.

Поставленный нами вопросъ принадлежитъ къ числу наименѣе разработанныхъ въ наукѣ. Православная и римско-католическая богословская наука считала дѣло о иконахъ *богословски* вполне выясненнымъ соборнымъ опредѣленіемъ и трудами православныхъ отцовъ VIII—IX в. и ограничивалась изложеніемъ и дальнѣйшей богословской защитой этого рѣшенія; вопросъ же о возможномъ значеніи спора *для философіи* ея не занималъ. Протестантская наука сперва стояла на той же точкѣ зрѣнія, что и католическая, только симпатіи свои переносила всецѣло на сторону иконоборцевъ, обвиняя православіе въ грубомъ суевѣрїи и въ нарушеніи прямыхъ предписаній особенно Ветхаго завѣта и древней христіанской практики; а затѣмъ, въ эпоху просвѣщенія и до половины XIX в., ея свободомыслящая партія, проникаясь все пущимъ презрѣніемъ къ эпохѣ соборовъ вообще, объявила всю вѣковую страшную борьбу за иконы жалчайшимъ эпизодомъ, банкротствомъ восточной церкви, гдѣ, съ одной стороны, свирѣпо-безсмысленный фанатизмъ противъ иконъ и искусства, съ другой—такое же слѣпое суевѣрное идолопоклонство. О теоретической сторонѣ по-

чти не говорилось—отъ нея отдѣлявались презрительными эпитетами Haarspaltereien, Spitzfindigkeiten и т. п. Вообще можно сказать, что западная наука, вплоть до самаго недавняго времени, исповѣдывала болѣе или менѣе рѣзко томнѣніе объ иконоборческомъ спорѣ, которое высказалъ еще франкфуртскій соборъ 795 г. и libri Carolini; иконы въ церкви допустимы, но ненужны; но далѣе всѣ толки и споры о метафизической сторонѣ вопроса суть смѣшное и нелѣпое словопрение. Католики прибавляютъ: не только допустимы, но и полезны; протестанты: не только ненужны, но и вредны.

Въ западныхъ исторіяхъ догмата иконоборство обыкновенно оставляется въ сторонѣ; исторія догмата на востокѣ считается законченной шестымъ соборомъ и точнымъ изложеніемъ православной вѣры Іоанна Дамаскина. Присяжная же философія игнорировала и игнорируетъ иконоборчество совершенно, что и понятно, принимая во вниманіе отношеніе богословія къ вопросу.

Дѣло нѣсколько измѣнилось къ лучшему, когда во второй половинѣ прошлаго XIX вѣка въ протестантской наукѣ стало заявлять о себѣ болѣе серьезное, вдумчивое и дружеское отношеніе къ Восточной церкви и ея ученію. Въ началѣ 80-хъ годовъ А. Гарнакъ заявилъ, что нельзя объяснять отчаянную столѣтнюю борьбу однимъ фанатизмомъ, суевѣріемъ и старообрядчествомъ: что очевидно споръ шель о чемъ-то крайне важномъ для обѣихъ сторонъ; надо вникнуть въ дѣло, попытаться стать на чужую точку зрѣнія и тогда, можетъ быть, дѣло объяснится лучше. Онъ намекнулъ, что борьба за иконы, по его мнѣнію, есть борьба восточной церкви за свое „своеобразіе“ (Eigenart). Заявленіе такого авторитета, какъ Гарнакъ, не могло пройти безслѣдно, но надо сказать, что все же откликъ, имъ найденный, до сихъ поръ очень слабъ. Небольшая книжка Шварцлозе, да нѣсколько бѣглыхъ отзывовъ въ новыхъ монографіяхъ по исторіи VIII и IX в.—вотъ и все; и изъ этихъ отзывовъ одни (Шенкъ) — только раздраженно повторяютъ

старое протестантское мнѣніе, подвергнутое критикѣ у Гарнака, другіе (Томась) просто лишены опредѣленнаго содержанія: изложивъ взгляды на иконопочитаніе св. Θεодора Студита и воздавъ дань удивленія его діалектикѣ, авторъ заявляетъ, „что, конечно, съ точки зрѣнія принципиально-иной, противъ этихъ построеній можно возразить многое“—но что это за принципиально иная точка зрѣнія, такъ и остается неизвѣстнымъ. Наконецъ и самъ Гарнакъ во 2 т. своей *Dogmengeschichte* объявилъ, что VII соборъ узаконилъ въ Восточной церкви „христіанство второго разбора“, христіанство, какъ религію, таинства и обряда, какъ внѣшнеспасающихъ средствъ,—т.-е. повторилъ старое мнѣніе новомодными словами.

Такимъ образомъ, въ сущности, остается одинъ Шварцлозе. Но прежде, чѣмъ разбирать его рѣшеніе, остановимся на отзывѣ, данномъ по этому вопросу однимъ изъ крупнѣйшихъ ученыхъ нашего отечества, покойнымъ проф. В. В. Болотовымъ.

В. В. Болотовъ отзывался кратко, что хотя почти всѣ полемисты противъ иконоборчества видятъ въ немъ, и даже прежде всего, „отрицаніе божественнаго домостроительства“, т.-е. истинности воплощенія Христова, тѣмъ не менѣе на всѣ такіе выводы надо смотрѣть, какъ на полемическія натяжки: иконоборцы прямо и просто исповѣдуютъ халкидонскій догматъ съ разъясненіями къ нему V и VI соборовъ; стало быть, какъ бы они въ своей душѣ ни примиряли съ нимъ свои теоріи, въ нихъ нельзя видѣть какой-либо отрасли монофизитства и вообще искать корней движенія въ нѣкоторомъ христологическомъ заблужденіи. Намъ кажется, что знаменитый ученый былъ вполне правъ, раздѣляя иконоборцевъ отъ монофизитовъ и моноелитовъ, но что это только одна часть вопроса. Развѣ можно ругаться, что уже на почвѣ халкидонскаго догмата никакія дальнѣйшія еретическія христологіи невозможны? Иконоборство могло быть нѣкоторымъ неправославнымъ христологическимъ воззрѣніемъ, не будучи отраслью моноелит-

ства или монофизитства; могло, наконецъ, быть заблужденіемъ (говоря съ церковной точки зрѣнія) теоретическимъ, и вовсе не будучи заблужденіемъ христологическимъ. Пусть обвиненіе въ неправославной христологіи—натяжка или недоразумѣніе полемистовъ; но разъ почти всѣ они, уже до собора 754 г. независимо другъ отъ друга повторяютъ и настаиваютъ на этомъ обвиненіи, то должно же было быть что-то въ системѣ иконоборцевъ, чѣмъ подсказывалась эта натяжка, или чѣмъ вызывалось это недоразумѣніе. Вопросъ такимъ образомъ остается открытымъ.

Книга Шварцлозе, прямо вызванная къ жизни Гарнакомъ, (какъ свидѣтельствуется самъ авторъ ея), заслуживаетъ вниманія и симпатіи, какъ первая и очень добросовѣстная попытка понять и осмыслить совершенно чуждый автору кругъ понятій, освѣтить его исторически и безпристрастно, воздавая должное обѣимъ сторонамъ. Но, по нашему мнѣнію, авторъ впалъ въ методологическую ошибку, выбравъ себѣ въ почти единственные руководители Θεодора Студита, и подводя опять-таки и его-то воззрѣнія подъ нѣкоторый заранѣе скомпанованный имъ уголъ зрѣнія. Такимъ образомъ вышло, что Шварцлозе вмѣсто церковной православной „мистеріософіи“ иконъ излагаетъ довольно произвольно освѣщенную теорію одного Θεодора Студита; если бы онъ чаще и тщательнѣе контролировалъ свое представленіе данными дѣяній VII собора и сочиненій патріарха Никифора, то онъ увидѣлъ бы, что общецерковный взглядъ расходится съ нимъ, и что самого Θεодора Студита онъ понималъ, можетъ быть, односторонне и даже прямо невѣрно. Скажемъ вкратцѣ, въ чемъ его теорія и, по нашему мнѣнію, его ошибка. По Шварцлозе православіе считаетъ икону за достойнаго благоговѣнія носителя нѣ котораго божественнаго прототипа; считаетъ существованіе иконъ Христа не только возможнымъ, но *метафизически* неизбѣжнымъ, разъ существуетъ самъ Богочеловѣкъ, и считаетъ икону реально и неразрывно (хотя и не самымъ существомъ своимъ) связанной съ оригиналомъ, а потому—почитаніе и оскорбленіе

иконы не простымъ *психологически* неизбежнымъ для вѣрующаго человѣка слѣдствіемъ признанія истинности или ложности иконы, а *действительной*, почти можно сказать, физической пользой или вредомъ, наносимымъ прототипу (если прототипу можно вообще нанести реальный вредъ). Ошибка его въ томъ, что онъ, выражаясь словами Гиббона (вслѣдъ за Сельденомъ), византійскую реторику обращаетъ въ логику; онъ беретъ слишкомъ въ серьезъ нѣкоторыя преувеличенныя выраженія, (происшедшія у св. Θεодора Студита изъ желанія возможно прочтѣе оградить иконы отъ поруганій, раздиравшихъ не Христа, а его собственную душу), и толкуетъ ихъ въ духъ суевѣрнаго вульгарнаго иконопочитанія, связывавшаго иконы съ оригиналомъ по существу и съ негодованіемъ опровергаемаго VII соборомъ, и самимъ Θ. Студитомъ, въ духъ извѣстнаго чуть не всемірнаго суевѣрія о реальной внутренней связи вещи съ ея изображеніемъ.

Взглядъ Вл. С. Соловьева на иконоборчество тѣсно связанъ съ его возрѣніемъ на всѣ христіанскія ереси эпохи соборовъ. По его теоріи сущность естественной религіи Востока есть ученіе о безусловной разобщенности Бога и міра, Богъ—какъ обособленный, недоступный, безжалостный и всемогущій владыка, „безчеловѣчный“ Богъ. Сущность естественной религіи запада, напротивъ, имманентность міру болѣе или менѣе человѣкоподобнаго Бога, находящая свое завершеніе въ обоготвореніи человѣка, въ „человѣкобогъ“—Кесарь. Христіанское откровеніе становится выше обѣихъ крайностей: оно не разобщаетъ міра и человѣка съ Богомъ и не сливаетъ ихъ въ одно, а учитъ о ихъ совершенномъ примиреніи и объединеніи въ идеѣ истиннаго *Богочеловѣчества*—главномъ и единственномъ догматѣ христіанства. Всѣ ереси эпохи соборовъ суть различныя формы реакціи восточнаго начала, разобщающаго человѣка отъ Бога—сперва въ ученіи о природахъ въ Богочеловѣкѣ, чтобы отсюда перенести разобщеніе на Бога и человѣчество, предназначенное по христіанскому откровенію неразлучно и неслиянно объединиться съ Богомъ въ универсальномъ богочеловѣче-

скомъ организмъ—Церкви, какъ тѣлѣ Христовомъ и храмѣ Духа Святого. Иконоборчество—послѣдняя въ ряду этихъ ересей. Оно отрицаетъ сперва возможность и значительность человѣческаго образа въ Богочеловѣкѣ, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ отрицать возможность проникновенія плоти или матеріи вообще божественнымъ началомъ, наперекоръ откровенію, учащему, что и матерія, и духъ предназначены къ вѣчному просвѣтленному существованію внутри божества, какъ Всеединаго.

Что иконоборцы отрицали значеніе человѣческаго образа въ Богочеловѣкѣ—это пожалуй вѣрно, хотя собственно они говорили лишь о „неописуемости“ Христа по тѣлу.

Но далѣе Соловьевъ повторяетъ ошибку Шварцлозе: онъ тоже приписываетъ иконоборцамъ-философамъ такія идеи, которыя могли быть и были въ ходу среди толпы, но самими этими мыслителями съ негодованіемъ опровергаемыя. Они признавали Христа неописуемымъ вовсе не по стремленію разобщить божество и матерію вообще, какъ изображаетъ Соловьевъ. Они признавали святость матеріальнаго креста, мощей, евхаристіи; что плоть Христова была обожествлена, они не только признавали, но именно на этомъ основаніи и учили о ея неописуемости. Описуемость Божіей матери и святыхъ они признавали безъ всякаго спора, не отрицая ихъ святости и осѣненія ихъ Богомъ; значить они отрицали не вообще возможность проникновенія матеріи божественнымъ началомъ, а лишь изобразимость именно того вида такого соединенія, которому въ исторіи міра есть лишь одинъ примѣръ—Богочеловѣкъ. Икону Христа они признавали невозможностью; прочія же иконы, въ виду невозможности той, которая должна бы быть главной, признавали лишь ненужными и негодными Богу. Итакъ, чтобы понять ихъ идею необходимо ближе разсмотрѣть, почему именно Богочеловѣкъ, и только онъ одинъ, представлялся имъ объектомъ, недоступнымъ кисти художника.

„Не имѣя возможности доказать,—говоритъ патріархъ Никифоръ,— что христіане поклоняются иконамъ, какъ бо-

гамъ, они выдвигаютъ въ свою защиту фразу о неописуемости. Этимъ словомъ „неописуемъ Христосъ“, они отъ основанія подрываютъ ученіе о божественномъ домостроительствѣ, а воображаютъ, что оно для нихъ—непобѣдимый оплотъ; ибо, если де не принять его, то необходимо разрушается ученіе о единствѣ ипостаси Христовой“. Итакъ, вотъ суть спора: иконоборцы не хотятъ идти противъ халкидонскаго догмата; они во имя халкидонской христологин и утверждаютъ то, что утверждаютъ. Признаніе Богочеловѣка за одну ипостась въ двухъ нераздѣльныхъ и неслитныхъ естествахъ кажется иконоборцамъ несомвѣстимымъ съ ученіемъ о возможности описать его, заключить его образъ въ искусственное очертаніе; и слѣдовательно создать такую его икону, которая дѣйствительно была бы его иконой, а не „идоломъ заблужденія“.

Суть дѣла въ томъ, что по православному халкидонскому ученію Богочеловѣкъ совмѣщаетъ въ *одномъ существѣ* (ипостаси) *два такіа природы*, признаки которыхъ въ значительномъ числѣ представляются *взаимно отрицательными*. Это ученіе объ отношеніи природы Бога и человѣка было до такой степени общепринято, что, напр., по Діонисію Ареопагиту возможно цѣлое „отрицательное богословіе“, т.-е. цѣлое ученіе о Богѣ, какъ о противоположности человѣку, получаемое чрезъ отрицаніе въ примѣненіи къ Богу цѣлаго ряда существенныхъ свойствъ человѣческой природы. Таковы: простота и сложность, вѣчность и тлѣнность, безтѣлесность и тѣлесность, несотворенность и тварность, и т. д. и т. д. Суммируя оба ряда, мы получимъ со стороны Божества одинъ признакъ: *абсолютность*; со стороны человѣка тоже одинъ—*относительность*. А Богочеловѣкъ совмѣщаетъ въ себѣ, какъ въ одномъ существѣ, оба естества, и слѣдовательно, оба ряда признаковъ, объективно и субъективно, съ точки зрѣнія чужихъ сознаний и его собственнаго сознанія, и даже помимо всякихъ сознаний, по внѣшнему представленію и по собственному самосознанію. Онъ, одинъ и тотъ же Онъ, одновременно и абсолютенъ, и относителенъ. Поэтому, го-

ворять иконоборцы, единеніе въ немъ естествъ превышаетъ всякую мысль и всякое пониманіе. Если же оно выше всякой мысли и пониманія, то выше и всякаго представленія: будучи *непредставимъ*, Христось и не *изобразимъ*. Что единеніе естествъ въ Христѣ „выше всякаго разумнѣя“, въ этомъ православные были съ ними согласны; итакъ, споръ иконоборцевъ съ православными на теоретической почвѣ сводился къ тому: возможно ли вообразить и изобразить существо, непостижимое для разума? Если *вообъему* Богочеловѣка (Богочеловѣкъ въ себѣ) для ума распадается на два ряда противорѣчащихъ признаковъ, такъ что самое существованіе Его непонятно (*теоретически* непознаваемо), то не должно ли его явленіе состоять изъ ряда взаимно противорѣчащихъ *качествъ*, дающихъ въ суммѣ нуль для *внѣшнихъ* средствъ человѣческаго воспріятія, такъ что Богочеловѣкъ, какъ явленіе, не долженъ ли быть признавъ *эмпирически* непознаваемымъ объектомъ? Такимъ образомъ *догматическаго* разномыслія нѣтъ; а вопросъ идетъ о томъ, должны ли или не должны свойства Христа въ себѣ отражаться на Немъ, какъ на явленіи; должна ли Его метафизическая (неограниченность), какъ Бога, давать Его явленію эмпирическую неопикуемость или неизобразимость; это вопросъ очевидно философскій, именно гносеологическій, а не метафизическо-богословскій; рѣчь идетъ о томъ, *отражаются ли или нѣтъ на явленіи свойства той вещи въ себѣ*, которая есть причина даннаго явленія, и, разумѣется, обратно.

Иконоборцы, рѣшая этотъ вопросъ положительно, остаются повидимому вѣрными традиціоннымъ не только научнымъ, но и церковнымъ понятіямъ.

Не будучи специалистомъ по философіи, я не рискну здѣсь пускаться въ разборъ труднаго вопроса о томъ, какъ Платонъ представлялъ себѣ отношеніе между идеей и явленіемъ. Какъ бы то ни было, по Платону вещи суть *μίμναις* идей, и созерцая вещи, умъ приходитъ къ познанію идей чрезъ ихъ воспоминаніе; итакъ, есть что-то въ вещахъ, *напоминающее* уму объ идеяхъ, въ нихъ есть данныя, опираясь

на которыя, умъ, посредствомъ какихъ-то свойственныхъ ему операций реконструируетъ идею. (Можетъ показаться, что скептики составляютъ исключеніе; но Пирронъ отрицаетъ возможность познанія указаніемъ на относительность и измѣнчивость признаковъ, присущихъ вещамъ, какъ явленіямъ, и отсюда заключаетъ къ невозможности познанія вещей: вещи непознаваемы, потому что непознаваемы истинныя свойства явленій; очевидно догмать о связи явленія съ вещью въ себѣ сохраняетъ для Пиррона всю свою силу, и исключеніе подтверждаетъ правило. Но пусть мы ошибаемся, пусть пирронизмъ заслуживаетъ *своей клички* позитивизма древнихъ — въ богословской литературѣ I—VIII в. онъ не игралъ никакой роли. А платоновскій гносеологическій догмать, что между вещью и явленіемъ существуетъ соотвѣтствіе, причинная и вмѣстѣ умопостигаемая связь, христіанская церковная философія, повидимому, усвоила себѣ при самомъ своемъ возникновеніи и обосновала его заново аргументами чисто богословскаго характера. Уже самый терминъ „*υποστυγνόν*“ („умопостигаемое“) намекаетъ на такую связь. Аргументы эти были взяты изъ ученія церкви о созданіи человѣка по образу Божію и о естественномъ откровеніи; или, если угодно, эти догматы были поняты и формулированы подъ влияніемъ традиціонной гносеологии такъ, что обратились въ формулировку ея самой богословскимъ языкомъ.

Образъ Божій въ человѣкѣ былъ усмотрѣнъ между прочимъ или даже главнымъ образомъ въ однородности человѣческаго и божественнаго разума, различающихся не качественно, а только количественно: человѣческой разумъ, въ его нормальномъ, безгрѣшномъ состояніи есть ⁷ изъ Божественнаго абсолютнаго Разума. А такъ какъ законы абсолютнаго Разума суть вмѣстѣ законы всего имъ сотвореннаго бытія, то значить и твореніе, поскольку оно познается не по видимости, но и въ дѣйствительности, подчинено законамъ человѣческаго ума, которые слѣдовательно суть вполне надежныя орудія познанія; и далѣе непозна-

ваемое начинается не тамъ, гдѣ законы человѣческаго разума не имѣютъ болѣе силы, а тамъ, гдѣ задача примѣнить эти законы становится для человѣческаго разума слишкомъ трудной: чтобы расширить предѣлы познаваемого, нуженъ не качественно иной разумъ, а тотъ же, только—развитый, или потенцированный, возведенный въ n -ную (безконечную) степень.

Далѣе, разъ логическіе законы обязательны и для міра явленій, и для міра вещей, то естественно имъ быть обязательными и для *связи* обоихъ міровъ—вѣдь и эта связь, какъ и сами міры, создана тѣмъ же Божественнымъ разумомъ, сѣмя котораго всѣяно въ каждого человѣка. Созерцая вещи, стараясь постичь ихъ идею, мы знакомимся съ частью содержанія самого Божественнаго сознанія, отчасти познаемъ слѣдовательно самого Бога. Очевидно, это было бы невозможно, если бы отъ явленій къ вещамъ и отъ вещей къ Творцу вещей не было доступнаго разуму перехода. Между тѣмъ Св. Писаніе учитъ, что „Невидимая его отъ созданія міра, твореньми помышляема, видима суть и присносушая сила его и Божество“. А одинъ изъ глубочайшихъ церковныхъ философовъ Востока, св. Максимъ Исповѣдникъ, придавалъ естественному откровенію (т.-е. природѣ) такую важность, что, по его словамъ, кто дѣйствительно хочетъ познать истину, тотъ безъ помощи писаннаго Откровенія постигнетъ ее не хуже чрезъ размышленіе надъ природою; значеніе обоихъ видовъ совершенно равновѣсно Откровенію (*ἰσότητος*). Послѣдняя идея особенно прочно водворилась благодаря Агеорагитика ¹⁾, гдѣ все видимое рисуется, какъ отображеніе невидимаго, созданное для *возведенія* къ невидимому нашего ума; понятно, что если цѣль—возведеніе, то долженъ быть и исходъ. А Агеорагитика были именно Максимомъ введены въ обиходъ церковной мысли Востока,

¹⁾ Т.-е. сочиненіямъ неизвѣстнаго автора V—VII в., приписаннымъ св. Діонисію Ареопагиту. Главныя изъ нихъ: «О небесной іерархіи» и «О божественныхъ именахъ».

и къ эпохѣ иконоборчества Максимъ былъ *непрекаемо* св. отцомъ и великимъ авторитетомъ.

Итакъ, иконоборцы были, повидимому, въ правѣ, съ точки зрѣнія общепринятой въ ихъ время въ самой церкви науки, говорить: халкидонскій Христось, *одновременно* и одинъ и тотъ же въ одной ипостаси описуемый и неописуемый, страдающій и безстрастный, тлѣнный и нетлѣнный, всевѣдущій и ограниченный, для разума непостижимъ (они говорили — *сверхраціоналенъ*); а *следовательно* явленіе его, Христось евангельскій, есть непостижимая загадка для ума.

Мы (какъ бы говорятъ иконоборцы-богословы) согласны склониться передъ голосомъ Духа Святого, говорившаго устами соборовъ; согласны признавать, что „Христось въ себѣ“ именно таковъ, какимъ они его опредѣлили; но мы въ такомъ случаѣ *отказываемся составить себѣ о немъ, какъ о явленіи, какое бы то ни было наглядное представленіе*; и всякое наглядное изображеніе Его считаемъ въ полной мѣрѣ еретическимъ, („Аще убо и разумѣхомъ Христа по плоти, *нынѣ уже къ тому не разумѣемъ*“). Всякое такое представленіе, какъ нами постижимое, доступное нашему глазу, уху, осязанію, предполагаетъ, какъ свою причину, нѣкоторую *постижимую* для разума вещь въ себѣ; значить, всякій, кто вѣруеть въ изобразимость или, что то же, въ *вообразимость* Христа, гѣмъ самымъ показываетъ, что о существѣ Его онъ имѣеть то ли или другое, но *непремѣнно постижимое для разума* представленіе, какое—мы не знаемъ, любое изъ возможныхъ (и они старательно перечисляютъ всѣ такіа възрѣнія—слиянiе естество, раздѣленіе ипостасей, необожествленность плоти, особую ипостась плоти), но не—сверхраціональное, не халкидонское, не православное.

Теперь посмотримъ, что же отвѣчали иконоборцамъ православные. Гефеле (католикъ) находитъ, что отцамъ VII собора „удалось энергично отразить нападки еретиковъ“; напротивъ Шварцлозе (протестантъ) „позволяетъ себѣ сильно въ этомъ сомнѣваться“. Разница впечатлѣній зависитъ

туть, полагаю я, отъ того, что Гегеле разумѣть богословское, а Шварцлозе діалектическое опроверженіе.

Въ самомъ дѣлѣ, съ богословской точки зрѣнія опроверженіе еретика должно собственно состоять въ уличеніи его еретичества. Если полемисту удалось привести противника, исходя изъ выставленныхъ имъ положеній, къ выводамъ, очевидно несогласнымъ съ какимъ-либо несомнѣннымъ догматомъ вѣры, то дѣло полемиста сдѣлано; съ точки зрѣнія вѣрующаго православнаго это равносильно *reductio ad absurdum* въ обыкновенномъ спорѣ. Эта главная задача несомнѣнно удалась православнымъ полемистамъ: VII собору, Никифору, Теодору и др. Это вѣроятно и разумѣть Гегеле. Но съ чисто философской или діалектической точки зрѣнія такое опроверженіе показывало бы не то, что противникъ неправъ въ своихъ исходныхъ положеніяхъ, а лишь то, что онъ робокъ и непослѣдователенъ въ выводахъ. Это вѣроятно и разумѣть Шварцлозе. Опѣнивая результатъ полемики *исторически*, необходимо присоединиться къ мнѣнію Гегеле: такъ какъ еретики отнюдь не хотѣли, по крайней мѣрѣ, явно исповѣдовать тѣ выводы, къ которымъ приводили ихъ православные и опровергнуть правильности ихъ тоже не могли. Но опѣнить тотъ же результатъ отвлеченно не такъ-то легко. Изложимъ сперва сущность православныхъ возраженій.

Вы утверждаете, говорятъ православные, что Христось неописуемъ по тѣлу, такъ какъ въ его ипостаси нераздѣльно соединено неописуемое божеское и описуемое человѣческое естество. Что же такое значитъ „неописуемость“? Или это то же, что *неограниченность* условіями матеріальнаго существованія; если это качество отрицается за Христомъ, то это равносильно старинному докетству, признававшему мнимыми, обманными всѣ *πάθη* Богочеловѣка, понесенные имъ какъ человѣкомъ. Если Христось—плоть не заключимъ въ пространственныя очертанія, то какъ же Мать его спеленала и положила въ ясли; какъ могло его тѣло быть заключено въ хитонъ, въ горницу Тайной вечери,

въ гробный вертепъ, на крестъ, въ Галилеѣ? Какъ могъ онъ сказать ученикамъ: „Лазарь, другъ нашъ, умерь; и я радуюсь васъ ради, что меня не было тамъ?“ Утверждать, что описуемость въ этомъ смыслѣ (неограниченности условіями матеріальнаго существованія) противорѣчить халкидонскому догмату, равносильно утвержденію, что всѣ данныя Евангелія противорѣчатъ халкидонскому догмату. (*Богословское reductio ad absurdum* кончено; но *діалектически* правильный выводъ очевидно будетъ тотъ: итакъ, или евангельскій Христосъ, или халкидонскій догматъ. Такъ какъ сдѣлать его еретики не хотѣли или не смѣли, то, какъ богословы и вѣрующіе, они оказывались побѣжденными.)

Или: неописуемость тѣла Христова понимается иначе, тѣсно: отрицается только возможность нарисовать его, отрицается его *изобразимость*. Замѣтимъ, что иконоборцы отрицали и должны были отрицать изобразимость Христа принципиально; икона Христова суть ложные образы не потому, что живописцы плохи, а потому, что создать истинную икону его *метафизически* невозможно. Но такое утверждение, доказывали православные, равносильно утверженію не только того, что Христосъ *невообразимъ*, но что Онъ просто-таки—невидимъ, ибо таковъ догматъ современной спору теоріи пластическихъ искусствъ: изобразимо все, что видимо и даже болѣе того—все, что вообразимо и какъ-либо въ какомъ бы то ни было отношеніи доступно познанію—все то и изобразимо.

Такимъ образомъ рѣшеніе поднятаго иконоборцами вопроса о описуемости *Богочеловѣка* седьмымъ соборомъ и другими православными мыслителями, пробивало первую (хотя и очень, на первый случай, узкую) брешь въ догматической *иносологіи*, унаслѣдованной отъ древности христіанскими мыслителями. Важность этого рѣшенія съ историко-философской точки зрѣнія очевидна, какъ бы мы сами ни думали о самомъ халкидонскомъ догматѣ, давшемъ толчокъ къ спору.

Можно возразить, что эта пробитая брешь была однако такъ узка, касаясь лишь одного, совершенно исключитель-

наго объекта познанія—Богочеловѣка, что едва ли кто-нибудь изъ послѣдующихъ мыслителей прошелъ бы такими тѣсными вратами. Но недаромъ говорятъ, что во всякомъ важномъ дѣлѣ первый шагъ труднѣе и важнѣе всего; стоило признать въ одномъ пунктѣ трудно дававшееся положеніе, какъ тотчасъ же обнаружилось, что оно давно напрашивалось уму; тотчасъ нашлись ему доказательства въ кругѣ гораздо болѣе широкомъ, доступномъ, обычномъ; узкая брешь тотчасъ расширилась въ нѣсколько разъ. Во-первыхъ, соотношеніе между Христомъ въ себѣ и Христомъ явленіемъ оказалось необходимымъ расширить на освященную евхаристическую жертву: старая гръ сеологія оставляла совершенно непонятнымъ для иконоборцевъ, какимъ образомъ „неописуемый по тѣлу“ Христось, осязаемъ и вкушаемъ въ евхаристіи, разъ она есть его истинное тѣло.

Такъ, православные, доведя логику иконоборцевъ до конца, показавъ, что она ведетъ къ признанію непостижимости и невообразимости самого Христа-явленія (что противорѣчило показаніямъ Новаго Завѣта), показали, что точно также логика ведетъ далѣе къ признанію непостижимости и евхаристіи-явленія, что противорѣчило ежедневному опыту. Между тѣмъ опровергнуть эту логику оказывалось невозможнымъ; возможно было противопоставить другой логическій рядъ; но тотъ фактъ, что оба эти ряда, противорѣча другъ другу, оказывались вѣрными сами по себѣ, громко говорилъ, что и тутъ антиномія и что и тутъ одинъ только выходъ—признать, что евхаристія-явленіе и Тѣло Христово въ себѣ, какъ ея причина, не связаны логически постижимымъ образомъ.

Но далѣе по иконоборцамъ Богочеловѣкъ неизобразимъ, потому что невообразимъ; а невообразимъ, потому что непостижимъ; и въ частности непостижимо единеніе естество Его въ одной ипостаси. Но, говорятъ православные (и въ этомъ они совершенно правы), если невообразимо и неизобразимо все, что непостижимо, то неизобразимъ не только Богочеловѣкъ, но и всякій живой человѣкъ. Душа и тѣло

существенно диспаратны, такъ же какъ челоѳчество и Божество, опредѣляя душу, мы тоже приписываемъ ей рядъ признаковъ, представляющихъ логическое противорѣчiе признакамъ тѣла; и обѣ въ живомъ „мысленномъ челоѳкѣ“ (т.-е. въ челоѳкѣ, какъ вещи въ себѣ) объединены ипостасно: особыхъ ипостасей душа и тѣло въ живомъ челоѳкѣ не составляютъ. И такъ, одно изъ двухъ: или живой челоѳкѣ неизобразимъ, или и для челоѳка необходимо признать отсутствiе разумомъ постижимой связи между свойствами вещи въ себѣ и явленiя. А такъ какъ изобразимости (принципiальной) обыкновеннаго живого челоѳка не оспаривалъ никто, то оставалось принять вторую половину дилеммы.

Сказать, что въ финалѣ иконоборческаго спора догматическая гносеологiя разъ навсегда получила смертельный ударъ, было бы слишкомъ много. Не говоря уже о томъ, что для материалиста и атеиста, не признающаго ни Бога, ни особой субстанци челоѳческой души, весь этотъ споръ не существуетъ, даже для вѣрующаго христианина онъ можетъ рѣшаться и иначе, чѣмъ показано выше: можно отречься или отъ халкидонскаго ученiя о Богочелоѳкѣ (новые протестанты), или отъ „отрицательнаго богословiя“, т.-е. можно отстаивать мысль, что ипостасное соединенiе природъ челоѳческой и божественной не противорѣчить разуму, такъ какъ божественная природа *включаетъ* въ себя челоѳческую, а не *противопологается* ей (Вл. Соловьевъ).

Такимъ образомъ и здѣсь оказывалось, что иконоборцы, начавъ съ защиты халкидонскаго догмата, кончаютъ его разрушенiемъ, ибо евангелiя каждой страницей своей говорятъ о видимости Христа. И такъ, вотъ суммированный аргументъ православныхъ — если описуемость тѣла Христова неизбежно ведетъ къ слянiю естества или къ раздѣленiю ипостасей, или къ отрицанiю обожествленiя плоти, или къ понятiю о плоти какъ о четвертой ипостаси Троицы, то значить къ тому же самому ведетъ и простая требуемая евангелиемъ вѣра въ его осязаемость, видимость и т. д., т.-е. попросту — въ истинность его вочелоѳченiя.

Очевидно, что съ богословской точки зрѣнія иконоборцы опровергнуты; но съ діалектической-философской выводъ пока можетъ быть только одинъ: да, евангельское представленіе, да и вообще никакое наглядное представленіе о Христѣ, съ халкидонскимъ догматомъ несовмѣстимо. Довершать дѣло съ этой стороны, показывать, какимъ только образомъ можно устранять это заключеніе, совсѣмъ не входило въ обязанность православныхъ полемистовъ, какъ богослововъ; но тѣмъ не менѣе они дали и нѣсколько цѣнныхъ указаній въ этомъ смыслѣ, весьма облегчающихъ это и безъ того теперь уже нетрудное довершеніе. Православные полемисты показываютъ очень остроумно, что съ точки зрѣнія иконоборцевъ недозволительно ни употребленіе, ни неупотребленіе иконъ; на рядѣ примѣровъ они выясняютъ, что пользуясь тѣми же двумя рядами признаковъ въ ипостаси Христа, легко обратить всѣ разсужденія иконоборцевъ противъ нихъ самихъ.

Христось, говорятъ иконоборцы, неопикуемо, такъ какъ его два естества нераздѣльны, ипостась одна, и одно изъ естествъ неопикуемо. Очевидно также можно сказать; что Христось опикуемо, ибо ипостась одна, естества нераздѣльны и одно изъ нихъ опикуемо; все дѣло въ томъ, что оба противорѣчащіе признака одновременно принадлежать одной ипостаси. Если опикуемость Христа предполагаетъ особую ипостась плоти (отдѣляетъ плоть отъ Логоса) или особую ипостась его человѣчества, то, очевидно, неопикуемость Христа предполагаетъ особую ипостась Логоса, отдѣленіе Логоса отъ плоти. Оказывается такимъ образомъ, что путь мысли, на который вступили иконоборцы, ведетъ въ безысходный лабиринтъ; куда ни кинь, все выходитъ клинь; опикуемый или неопикуемый, получается неизбѣжно Христось монофизитскій, или несторіанскій, или четверица вмѣсто Троицы.

Эта діалектическая неопровержимость построеній обѣихъ партій и вмѣстѣ ихъ полная противоположность выяснила, говоря современнымъ философскимъ языкомъ, что дебаты-

руемый вопрос принадлежит къ такъ называемымъ *антиноміямъ*, т.-е. выходитъ изъ предѣловъ компетенціи чистаго разума. Выходитъ, что халкидонскій Христосъ не можетъ быть ни описуемымъ (иконоборцы), ни неопикуемымъ (православные). Это выводъ уже рѣшительно невозможный: получается нарушение закона исключеннаго третьяго въ области *явленій* (рѣчь идетъ о видимомъ евангельскомъ Христѣ). Очевидно остается выборъ: или отречься отъ догмата вѣры, признать халкидонскаго Христа за паралогизмъ, логическое *monstrum*, произвольное сочетаніе несомвѣстимыхъ *признаковъ*, сводящееся къ безсмысленному сочетанію противорѣчивыхъ *терминовъ*, (такъ и поступаютъ новѣйшіе протестанты); или же, сохраняя вѣру въ соборный догматъ, должно признать, что въ *Богочеловѣкѣ* логическая противорѣчивость существа не мѣшала ни Ею реальности, какъ вещи въ себѣ, ни Ею постижимости, какъ явленія; иными словами что а) логическіе законы не могутъ имѣть силы для вещей въ себѣ (именно—законъ невозможности противорѣчія) и б) что совмѣщеніе въ вещи въ себѣ противорѣчающихъ качествъ не ведетъ неизбѣжно къ появленію въ ней, какъ въ явленіи, взаимно исключаютыхъ другъ друга признаковъ; сверхраціональная вещь въ себѣ (Халкидонскій Богочеловѣкъ) можетъ дать вполне постижимое явленіе (эмпирической Іисусъ Христосъ); логически постижимой связи между ними можетъ и не быть; отъ сущности Богочеловѣка (открытой намъ съ безусловной истинностью Д. Св.) мы не имѣемъ права заключать къ свойствамъ его явленія.

Но важно то, что рѣшеніе, зачеркнувшее необходимость логической связи между Богочеловѣкомъ, какъ вещью въ себѣ и имъ же, какъ явленіемъ, *раздалось* въ церкви и даже было напередъ *авторизовано* на случай, если бы оно оказалось единственно возможнымъ (VII вселенскій соборъ говоритъ: „Мы исповѣдуемъ вселенскій догматъ, ибо вѣруемъ Духу Святому, и Христа исповѣдуемъ видимымъ и описуемымъ, такъ какъ вѣримъ евангеліямъ, *хотя бы и невозможно было понять, какъ существуетъ такое совмѣщеніе*“). Этимъ впервые въ исторіи европейскаго человѣчества ясно высказано

было основное гносеологическое положеніе критицизма, поставлено требованіе—создать новую, критическую гносеологию, пока еще въ религіозныхъ, именно апологетическихъ цѣляхъ.

Такимъ образомъ, все догматическое движеніе эпохи вселенскихъ соборовъ представляется однимъ изъ проявленій брезжущаго наукѣ историческаго закона *гетерогеніи цѣлей*. Онъ гласитъ, что великіе результаты исторической дѣятельности человѣческихъ личностей и обществъ по большей части совершенно расходятся съ тѣми цѣлями, которыя сознательно ставили себѣ дѣятели. Какъ Колумбъ, желая открыть морской путь въ Индію, открылъ Америку; какъ алхимики, ища философскій камень, изобрѣли порохъ и основали химию; какъ крестовые походы, вмѣсто освобожденія Св. земли отъ мусульманъ и подчиненія восточныхъ христіанъ папской теократіи, привели къ паденію папства и къ культурному сближенію мусульманскаго и христіанскаго міра,—такъ эпоха вселенскихъ соборовъ, стремившихся доказать согласіе откровенія съ принципами и понятіями античнаго философскаго догматизма, привела къ отказу отъ этого догматизма и къ требованію новой гносеологіи, такъ или иначе учащей о *качественной* непознаваемости міра вещей въ себѣ (критицизма въ широкомъ смыслѣ слова). Кантъ явился на Западѣ въ XVIII вѣкѣ, но почва для его явленія была приготовлена на Востокѣ уже въ VIII. Смутное сознаніе несостоятельности рачіонализма съ богословской точки зрѣнія существовало и на Западѣ, и оно помѣшало явиться здѣсь чистому рачіонализму раньше Декарта и Спинозы; но будь это сознаніе не смутно, а ясно, пойми философствующій Западъ во-время смыслъ восточнаго философствующаго иконоборчества—критицизмъ могъ бы явиться безъ малаго на тысячу лѣтъ раньше, чѣмъ явился; уже Скотъ Эригена могъ бы быть Кантомъ. Таковъ итогъ дѣятельности вселенскихъ соборовъ съ точки зрѣнія исторіи мысли вообще.

Для православнаго богословія этотъ итогъ означалъ, что платонизмъ, какъ гносеологія и какъ метафизика, не свя-

зань органически съ догматическимъ зданіемъ вселенскихъ соборовъ и можетъ быть отброшенъ; такъ лѣса, при помощи которыхъ строится зданіе, сперва необходимые, по окончаніи постройки подлежатъ снятію, такъ какъ становятся ненужны и только мѣшаютъ видѣть зданіе и оцѣнить красоту его самого по себѣ. Но тутъ можно встрѣтить такой „недоумѣнный“ вопросъ: почему же доселѣ въ православномъ богословіи рѣшительно преобладаетъ отрицательное отношеніе къ возникшимъ въ новое время гносеологіямъ качественно непознаваемого?

Но кто знаетъ, не имѣемъ ли мы здѣсь одинъ изъ примѣровъ того, какъ люди, вѣруя, что въ хранимомъ ими сокровищѣ мысли есть ядро неприкосновенной истины, связываютъ его судьбу съ судьбой его временныхъ оболочекъ? Такъ открытія Колумба и Коперника долго казались и богословію и его противникамъ непримиримыми съ догматами церкви; а затѣмъ мало-по-малу выяснилось, что гиппархоптоломеевская система и философія Аристотеля съ ея абсолютнымъ „верхомъ“ и „низомъ“—суть только оболочки; установилось соотвѣтственное толкованіе священныхъ текстовъ, вспомнили, что еще Василій Великій склонялся къ новопиеагорейскому геліоцентризму, и система Коперника стала предполагаться въ богословіи, какъ непререкаемая истина. Какъ знать, не случится ли того же самаго и съ Коперникомъ философіи—Кантомъ?

Почему же, однако, несостоятельность для богословія античной гносеологіи не была достаточно признана, о новой (критической) гносеологіи рѣчь не заходила и послѣ VII вселенскаго собора? Потому что при господствѣ догматикорелигіозныхъ воззрѣній и интересовъ сдѣланное наблюденіе о непригодности или несостоятельности античной гносеологіи, даже и при живомъ ходѣ мысли, въ дальнѣйшемъ легко могло повести къ основанію не *критической* гносеологіи, а другой догматической, только *отрицательной* по отношенію къ существовавшей общепринятой, такъ какъ рѣшеніе вопроса соборомъ по отношенію къ Христу легко могло бы возо-

бладать безъ дальнѣйшаго анализа во всей области чело-
вѣческихъ познаній. Но на дѣлѣ не случилось ни того, ни
другого. Причинъ тому было много; за главную мы счита-
емъ ту, что догматической гносеологіей пользовались св.
отцы, а церковь византійская къ X в. уже слишкомъ от-
выкла различать въ сокровищницѣ своего церковнаго пре-
данія безусловное и обязательное отъ условнаго и времен-
наго; не только отеческій и соборный догматъ, но весь
циклъ понятій и разсужденій, такъ или иначе съ нимъ свя-
занный, считается неприкосновеннымъ. А раздѣленіе цер-
квей сдѣлало преимущественной задачей Востока храненіе
традиціи во *всѣхъ ея частяхъ*. Упрекая за новшество Западъ,
Востокъ долженъ былъ ревниво слѣдить, чтобы этого упрека
Западъ не могъ возвратить ему.

Борисъ Меліоранскій.

Къ вопросу о свободѣ воли.¹⁾

(Данныя гипнологіи и психопатологіи).

Тема моего доклада уже не разъ служила предметомъ оживленнаго обмѣна мыслей въ этой залѣ, на засѣданіяхъ Психологическаго общества. И, если я не ошибаюсь, ровно двадцать лѣтъ тому назадъ, въ началѣ 1887 года, здѣсь былъ выслушанъ первый рефератъ „о свободѣ воли“; за нимъ послѣдовалъ рядъ другихъ, и названному вопросу было удѣлено много силъ и вниманія со стороны членовъ молодого общества, тогда только что основаннаго трудами своего перваго предсѣдателя. И хотя я не былъ свидѣтелемъ этого блестящаго періода въ жизни Психологическаго общества, я чувствую потребность вспомнить съ глубокой благодарностью имя Николая Яковлевича Грота, приобщившаго меня впоследствии къ тому кругу идей и вопросовъ, съ которыми тѣсно связанъ мой сегодняшній рефератъ. Знаю, что въ то далекое время въ преніяхъ по вопросу о свободѣ воли принимали участіе лучшія силы Психологическаго общества, что ими сдѣлано такъ много для правильной постановки и рѣшенія этой запутанной проблемы, а потому вы поймете то естественное смущеніе, которое я испытываю теперь, снова затрагивая старинный вопросъ, названный кѣмъ-то недаромъ квадратурой философскаго круга. Приведеннымъ сравненіемъ имѣлось въ виду отгѣнить его исключительную трудность и даже намекнуть на

¹⁾ Докладъ, читанный въ засѣданіи Московскаго Психологическаго общества 31-го марта 1907 г.

невозможность его разрѣшенія путемъ философскаго анализа. А потому всякое новое разсужденіе на эту тему требуетъ съ самаго начала объясненія и даже оправданія. Вѣдь было бы непростительно съ моей стороны надѣяться охватить вопросъ во всей его сложности, вновь извлекая на свѣтъ и знаменитый камень Спинозы, который „еслибы могъ размышлять и т. д.“, и призракъ Буриданова осла, погибшаго отъ голода между двумя связками сѣна, и „умопостигаемый характеръ“ Канта и другія не только гениальныя концепціи, но подчасъ и причудливыя построенія. Скажу заранѣе, что изъ этого арсенала я извлекъ лишь „чувствованіе свободы“, на анализѣ котораго и намѣренъ остановиться. И если мнѣ придется въ началѣ коснуться детерминизма, то, какъ бы сильно не влекло меня мое общее міровоззрѣніе въ сторону этой доктрины, не могу не согласиться однако, что большинство трактатовъ, посвященныхъ детерминизму далеко не безупречно въ смыслѣ научной методологіи ¹⁾. Эти трактаты заполнены главнымъ образомъ такими же діалектическими разсужденіями и аподиктическими утвержденіями, какъ и трактаты, исходящіе изъ противоположнаго лагеря. Но такой пріемъ недостаточенъ для всесторонняго рѣшенія вопроса. На это между прочимъ указывалъ покойный проф. Корсаковъ, очень интересовавшийся проблемой свободы. „Діалектическій методъ“, говорилъ онъ, „есть могучій способъ въ изслѣдованіи научныхъ истинъ, но не нужно забывать, что примѣняя этотъ методъ, нельзя упускать изъ виду и другихъ научныхъ методовъ, напр., метода наблюденій и экспериментовъ. Мнѣ кажется, что въ вопросѣ о свободѣ воли слишкомъ мало изслѣдована, *тутель научныхъ наблюденій и эксперимента фактическая сторона* и потому пока всѣ діалектическіе разсужденія будутъ очень мало обогащать наши знанія“ ²⁾.

¹⁾ См. объ этомъ у Петражицкаго, Введ. въ изуч. права и нравственности, стр. 177 и слѣд.

²⁾ Труды Московскаго Психологическаго общества, выпускъ 3, „О свободѣ воли“. Ст. 208 и слѣд.

Къ такому же заключенію приходитъ проф. Петражицкій, затрагивающій вопросъ о свободѣ воли съ точки зрѣнія юриста-психолога. По его мнѣнію необходимо „надлежащее специальное изслѣдованіе относительно причинъ волевыхъ феноменовъ, какъ таковыхъ“. Такимъ „надлежащимъ изслѣдованіемъ было бы индуктивное изслѣдованіе“, путемъ соотвѣтствующихъ методовъ. „Однако“, говоритъ онъ, „необходимость индуктивнаго изслѣдованія проблемы (свободы) чужда сознанію послѣдователей какъ детерминизма, такъ и противоположнаго ученія“ ¹⁾).

Дѣйствительно, съ указанной стороны сдѣлано еще очень мало. Совершенно не тронутымъ лежитъ въ сторонѣ богатый фактической матеріалъ. Опыты надъ загипнотизированными субъектами, наблюденіе надъ душевно-больными, нѣкоторыя данныя экспериментальной психологіи—все это, (если не считать небольшой работы проф. Ноше ²⁾), мало привлекаетъ вниманіе изслѣдователей и не утилизируется ими въ интересахъ рѣшенія вопроса.

Хотѣлось бы сдѣлать попытку хоть отчасти заполнить этотъ пробѣлъ. И въ этомъ я ищу оправданія, что, несмотря на необъятную литературу разбираемаго вопроса, несмотря на то, что здѣсь, въ этой залѣ, свобода воли неоднократно служила предметомъ самаго разнообразнаго и талантливаго освѣщенія, я все же рѣшился вновь подойти къ вопросу о свободѣ воли.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Принципы такъ называемаго детерминизма крайне просты и незамысловаты: всѣ перемѣны, происходящія въ мірѣ, имѣютъ свои причины; ничто не совершается самопроиз-

¹⁾ Петражицкій стр. 186, 187.

²⁾ Prof. dr. Hoche. Die Freiheit des Willens vom Standpunkte der Psychopathologie. Wiesbaden 1902.

вольно, независимо отъ цѣлаго ряда предшествующихъ условій; фактъ, разъ совершившись, *долженъ былъ* совершиться именно *такъ*, а не иначе, если же этотъ фактъ въ слѣдствіи происходитъ нѣсколько иначе, то мы заключаемъ отсюда, что вызвавшія его причины должны были претерпѣть соотвѣтствующія измѣненія; сознание и воля, какъ явленія природы, также подчинены *всеобщему закону причинности*; воля и всѣ вытекающія изъ нея дѣйствія человѣка, опредѣляются его побужденіями, побужденія (или мотивы дѣйствія) зависятъ отъ характера, а характеръ является сложнымъ продуктомъ наслѣдственности, условій развитія, воспитанія, среды и т. д.; каждый отдѣльный поступокъ человѣка долженъ былъ произойти именно такъ, какъ онъ произошелъ въ дѣйствительности, и для того, чтобы поступокъ совершился иначе должны измѣниться или самъ субъектъ, или окружающія условія; слѣдовательно, при *данныхъ* условіяхъ, для *даннаго* субъекта возможно исключительно одно, а именно *данное* дѣйствіе. Изъ этой формулы, составленной Рилемъ ¹⁾, вытекаетъ логическое слѣдствіе, что свобода воли—метафизическая мечта, лишенная всякой реальности, простая иллюзія оболъщенного самосознанія. „Новая астрономія“, говоритъ Риль, „созданная Коперникомъ и Кеплеромъ, не даромъ слыветъ открывшею движеніе земли и познавшею истинное устройство солнечной системы; новая философія въ свою очередь можетъ похвалиться тѣмъ, что открыла движеніе воли и выяснила истинный строй духа. Оба открытія—астрономическое и философское—образуютъ поворотные пункты научнаго міровоззрѣнія, — первое—важнѣйшій культурно-историческій вкладъ въ познаніе о внѣшнемъ мірѣ, второе—основу для научнаго пониманія внутренняго міра, духовной жизни человѣка. Въ обоихъ случаяхъ настоящее положеніе дѣла противорѣчитъ показаніямъ непосредственнаго опыта; здѣсь выясненіе истины означаетъ, слѣдовательно, торжество мысли надъ

¹⁾ Риль. Теорія науки и метафизика и т. д. перев. Корша Москва 1887, стр. 284.

первоначальнымъ познаніемъ, связаннымъ съ чувственными впечатлѣніями. По достиженіи теоріей Коперника всеобщаго господства, восходъ и закатъ солнца считаются просто обманомъ чувствъ, хотя съ точки зрѣнія земного наблюдателя явленіе это необходимо, такъ и свободу воли называютъ обманомъ внутренняго чувства, хотя для самого дѣйствующаго лица, т.-е. съ точки зрѣнія субъективнаго опыта, она и должна казаться свободной¹⁾.

Противъ этихъ положеній однако энергично возстаетъ человѣческое сомознаніе, непосредственная философія обыденной жизни. Вспоминая тотъ или иной свой прошедшій волевой актъ, человѣкъ убѣжденно и рѣшительно заявляетъ: „Я могъ поступить иначе; я былъ свободенъ поступить совершенно обратно“. Въ этомъ категорическомъ заявленіи отражается вполне опредѣленное и ясное свидѣтельство нашего внутренняго опыта, которое и является главной причиной того, что ученіе о свободѣ воли съ давнихъ поръ находило такое множество энергичныхъ сторонниковъ. Не будь этого свидѣтельства нашего самознанія, не было бы и самого вопроса и люди, чувствуя себя не свободными, были бы естественными детерминистами.

Съ развитіемъ научнаго мышленія, по мѣрѣ того какъ принципъ всеобщей причинной связи явленій сталъ вторгаться и въ область феноменовъ психической жизни, вопросъ о свободѣ воли пріобрѣлъ особенную остроту. Съ ясной и опредѣленной формулой: все, что ни совершается отъ величайшаго до малѣйшаго, совершается одинаково необходимо—съ этой формулой никакъ не могло примириться то еще болѣе ясное и отчетливое *чувствованіе свободы*, какое переживается человѣкомъ при совершеніи волевыхъ актовъ. Здѣсь, такимъ образомъ, внѣшній и внутренній опытъ вступаетъ въ ожесточенный конфликтъ, и, въ то время какъ детерминизмъ всецѣло основывается на данныхъ внѣшняго опыта, распространяя законъ причинности на всѣ міровые процессы, въ томъ числѣ и на

1) Тамъ же, стр. 257.

явленія психической дѣятельности, — индетерминизмъ беретъ подъ свою защиту непосредственное чувствованье свободы и утверждаетъ, что волевые акты вносятъ собой перерывы въ ряды механической причинности. Мы сознаемъ себя свободными въ своихъ волевыхъ рѣшеніяхъ, и это сознание, говорятъ индетерминисты, не можетъ быть обманомъ, т. к. въ нашемъ сознаніи психическихъ явленій никакой обманъ немислимъ, „по той простой причинѣ, что наши психическія явленія только въ нашемъ сознаніи и существуютъ и больше ихъ *нидъ нитгъ*; стало быть, *какъ* они въ сознаніи даны, такова и ихъ *единственная* дѣйствительность“ ¹⁾. Мы чувствуемъ себя свободными, слѣдовательно, мы свободны.

Далѣе, по мнѣнію индетерминистовъ, свобода воли требуется (постулируется) цѣлымъ рядомъ практическихъ соображеній. Если данный поступокъ является единственно возможнымъ, если онъ такъ же необходимъ, какъ паденіе камня или отклоненіе магнитной стрѣлки, то не исчезаетъ ли всякій смыслъ въ одобреніи и порицаніи, въ наказаніяхъ и наградахъ и имѣемъ ли мы право дѣлать отвѣтственнымъ человѣка за его поступки? Между тѣмъ чувствованіе отвѣтственности столь же реально, какъ и чувствованье свободы, и оба эти переживанія тѣсно связаны между собой. Мы чувствуемъ себя отвѣтственными, слѣдовательно, мы отвѣтственны и слѣдовательно—свободны. „Въ этомъ утвержденіи теологія, наука уголовного права и вся сумма общественныхъ отношеній соединяются другъ съ другомъ на защиту свободы воли“ (Риль). Такимъ образомъ, теоретическій интересъ сталкивается съ интересомъ практическимъ, и „если, говоритъ проф. Л. М. Лопатинъ, отрицаніе закона причинности есть отрицаніе всякаго знаніе, то, въ свою очередь, отрицаніе свободы есть отрицаніе нравственной жизни“ ²⁾.

Когда слѣдствія, выведенныя изъ двухъ фактовъ, при-

¹⁾ Л. М. Лопатинъ. Вопросъ о свободѣ воли. Труды Московскаго Психологическаго Общества. Выпускъ III, стр. 124.

²⁾ Тамъ же, стр. 108.

входятъ къ неразрѣшиму противорѣчію, то прежде всего необходимо удостовѣриться въ справедливости означенныхъ фактовъ. Законъ причинности—незыблемая основа всего нашего опытнаго познанія. Однако всеобщность этого закона не можетъ быть научно доказана. И весь вопросъ о свободѣ воли коренится въ гипотетическомъ допущеніи, что законъ причинности имѣетъ свои исключенія, а именно не простирается на явленія сознанія и воли. Понятно, что будь его всеобщность доказана, съ этого момента индетерминизмъ, какъ философское ученіе, не могъ бы просуществовать ни единой минуты. Но дѣло въ томъ, что всеобщность закона причинности—также гипотетическое допущеніе. Въ этомъ смыслѣ высказываются тѣ осторожные изслѣдователи, которые не хотятъ вносить въ науку аподиктическихъ принциповъ, заимствованныхъ изъ области вѣрованій и метафизическихъ умозрѣній. По ихъ мнѣнію, всеобщность причинной связи только *вѣроятна*. Правда, что, если мы желаемъ достигнуть научнаго пониманія явленій, мы должны поступать такъ, какъ будто всеобщность причинной зависимости уже доказана; мы молчаливо признаемъ всеобщее значеніе причинной связи, какъ постулатъ всякаго научнаго мышленія; но при этомъ не слѣдуетъ забывать, какъ выражается Петражицкій, что „возведеніе въ истины разныхъ положеній, на томъ основаніи, что признаніе ихъ правильности требуется для такой или иной цѣли, есть методъ ненаучный съ элементарно-логической точки зрѣнія; нелогично и нелѣпо обосновывать наличность чего-либо тѣмъ, что мы въ немъ нуждаемся, хотя для этой формы смѣшенія теоретической и практической точки зрѣнія и имѣется въ распоряженіи громкое слово постулатъ и авторитетный образецъ въ лицѣ философіи Канта“¹⁾. Такимъ образомъ утверждать „постулятивно“ всеобщность причинной связи пріемъ совершенно не научный; оставаясь на единственно логически правильной точкѣ зрѣнія, мы можемъ утверждать

¹⁾ Петражицкій, 1. с., стр. 186.

лишь то, что „по мѣрѣ совершенствованія техники научнаго мышленія и соотвѣтственнаго обогащенія и укрѣпленія научныхъ знаній, все большее количество явленій оказы-
вается, на основаніи научно-методологическихъ излѣдова-
ній, подчиненнымъ причинной зависимости, и все больше и
больше расширяется и углубляется знаніе соотвѣствен-
ныхъ законовъ. Сообразно съ этимъ все болѣе и болѣе
растетъ *вѣроятность*, что дѣло идетъ не о какомъ-нибудь
случайномъ и частичномъ явленіи, а объ общемъ порядкѣ
природы“ ¹⁾).

Если раздѣлять вышеприведенный взглядъ, по которому
законъ всеобщей причинной связи только *вѣроятенъ*, но еще
не доказанъ, то, разумѣется, было бы непозволительно при-
водить этотъ законъ въ качествѣ аргумента противъ сво-
боды воли.

Я не намѣренъ, однако, долго останавливаться на вопросѣ
о законѣ причинности; для цѣлей этого реферата необхо-
димо лишь выяснить мою точку зрѣнія на этотъ вопросъ,
а потому, не вдаваясь въ подробности, я позволю себѣ
высказать мнѣніе, что вышеприведенное разсужденіе о вѣ-
роятности всеобщей причинной связи, несмотря на его
осторожность и видимую научность, представляется мнѣ
не лишеннымъ какого-то схоластическаго педантизма. Едва
ли не будетъ правильнѣе признать, что всеобщность при-
чинной связи познается нами такъ же непосредственно,
какъ существованіе пространства и времени и что умъ
человѣка не въ состояніи мыслить какой-либо фактъ внѣ
его зависимости отъ предшествующей цѣпи явленій; самая
строгая опытная провѣрка подтверждаетъ эту зависимость
на каждомъ шагу. Всеобщность причинной связи является,
такимъ образомъ, результатомъ высшей индукціи, и дедук-
тивная проэктія этого знанія въ области неизвѣстнаго
вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ научной мето-

¹⁾ Л. М. Лопатинъ. Вопросъ о свободѣ воли. Труды Московскаго Психологическаго Общества. Выпускъ III, стр. 108.

дики. Идея причинности — основная предпосылка всякаго опыта, аксіома познающаго разума, не *постулятъ* научнаго мышленія, но *априорная* основа науки.

Нѣкоторые мыслители пытались доказать, что „законъ причинности имѣеть сравнительно недавнее происхожденіе“ и что идея объ его безизъятной полносильности отсутствуетъ и теперь еще у огромнаго большинства людей; ея не было, будто бы, даже у древней философіи, вплоть до Демокрита“ (Риль). Нѣтъ спору, что законъ причинности въ его научной формулировкѣ (законъ неизмѣннаго единообразія въ послѣдовательности явленій)—есть достояніе позднѣйшей науки. Но и древняя вѣра въ „беззаконность и чудеса“,—говоритъ проф. Лопатинъ,—„вовсе не допускала безпричинности. Человѣческія племена на самой низшей мѳологической стадіи своего духовнаго роста, развѣ отрицають законъ причинности, или ограничивають его примѣненіе? Для нихъ весь міръ представляетъ замкнутую систему духовныхъ дѣятелей, которые своею волей направляютъ всѣ его явленія, которые то враждуютъ съ человѣкомъ, то любятъ его и сообразно съ этимъ то наказываютъ его, то награждаютъ. При этомъ идеѣ объ единообразіи явленій, конечно, мѣста нѣтъ; но причина для нихъ указывается вполне опредѣленно: она полагается въ творческой дѣятельности духовъ, наполняющихъ вселенную. Древніе мексиканцы послѣдній день каждаго вѣка своей эры проводили въ несказанномъ страхѣ, опасаясь, что на слѣдующее утро солнце не взойдетъ совсѣмъ. Но при этомъ они вовсе не думали, что такое несчастіе разразится безъ причины; они боялись только, что ихъ свирѣпое и ревнивое божество внезапно рѣшитъ, что людямъ существовать довольно и уничтожить всякую жизнь на землѣ. Они предвидѣли причину ожидаемой перемѣны, хотя, безспорно, въ нихъ представленіе о прочности міроваго строя было очень слабо“ ¹⁾).

¹⁾ Л. М. Лопатинъ. Е. с., стр. 111.

Отсюда ясно, что общечеловѣческое понятіе о причинности существовало уже въ незапамятныя времена; смутная интуиція или несовершенная индукція,—это понятіе получило лишь въ сравнительно недавнее время свою научную формулировку. И я, конечно, не сталъ бы такъ долго останавливаться на этомъ вопросѣ, не желая ломиться въ открытыя двери, если бы не была предложена вышеприведенная поправка къ теоріи причинности, въ видѣ положенія объ его *вѣроятности*, словно идетъ рѣчь о какомъ-нибудь частномъ явленіи природы; въ послѣднемъ случаѣ всегда умѣстны и крайній скептицизмъ и величайшая осторожность. Но когда дѣло касается основныхъ предпосылокъ познанія, эти качества превращаются въ бесплодное мудрствованіе и педантическое резонерство. Будемъ ли мы разсматривать причинную связь, какъ дѣйствительно сущее соотношеніе вещей, или же, слѣдуя Канту, увидимъ въ немъ одну изъ апіорныхъ формъ познающаго разума—мы не можемъ отрѣшиться отъ его неизмѣнной всеобщности.

II.

Второй фактъ, требующій надлежащаго разсмотрѣнія (и этимъ я приближаюсь къ непосредственной темѣ моего реферата), есть то своеобразное *чувствованіе свободы*, наличность котораго придаетъ вопросу о свободѣ воли его острый противорѣчивый характеръ. Ясно, что, если законъ причинности непоколебимо-всеобщъ, то слѣдовательно всеобщее чувствованіе свободы, данное намъ въ самонаблюденіи, должно быть обманчиво, иллюзорно. Интересно отмѣтить, что это положеніе, хотя и не разъ высказывалось, не было никогда доказано.

Но прежде всего является вопросъ: это чувствованіе свободы—дѣйствительно ли оно всеобще, т.-е. единодушно переживается всѣми людьми при совершеніи волевыхъ актовъ?

Въ этомъ сильно сомнѣвался недавно скончавшійся профессоръ Герценъ. Онъ полагалъ, что „во всѣ времена было и теперь есть множество людей, у которыхъ отсутствуеть

всякое сознание свободы воли, которые, напротивъ того, чувствуютъ, что дѣятельность ихъ управляется или рядами болѣе или менѣе сознательныхъ мотивовъ, или волею Бога. Развѣ нѣтъ цѣлыхъ народовъ, исповѣдующихъ фаталистическое міросозерцаніе? Все, что можно сказать, это то, что сознание говоритъ *многимъ* людямъ, что они свободны; можно было бы даже протестовать противъ слова „многіе“ и потребовать замѣны его словомъ „нѣкоторые“¹⁾.

Съ мнѣніемъ Герцена едва ли можно согласиться. Безспорно, что огромное большинство людей, признающихъ влияние на ихъ волю, такъ называемыхъ, мотивовъ, допускаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что при активной оцѣнкѣ мотивовъ, *сама воля* имѣетъ въ конечной инстанціи самостоятельное рѣшающее значеніе. А въ этомъ допущеніи вѣдь и кроется ядро популярнаго общежитейскаго индетерминизма. Если бы только *нѣкоторые* исключительные индивиды пережили чувствованіе свободы, то врядъ ли возникъ весь этотъ *трагическій*²⁾ вопросъ, который Бэнъ окрестилъ именемъ „ржаваго замка метафизики“. Ссылка на мистиковъ и фаталистовъ также не представляется доказательной, такъ какъ и тѣ и другіе лишь отвлеченно разсуждаютъ о внушеніяхъ Божества или роковомъ предопредѣленіи. Пожалуй, можно допустить, что въ этихъ ученіяхъ кроется безсознательное убѣжденіе въ господствѣ закона причинности, своего рода предчувствіе детерминизма. Но чувствованіе свободы, какъ психологическое переживаніе, несомнѣнно имѣется и у фаталиста и мистика, и при всѣхъ произвольныхъ волевыхъ актахъ въ ихъ повседневной жизни они чувствуютъ, что причиной ихъ дѣятельности являются они сами, а вовсе не Божество, или Рокъ; любой кальвинистъ или иранскій дервишъ, поступивъ противно закону, можетъ, конечно, заподозрить впоследствии, что онъ сдѣлался жертвой лукавыхъ внушеній нечистаго духа, но, значить, нечи-

1) А. Герценъ. Общая физиологія души. Перев. Паперна. Изд. Павленкова. Спб., 1890 г., стр. 117.

2) Выраженіе Л. М. Лопатина.

стый одновременно съ грѣховнымъ внушеніемъ позаботился со свойственной ему хитростью внушить и чувствованіе свободы, чтобы, такимъ образомъ, совершенный поступокъ по своему психическому механизму ничѣмъ не отличался отъ нормальнаго волевого акта. Чувствованіе свободы свойственно и самому убѣжденному философу-детерминисту; онъ можетъ признавать себя несвободнымъ, на основаніи теоретическихъ построений, но *чувствуетъ* себя таковымъ. И, мнѣ кажется, можно высказать положеніе, что чувствованіе свободы есть несомнѣнный психологическій фактъ, данное внутренняго опыта, возникающее въ силу какихъ-то основныхъ свойствъ нормально функционирующаго психическаго механизма.

Мы приходимъ такимъ образомъ къ заключенію, что оба разсмотрѣнныхъ факта—законъ причинности и чувствованіе свободы—одинаково несомнѣнны и одинаково всеобщы. И если тѣмъ не менѣе они логически исключаютъ другъ друга, то приходится вспомнить положеніе, по которому въ опытѣ никакой антиноміи быть не можетъ, а потому, когда слѣдствія, выведенныя изъ эмпирическихъ данныхъ, приводятъ къ неразрѣшиму противорѣчію, то слѣдуетъ искать причину этого противорѣчія не въ фактахъ, какъ таковыхъ, а въ ихъ теоретическомъ истолкованіи.

„Мы чувствуемъ, что наша воля свободна; это чувствованіе несомнѣнный фактъ“, говорятъ индетерминисты, и научная критика до этого пункта съ ними вполне солидарна; но когда изъ приведеннаго положенія дѣлаютъ дальнѣйшій выводъ: „слѣдовательно воля дѣйствительно свободна“—научная критика произноситъ свое veto, указывая на неправомерность сдѣланнаго заключенія. Заключеніе это неправильно прежде всего потому, что оно грѣшитъ кореннымъ образомъ противъ законовъ формальной логики. Силлогизмъ, изъ котораго приведенное заключеніе выводится, строился бы слѣдующимъ образомъ:

1) Все, что ясно чувствуется всѣми людьми—объективно истинно.

2) Свобода воли ясно чувствуется всѣми людьми.

3) Слѣдов. своб. воли объективно истинна, она существуетъ.

Но легко замѣтить, что первая посылка этого силлогизма не доказана, а потому все построение является образчикомъ элементарной логической ошибки, известной подъ именемъ *petitio principii*. Но мало того. Утверждение, что, если какой-либо фактъ единодушно признается всѣми людьми, то, значить, этотъ фактъ дѣйствительно существуетъ—утверждение это совершенно неправильно и, такимъ образомъ, нашъ силлогизмъ, кромѣ *petitio principii*, заключаетъ въ себѣ еще болѣе крупный порокъ, а именно *præteritum futurum*, или *error fundamentalis*. Его первая посылка неправильна даже относительно явленій внѣшняго міра. Психологія воспріятія знаетъ цѣлый рядъ такъ называемыхъ иллюзій, свойственныхъ всѣмъ пяти органамъ чувствъ. Есть *постоянныя* иллюзії, которымъ подвержены всѣ люди безъ исключенія и отъ которыхъ можно освободиться лишь путемъ долгаго опыта и упорныхъ усилій. Приэтомъ по поводу очень многихъ иллюзій можно согласиться съ толкованіемъ *James'a*, согласно которому—иллюзія не есть въ сущности неправильное воспріятіе: то непосредственное впечатлѣніе, которое мы получаемъ—несомнѣнный фактъ и элементъ иллюзорности содержится не въ немъ самомъ, „а въ томъ сужденіи, которое мы составляемъ о немъ“. „Данное воспріятіе“—говорить *James*,—„если бы мы могли ощущать его обособленнымъ отъ всего остального, оставалось бы до конца истиннымъ; оно вводитъ насъ въ заблужденіе лишь тѣмъ, что вызываетъ за собою; такъ называемые, обманы чувствъ, которымъ давали такъ много толкованій древніе скептики, не суть, собственно говоря, обманы чувствъ—это скорѣе обманы интеллекта, который ложно истолковываетъ данное чувство“ 1).

Для того, чтобы коррегировать иллюзії, мы обычно сравни-

1) Джэмсъ. Психологія. Перев. И. И. Лапшина. Слб. 1896, стр. 255.

ваемъ между собой наши чувственные воспріятія; провѣряя осязательныя ощущенія зрительными или наоборотъ, мы мѣняемъ точку зрѣнія и достигаемъ, такимъ образомъ, истиннаго познанія. Дальнѣйшей задачей научнаго анализа является отысканіе тѣхъ условій, которыя вызываютъ данную иллюзію; а все вмѣстѣ взятое устанавливаетъ окончательное сужденіе объ изслѣдуемомъ явленіи и отводитъ ему подобающее мѣсто, сообразно характеру его и значенію. Иногда этотъ процессъ коррегированія иллюзій выходитъ изъ круга элементарно-чувственныхъ воспріятій, подымаясь на высоту научно-философскаго созерцанія. Такъ, напримѣръ, возвращаясь къ сравненію Рила, — „чтобы настоящее движеніе небесныхъ тѣлъ отличить отъ кажущихся, мы должны мысленно геоцентрическую точку зрѣнія, обусловливающую наше воспріятіе, замѣнить гелиоцентрической и тогда, хотя и продолжая попрежнему *видѣть* восходъ и закатъ солнца, мы путемъ *умозаключенія* возстановляемъ истинное положеніе вещей“.

Я не буду долго останавливаться на разсужденіи о томъ, что при внутреннемъ воспріятіи, при самонаблюденіи, условія для всевозможныхъ иллюзій даны еще въ большей степени, чѣмъ при чувственномъ воспріятіи, что здѣсь самый способъ наблюденія заключаетъ въ себѣ многочисленныя источники ошибокъ, что здѣсь объектомъ наблюденія является самъ наблюдатель, почему, какъ извѣстно, Огюсть Контъ считалъ методъ самонаблюденія даже прямо нелѣпымъ и заранѣе обреченнымъ на самую жалкую неудачу. И хотя мнѣніе Огюста Конта нельзя не признать преувеличеннымъ, тѣмъ не менѣе даже психологи, пользующіеся почти исключительно интроспекціей, считаютъ необходимымъ признаться, что „свидѣтельства индивидуальнаго сознанія не слѣдуетъ принимать съ закрытыми глазами и что при этомъ обязательно слѣдуетъ руководствоваться извѣстными правилами осторожности“. Надо коррегировать результаты самонаблюденія. Для этого субъективный методъ дополняется объективнымъ, и эта комбинація обоихъ методовъ, характери-

зующая собой экспериментальную психологію, уже въ высокой степени гарантирована отъ ошибокъ и, какъ извѣстно, привела въ лицѣ Вундта къ плодотворнымъ научнымъ завоеваніямъ. Было бы, конечно, излишнимъ доказывать преимущества экспериментальнаго метода; но такъ какъ я имѣю въ виду изслѣдовать при его помощи чувствованіе свободы, то не могу не упомянуть, что этотъ методъ даетъ прежде всего возможность *повторять* изслѣдуемое явленіе любое число разъ до полного выясненія его характера и установленія его зависимости отъ различныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ факторовъ; при этомъ бываетъ нетрудно совершенно исключить вліяніе столь склоннаго къ иллюзіямъ *предвзятаго мнѣнія*, такъ какъ изслѣдуемый субъектъ можетъ быть поставленъ въ такія условія, при которыхъ онъ ничего не знаетъ о намѣреніяхъ экспериментатора. Если прибавить къ этому, что данный психическій процессъ выступаетъ впередъ вполне отчетливо и ясно, какъ бы выдѣленнымъ для цѣлей изслѣдованія изъ пестраго потока сознанія, то становится очевиднымъ, что при всѣхъ этихъ благопріятныхъ условіяхъ мы можемъ пользоваться для изученія душевныхъ явленій тѣми же основными методами индукціи (сходства, различія и сопутствующихъ измѣненій), которые примѣняютъ съ такимъ успѣхомъ физика, химія и біологія.

Но, къ сожалѣнію, изслѣдованіе (при помощи экспериментальнаго метода) явленій душевной жизни успѣшно подвигается впередъ лишь до тѣхъ поръ, пока дѣло касается такихъ элементарныхъ процессовъ, какъ воспріятіе, узнаваніе или простыя ассоціаціи. Чѣмъ сложнѣе психическій актъ, тѣмъ труднѣе вызвать его искусственно и тѣмъ все болѣе и болѣе недостаточны тѣ сравнительно грубыя приемы, съ которыми работаетъ экспериментальная психологія. Поэтому психологи въ поискахъ за новыми методами обратили вниманіе на явленія гипнотизма, сдѣлавъ попытку воспользоваться ими для анализа болѣе сложныхъ психическихъ переживаній. Въ настоящее время въ указанномъ направленіи

уже сдѣлано довольно много; и если даже съ самой строгой критикой отнестись къ добытому матеріалу, то „нельзя не признать“,—говорить *Loewenfeld* ¹⁾),—„что наука обогатилась новымъ отдѣломъ и что значительно развились наши знанія въ различныхъ областяхъ психологіи“. Нельзя не упомянуть, по этому поводу, о выдающихся работахъ Оскара Фохта, который явился однимъ изъ пионеровъ новаго метода, указавъ путь, какъ примѣнять гипнотизмъ для цѣлей психологическаго изслѣдованія.

Другимъ вспомогательнымъ методомъ для изученія сложныхъ душевныхъ комплексовъ могло бы явиться наблюденіе надъ психопатологическими состояніями. Однако, несмотря на ихъ огромное значеніе, психопатологическіе факты нашли въ психологіи лишь весьма ограниченное примѣненіе. „Причина этому“,—по мнѣнію Штѣрринга ²⁾),—„чисто внѣшняго характера: патологи были до сихъ поръ слишкомъ мало психологами и наоборотъ“. А между тѣмъ душевныя болѣзни представляютъ собой не только обширное поле для наблюденій, но и цѣлую психологическую лабораторію: вѣдь „въ патологическихъ случаяхъ эксперименты производитъ сама природа и производитъ ихъ сплошь и рядомъ не надъ простыми, а надъ сложными психическими процессами“, т.-е. какъ разъ надъ тѣми, для анализа которыхъ оказываются недостаточными повседневные методы опытной психологіи. Нерѣдко мы имѣемъ передъ глазами почти полную аналогію съ искусственнымъ экспериментомъ, какъ, на примѣръ, въ тѣхъ психопатологическихъ случаяхъ, когда первично измѣнено какое-либо *одно изъ условій* нормальной душевной дѣятельности. То же самое иногда можетъ быть достигнуто у здороваго субъекта путемъ гипнотическаго внушенія и въ этомъ случаѣ передъ нами уже не только аналогія съ экспериментомъ, но настоящій научный опытъ. И въ томъ и другомъ случаѣ при по-

¹⁾ Левенфельдъ. Гипнотизмъ. Перев. Ляссъ, стр. 404.

²⁾ Штѣррингъ. Психопатологія въ примѣненіи къ психологіи. Перев. А. А. Крогуса. Спб., 1903 г., стр. 7.

мощи индуктивныхъ методовъ является возможность изучить вліяніе этого условія на механизмъ душевныхъ процессовъ; какое его значеніе для тѣхъ функцій, въ составъ которыхъ оно входитъ или, выражаясь иначе: какъ отражаются его измѣненія на существующихъ и послѣдующихъ явленіяхъ и можно ли приписать данному фактору характеръ причины для какой-либо и какой именно изъ наблюдаемыхъ переменъ¹⁾.

III.

Нашему анализу подлежитъ психологическій фактъ—чувствованіе свободы, сопровождающее выполненіе нормальнаго волевого дѣйствія. Это внутреннее воспріятіе требуетъ самой строгой провѣрки и всесторонняго истолкованія, въ виду того ожесточеннаго конфликта, въ который оно вступаетъ съ основной предпосылкой всего нашего познанія—съ закономъ всеобщей причинности. Ненаучно и легкомысленно отдѣлаться отъ чувствованія свободы, приписавъ ему голословно характеръ интроспективной иллюзіи. Его иллюзорность должна быть доказана съ очевидностью; но мало того: необходимо еще выяснить, отъ какихъ условій зависитъ появленіе такого своеобразнаго и всеобщаго заблужденія. Но прежде всего два слова о психологіи волевого акта и о понятіи свободы.

Каждый сознательный волевой актъ подлежитъ разложенію на три отдѣльныхъ періода, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ хронологическомъ порядкѣ. Прежде всего въ сознаніи возникаетъ опредѣленное двигательное представленіе, обладающее эмоціоанальной окраской; послѣдняя можетъ имѣть либо положительный, либо отрицательный характеръ, въ зависимости отъ чего говорятъ о движеніи или задержкѣ, о желаніи или о нежеланіи, самый же періодъ можно опредѣлить, какъ особое душевное переживаніе, называемое вообще *хотѣніемъ*. Но возникшее хотѣніе большею частью

¹⁾ См. Штёррингъ, 1. с. стр. 6—7.

сталкивается съ цѣлымъ рядомъ другихъ хотѣній, выплывающихъ изъ глубины сознанія, по законамъ ассоціаціи; каждое изъ нихъ обладаетъ своей собственной эмоціональной окраской и соотвѣтственной импульсивностью; поэтому проходитъ нѣкоторое время, пока возникшія хотѣнія какъ бы уравниваются между собой, и пока какое-либо изъ нихъ, обладающее самой яркой эмоціональной окраской, возрастаетъ въ своей импульсивности и фиксируется въ сознаніи; это—періодъ *выбора*; его заключительная фаза воспринимается сознаніемъ, какъ воспослѣдовавшее *рѣшеніе*, вслѣдъ за которымъ вступаетъ въ свои права сложный психо-физиологическій механизмъ, функція котораго — *дѣйствіе* или *задержка* — составляетъ третій и послѣдній періодъ волевого акта. Сообразно этимъ тремъ фазисамъ воли принято разбирать отдѣльно свободу хотѣнія, свободу выбора и свободу дѣйствія. Но я опускаю этотъ разборъ, т. к. иначе мнѣ пришлось бы цѣликомъ привести сдѣланный Виндельбандомъ общеизвѣстный и блестящій анализъ этихъ понятій.

Что касается понятія свободы, то въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи я буду имѣть въ виду почти исключительно *свободу хотѣнія* (и отчасти свободу выбора), опуская свободу дѣйствія, какъ не представляющую интереса въ вопросѣ о свободѣ воли. Итакъ, свободнымъ хотѣніемъ будетъ такое хотѣніе, которое возникаетъ у человѣка самопроизвольно, какъ будто внѣ закона причинности, и которое сопровождается специфическимъ *чувствованіемъ свободы*. Путь, по которому должно идти экспериментальное изслѣдованіе, поставившее себѣ задачей провѣрить достовѣрность и правдивость чувствованія свободы, намѣчается самъ собой: мы должны ввести въ волевой актъ элементъ принужденія и прослѣдить, какъ отражается послѣднее на чувствованіи свободы; принужденіе произведетъ экспериментаторъ, о колебаніяхъ въ чувствованіи свободы сообщить намъ испытуемый субъектъ на основаніи своего внутренняго воспріятія. При этомъ необходимо исключить вліяніе съ его стороны предвзятаго мнѣнія, и съ этой цѣлью испытуемый долженъ

быть поставленъ въ такія условія, чтобы ничего не знать о намѣреніяхъ экспериментатора. И тогда, если бы оказалось, что *хоть при нѣкоторыхъ волевыхъ актахъ*, несмотря на отсутствіе дѣйствительной свободы, т.-е. при наличности явственнаго принужденія,—непосредственное *чувствованіе свободы* остается неизмѣннымъ, то мы пришли бы къ выводу, что между объективной и субъективной свободой нѣтъ никакой причинной зависимости и что чувствованію свободы слѣдуетъ приписать характеръ интроспективной иллюзіи, доказанной опытнымъ путемъ. Фактическая сторона подобнаго эксперимента легко осуществима на дѣлѣ и неоднократно осуществлялась при помощи гипнотизма.

Посредствомъ внушенія, какъ извѣстно, можно заставить воспріимчиваго субъекта выполнить опредѣленное дѣйствіе либо во время самаго сна, либо сейчасъ же послѣ пробужденія, либо спустя нѣкоторое время. Внушенія на продолжительный срокъ (*à échéance*), тщательно обслѣдованныя Нансійской школой, представляютъ для разбираемаго вопроса особенно выдающийся интересъ. Начнемъ съ разсмотрѣнія болѣе простыхъ случаевъ, когда внушеніе производится въ поверхностномъ снѣ, когда гипнотикъ ясно помнитъ всѣ обстоятельства гипноза, и слѣдовательно нѣтъ и намека на амнезію (разстройство памяти). Что же происходитъ въ сознаніи субъекта, которому сдѣлано постъ-гипнотическое внушеніе, каковъ механизмъ его воли и какія измѣненія претерпѣваетъ его чувствованіе свободы?

Bleuler, профессоръ психіатріи въ Цюрихѣ, былъ много разъ гипнотизированъ и обнародовалъ подробный рассказъ объ испытанныхъ имъ впечатлѣніяхъ. Я заимствую изъ его сообщенія лишь то, что относится къ постъ-гипнотическому внушенію. „Выполненію послѣ гипнотическаго внушенія я могъ оказать сопротивленіе“,—пишетъ проф. Bleuler,—„но это стоило мнѣ порядочныхъ усилій. И когда я въ разговорѣ хотя бы на минуту забывалъ о своемъ намѣреніи не обращать вниманія на тарелку, которую мнѣ предписано было поставить на другое мѣсто, я внезапно открывалъ, что фик-

сирую именно эту тарелку. Мысль о данномъ мнѣ приказаніи мучила меня до ночи, и уже въ постели, я чуть не порывался снова встать и исполнить приказаніе лишь бы пріобрѣсти покой. Но вскорѣ я засыпалъ и дѣйствіе внушенія прекращалось“ ¹⁾.

Здѣсь передъ нами внушеніе, полученное въ поверхностномъ гипнозѣ.

Авторъ вполне отчетливо помнилъ, какое именно внушеніе ему сдѣлано и ясно сознавалъ, что это не его собственное хотѣніе, а приказаніе гипнотизера. Несмотря на это проф. Bleuler'у пришлось употребить значительныя усилія, чтобы парализовать внушенную ему идею. Эта моторная идея (переставить тарелку), то усиливаясь, то ослабѣвая, все время всплывала въ его сознаниі. Его *свобода хотѣнія* была ограничена, поскольку данная идея не самостоятельно, т.-е. несвободно возникла въ его умѣ, а была навязана ему со стороны; но психологическая свобода выбора (исполнить или же не исполнить внушеніе) вѣсколько не была стѣснена: вся совокупность его ассоціаціонныхъ процессовъ не потерпѣла существенныхъ измѣненій, и потому, въ тотъ моментъ, когда онъ почти готовъ исполнить приказаніе, появляется воспоминаніе о томъ, что вѣдь это внушеніе, возникаетъ мысль о нелѣпости такого поступка, боязнь показаться смѣшнымъ и т. д.—и всѣ эти контрастирующие представленія оттѣсняють первоначальную моторную идею, уменьшая ея импульсивность. Въ результатѣ внушенное хотѣніе не достигаетъ той степени устойчивости, какая вообще необходима, чтобы любая моторная идея вылилась въ двигательный актъ. Но если бы всѣ задерживающія идеи (а въ особенности воспоминаніе о гипнозѣ) разомъ исчезли изъ сферы сознанія; то внушенная мысль быстро обрѣла бы достаточную импульсивность и вызвала бы соотвѣтствующее движеніе. Такое устраненіе задерживаю-

¹⁾ См. А. Forel. Гипнотизмъ. Перев. д-ра Бубиса. Спб., 1905 г., стр. 223; также: Münchener medicin. Wochenschrift, 1889 г., № 5.

щихъ представленийъ осуществляется при болѣе глубокихъ степеняхъ гипноза, когда выступаетъ на сцену новый факторъ — *постъ-гипнотическая амнезія*. Въ наиболѣе выраженныхъ, типическихъ случаяхъ, субъектъ по пробужденіи ничего не знаетъ о событіяхъ во время гипноза, хотя отчетливо помнитъ всѣ событія своего прошлаго, какія вообще были доступны его воспоминанію. „Разъ что у даннаго индивидуума“,—говоритъ проф. Fogel,—„удалось вызвать амнезію о времени гипноза,—этимъ мы приобретаемъ надъ нимъ значительную власть. Мы можемъ достигнуть того, чтобы онъ забылъ все, что можетъ побуждать къ обдумыванію и къ разрушенію эффектовъ внушенія и наоборотъ, помнилъ все, что способствуетъ его реализаціи“. Обыкновенно *постъ-гипнотическая амнезія* возникаетъ вполне самостоятельно, независимо отъ намѣренія гипнотизера и является индивидуальной особенностью усыпляемаго субъекта, если послѣдній воспримчивъ къ глубокимъ степенямъ гипноза. Когда амнезія не развивается сама собой, ее нетрудно вызвать искусственно, путемъ спеціального внушенія. Какъ показываютъ опыты Fogel'я, амнезію можно не только ограничить опредѣленными представленіями, но и расширить, распространить на прошедшее, внушить забвеніе вполне сознательно пережитыхъ событій и цѣлыхъ періодовъ жизни. Изъ всего сказаннаго становится ясно, какое огромное значеніе имѣетъ *постъ-гипнотическая амнезія*. Въ мозгъ гипнотика *насилъственно, со стороны* бросаютъ опредѣленную идею и внушаютъ ему, что, проснувшись, онъ ее немедленно забудетъ, а потомъ черезъ столько-то часовъ, дней или мѣсяцевъ, эта идея снова вспыхнетъ въ его умѣ, и онъ исполнитъ все, что она ему продиктуетъ. „Завтра въ 12 часовъ дня—внушаетъ своему больному проф. Fogel—вы, собираясь завтракать, вдругъ вспомните, что должны мнѣ наскоро написать, какъ вы себя чувствуете; вы вернетесь въ свою комнату и наскоро напишете мнѣ нѣсколько словъ“. По пробужденіи и до 12 часовъ слѣдующаго дня субъектъ не имѣетъ обо всемъ этомъ ни малѣйшаго понятія; но въ

моментъ, когда онъ садится завтракать, внушенная идея воскресаетъ въ его сознаниі и внушеніе выполняется въ точности.

Если внушенная идея не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго, нелѣпаго или противорѣчащаго обычнымъ склонностямъ индивидуума, то, внезапно возникнувъ въ назначенный срокъ, она немедленно вплетается въ общую цѣпь свойственныхъ данному лицу ассоціаций. Она вступаетъ полноправнымъ членомъ въ сложный комплексъ его психическихъ актовъ, становится *ею собственной*.

Мысль написать проф. Fogel'ю о своемъ здоровьѣ вполне гармонируетъ со всѣми окружающими обстоятельствами (интересъ больного къ этому предмету, участие, обычно проявляемое профессоромъ и т. д.); это хотѣніе не наталкивается ни на какія противодѣйствующія ассоціации, а потому импульсивность его повышается и быстро достигаетъ той степени, которая необходима для непосредственнаго идеомоторнаго акта. Сознаніе, что это „моя идея“, „мое личное хотѣніе“ даже не возникаетъ въ умѣ больного, т. к., благодаря амнезіи, не появляется и тѣни сомнѣнія въ безусловной свободѣ этого вполне естественнаго хотѣнія. И спрошенный о причинѣ своего поступка больной только и могъ бы отвѣтить: „мнѣ такъ захотѣлось“, „пришла мысль“, т.-е. выражаясь иначе: „я поступилъ свободно, слѣдуя влеченію моего собственнаго я, но, конечно, я могъ поступить иначе, не писать ничего профессору и спокойно приняться завтракать“.

„Я говорю одному гипнотику—разсказываетъ Loewenfeld—днемъ послѣ завтра вы уйдете изъ своей конторы на четверть часа раньше, чѣмъ обыкновенно и, отправляясь домой, вы выберете окольный путь, между прочимъ пойдете по такой-то улицѣ и придете домой только черезъ 1/2 часа послѣ того, какъ вы оставили контору“. Что было внушено, то и случилось. Этотъ господинъ не находить ничего необыкновеннаго въ томъ, что онъ раньше ушелъ изъ конторы и избралъ окольный путь домой. Это былъ капризъ—

не больше; о томъ, что это было ему внушено, онъ не сохранилъ никакого воспоминанія ¹⁾).

Аналогическій случай приводит Вегнгеймъ: „X., старый морякъ, въ послѣдствіи желѣзнодорожный чиновникъ, образованный, уравновѣшенный, не нервозный человѣкъ... Загипнотизировавъ его, я замѣчаю у изголовья его кровати учебникъ химіи. Вотъ учебникъ химіи—говорю я ему—когда вы проснетесь, вамъ придетъ въ голову идея прочесть въ немъ главу о золотѣ; вы найдете ее въ оглавленіи и прочтете. Затѣмъ, когда я снова подойду къ вамъ, вы скажете: „Золото! если бы оно у меня было, я далъ бы его вамъ много, чтобъ отблагодарить васъ за ваши заботы. Къ несчастію, его у меня совсѣмъ нѣтъ. Золота вѣдь нельзя заработать много ни на морской службѣ, ни на желѣзной дорогѣ“. Черезъ полчаса, разбудивъ его, я удаляюсь и начинаю наблюдать за нимъ издали; онъ отыскиваетъ футляръ, вынимаетъ оттуда очки, надѣваетъ ихъ, беретъ книгу, перелистываетъ ее по меньшей мѣрѣ минутъ пять и читаетъ; я приближаюсь: это глава—золото. „Съ какой стати читаете вы эту главу“ говорю я ему. „Такъ, пришла идея“, говоритъ онъ и черезъ нѣкоторое время прибавляетъ: „Золото, если бы оно у меня было, я вознаградилъ бы васъ“. Снова опускаетъ глаза въ книгу, а потомъ говоритъ: „Да! желѣзнодорожная компанія не очень-то обогащаетъ своихъ служащихъ“.

Въ только что приведенныхъ случаяхъ передъ нами примѣры *внушенныхъ хотѣній*, навязанныхъ со стороны и слѣдовательно не свободныхъ. Однако ихъ появленіе и выполненіе не вызываетъ чувствованія несвободы. А такъ какъ внушенные поступки по своему характеру вполне естественны, то субъектъ не ощущаетъ даже потребности какъ-нибудь мотивировать ихъ. Если же внушенная идея хоть сколько-нибудь странна, но тѣмъ не менѣе достигаетъ достаточной степени импульсивности, если она встрѣчаетъ на пути своего осуществленія хотя бы незначительное противодѣй-

¹⁾ Левенфельдъ, стр. 197.

ствіе, въ видѣ контрастирующихъ идей, то выполняя ее, субъектъ испытываетъ желаніе затушевать это внутреннее противорѣчіе и такъ или иначе мотивировать свой поступокъ. Практика гипноза знаетъ много такихъ случаевъ. „Эта мотивировка бываетъ различна, въ зависимости отъ степени образованія, интеллекта и прежняго жизненнаго опыта“¹⁾. Лоewenfeld внушилъ одному гипнотикѣ, чтобы онъ послѣ пробужденія, снялъ предметы, стоящіе на подоконникѣ и открылъ бы окно, что тотъ вскорѣ и исполняетъ; на дворѣ зима и въ комнатѣ ни въ коемъ случаѣ не слишкомъ тепло. Гипнотикъ не помнитъ о событіяхъ во время гипноза и на вопросъ о причинѣ своего поступка отвѣчаетъ: „въ комнатѣ такъ тепло, и я думалъ, что вы ничего не будете имѣть противъ, если я впущу немного свѣжаго воздуха“. При такой мотивировкѣ и благодаря тому, что совершенный поступокъ въ общемъ не выходитъ изъ границъ цѣлесообразности, данное внушеніе не заключаетъ въ себѣ, съ точки зрѣнія гипнотика, ничего неестественнаго, посторонняго, навязчиваго. Мысль, привитая ему во снѣ, хотя и возникла внезапно по пробужденіи, кажется ему принадлежащей его собственному сознанію: мало ли мыслей возникаетъ внезапно! Пожалуй его хотѣніе можетъ показаться нѣсколько страннымъ кому-нибудь изъ присутствующихъ, и вотъ, во избѣжаніе этого, придумывается соотвѣтствующая мотивировка. Но это во всякомъ случаѣ было „свободное хотѣніе“, свободный выборъ (открыть или не открыть окно), вообще свободный поступокъ! Совершенно то же самое нерѣдко наблюдается и помимо гипноза, въ нашихъ повседневныхъ хотѣніяхъ и дѣйствіяхъ. Развѣ не бываетъ такъ, что внезапная мысль непосредственно переходитъ въ дѣйствіе, по типу идеомоторнаго акта, и только впоследствии, какъ бы заднимъ числомъ, часто въ отвѣтъ на вопросъ или протестъ, сочиняется соотвѣтственный мотивъ, подчасъ не лишенный натяжки.

¹⁾ Тамъ же стр. 194.

„Одного интеллигентнаго кандидата правѣ, хорошо знавшаго теорію гипноза, рассказываетъ Fogel— „я погрузилъ въ глубокой сонъ съ полной амнезіей. Я внушилъ ему обратиться по пробужденіи къ присутствующему д-ру Д. и спросить его, какъ его имя и откуда онъ родомъ, а также о томъ занимался ли онъ уже гипнотизмомъ. Такъ и случилось, но кандидатъ еще присовокупилъ: „мнѣ кажется, что я васъ уже видѣлъ, не зовутъ ли васъ Х?“ Получивъ неподходящій отвѣтъ, кандидатъ замѣтилъ, что онъ, должно быть, ошибается и затѣмъ ушелъ. На слѣдующій день я спросилъ его, почему онъ послѣ нашего прошлаго сеанса, такъ интерpellировалъ д-ра Д? „Я полагалъ, что это знакомый, оказалось— нѣтъ“. „Предложили ли вы этотъ вопросъ по собственному побужденію, слѣдуя своей свободной волѣ?“ Кандидатъ удивленно взглянулъ на меня: „разумѣется“. Не было ли здѣсь, быть можетъ, внушенія, исходившаго отъ меня? „Нѣтъ, я по крайней мѣрѣ объ этомъ ничего не знаю“. Затѣмъ онъ нѣсколько заволновался, вынулъ платокъ, высморкался и спросилъ меня: „Вотъ я теперь высморкался; это тоже, пожалуй, внушеніе?“ (Здѣсь внушенія не было). По его увѣренію, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что вопросъ, обращенный къ д-ру Д., сдѣланъ былъ имъ не по естественному, самостоятельному побужденію, и былъ очень смущенъ и заинтересованъ моимъ объясненіемъ“.

Этотъ случай во многомъ аналогиченъ предыдущему (внушеніе открыть окно). И здѣсь внушеніе выполняется при наличности слабой противодѣйствующей ассоціаціи (странность внезапнаго допроса, обращеннаго къ незнакомому лицу); но этотъ слабый протестъ немедленно затушевывается: „мнѣ кажется, что я васъ уже видѣлъ“, и такой прибавкой *отъ себя* весь поступокъ сразу получаетъ вполнѣ удовлетворительное объясненіе. На другой день гипнотикъ увѣренъ въ томъ, что онъ дѣйствовалъ по собственной инициативѣ, вполнѣ свободно, совершенно также какъ то, что онъ теперь вынимаетъ платокъ и сморкается.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ такими внушеніями, которыя какъ бы охотно воспринимаются субъектомъ, или же встрѣчаютъ съ его стороны лишь едва уловимое сопротивление. И мы видѣли, что чувствованіе свободы сохраняется при этомъ въ полной степени.

Не то бываетъ, когда внушенная идея сильно противорѣчить всей совокупности привычныхъ и стойкихъ ассоціацій субъекта. Тогда ея насильственный характеръ воспринимается болѣе или менѣе явственно и, сообразно этому, чувствованіе свободы подвергается различнымъ колебаніямъ. Часто гипнотикъ сознаетъ, что въ его волевымъ рѣшеніи кроется что-то странное, смутно намекающее на принужденіе. Такое состояніе испытывала одна больная, которая, исполняя внушеніе Richet, посѣтила его въ назначенный часъ и растерянно объясняла: „Я не знаю, зачѣмъ я пришла; погода ужасная, у меня гости; это глупо, я не понимаю, зачѣмъ я пришла“. Иногда это чувствованіе принужденія выражается въ болѣе опредѣленной формѣ: „Я не знаю, какъ это случилось, но я чувствовала, будто меня что-то побуждаетъ это сдѣлать“. Въ этихъ случаяхъ имѣется полная аналогія съ такъ называемыми навязчивыми явленіями (*Zwangsercheinungen*) которыя, не возникая путемъ ассоціаціи, а выплывая непосредственно, съ такой силой вторгаются въ кругъ идей, что они не могутъ быть удалены изъ него, хотя индивидуумъ и признаетъ ихъ чуждыми, не принадлежащими его я.

Далѣе, если субъектъ уже много разъ получалъ и выполнялъ постъ-гипнотическія приказанія, онъ, чувствуя какой-нибудь сильный импульсъ, легко можетъ заподозрить, что ему сдѣлано постъ-гипнотическое внушеніе: „я собственно не могу сказать, почему я такъ поступилъ; можетъ быть вы внушили мнѣ это во снѣ?“ Наконецъ, иногда идея появляется не какъ самопроизвольно-субъективная, а какъ неожиданное воспоминаніе о гипнозѣ: „внезапно въ 12 часовъ я вспомнилъ, что вы мнѣ сказали во снѣ, чтобы я пришелъ къ вамъ“. Въ такихъ случаяхъ имѣется неполная или нарушенная амнезія.

Такимъ образомъ, передъ нами цѣлая лѣстница, ступени которой изображаютъ собой различныя состоянія сознания, переживаемыя гипнотикомъ въ моментъ реализаціи постъ-гипнотическаго внушенія и непосредственно послѣ. Внизу помѣщаются тѣ случаи, гдѣ субъектъ *знаетъ*, что ему слѣдано внушеніе; выше—онъ только *подозрѣваетъ это*; еще выше—хотя ничего не подозрѣваетъ, но *чувствуетъ смутно или ясно какое-то принужденіе* и, наконецъ, на самомъ верху—нѣтъ ни *малѣйшаго намека на насильственный характеръ внушенной идеи*, и гипнотикъ выполняетъ ее субъективно-непринужденно, какъ всякій нормальный, свободный волевой актъ. Случаи послѣдняго рода говорятъ сами за себя. Они показываютъ съ достаточной ясностью, что содержаніе внушенія *„можно влести въ нормальную дѣятельность нормальной бодрствующей души*, при чемъ человекъ (по словамъ Forel'я) *впадаетъ въ полное заблужденіе и полагаетъ, что онъ мыслить и хочетъ самопроизвольно, ни минуты не подозрѣвая, что вдохновитель его мысли и виновникъ его движеній—гипнотизеръ.*

„Это настоящая «*demonstratio ad oculos*»—говоритъ Forel, показывающая, что наша субъективно свободная воля, объективно нѣчто условное. Изреченіе Спинозы—иллюзія свободной воли—ничто иное, какъ познаніе причинъ нашихъ рѣшеній—ничѣмъ не иллюстрируется такъ наглядно, какъ такимъ гипнотическимъ экспериментомъ“.

Но мало того. Эта иллюзія можетъ служить и предметомъ прямого внушенія; „можно заранѣе устранить изъ внушенной идеи всякій принудительный элементъ, прямо внушить самостоятельный волевой актъ: „вы не будете имѣть никакого понятія о томъ, что я вамъ сказалъ во снѣ; это идея—вполнѣ ваша собственная“. Такимъ путемъ внушается самый поступокъ и его спутникъ—чувствованіе свободного волевого рѣшенія. Наконецъ, для большей гарантіи, можно попытаться внушить полную амнезію не только относительно событій, происшедшихъ во время сеанса, но и къ самому факту гипнотизированія (что иногда удается у очень

восприимчивыхъ субъектовъ): „Васъ никогда не гипнотизировали; если Васъ объ этомъ спросятъ, вы будете божиться, что въ своей жизни никѣмъ никогда не усыплялись; я васъ никогда не усыплялъ“. „Въ этомъ,—замѣчаетъ проф. Fogel,—можетъ быть кроется опасность гипноза съ судебно-медицинской точки зрѣнія“.

Но я все время умышленно не затрогивалъ спорной области уголовно-правового гипноза. Моя цѣль состояла не въ томъ, чтобы доказать, что человекъ, подъ влияніемъ внушенія, можетъ совершить поступокъ, противорѣчащій его привычкамъ и основнымъ склонностямъ. И какъ бы ни было соблазнительно коснуться здѣсь ученія Нансійской школы и ея противниковъ, я обойду этотъ вопросъ, о которомъ упомянулъ лишь во избѣжаніе недоразумѣній. Приведу лишь мнѣніе большинства современныхъ изслѣдователей (Fogel, Loewenfeld, Delboeuf и т. д.), по которому далеко не всякое внушеніе усваивается, и гипнотикъ „сохраняетъ до известной степени свою индивидуальную этическую и эстетическую реакцію на неэтическое и неэстетическое внушеніе“. (Fogel.)

Теперь можно было бы попытаться сдѣлать выводъ изъ анализа приведеннаго матеріала, но, кажется, необходимо предварительно отвѣтить на слѣдующій вопросъ: можно ли считать вполнѣ нормальной психику гипнотика въ моментъ реализаціи внушенія? И не есть ли это „душевная аномалія“, на которой непозволительно основывать никакихъ заключеній?

Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые субъекты передъ самымъ исполненіемъ внушенія снова впадаютъ въ гипнозъ: взглядъ ихъ становится неподвижнымъ, движенія скованы и т. д. Это состояніе проходитъ, какъ только внушеніе исполнено. Иногда, по наблюденіямъ Koehler'a,—это только полу-гипнозъ, иногда быстрое чередованіе бодрствованія и сна, то, что этотъ авторъ называетъ „перемежающимся гипноиднымъ состояніемъ“. Koehler обобщаетъ подобные случаи, полагая, что новый гипнозъ—есть необхо-

димое условіе для удачной реализаціи постъ-гипнотическаго внушенія,—*veille somnambulique*, какъ называлъ это состояніе Beaunis. Но позднѣйшія наблюденія показали, что цѣлый рядъ постъ-гипнотическихъ внушеній выполняется *при полномъ бодрствованіи субъекта*. Здѣсь имѣются всевозможныя ступени—говоритъ Forel,—отъ неподвижнаго до вполне яснаго взгляда, отъ лишеннаго всякой критики автоматизма, для котораго самая грубая бессмыслица становится какъ во снѣ, вполне естественной и понятной, до наиболѣе ожесточенной борьбы съ насиліемъ, съ импульсомъ внушенія. Loewenfeld, имѣющій многолѣтній гипнотическій опытъ, выражается еще болѣе опредѣленно: „я не наблюдалъ“,—говоритъ онъ,—„ни одного случая, въ которомъ выполнение постъ-гипнотическаго внушенія было бы связано съ наступленіемъ новаго гипноза“.

Примѣры, подобранные мною, относятся именно къ послѣдней категоріи внушеній, выполняемыхъ вполне сознательно, „наяву“.

Вспомнимъ хотя бы того кандидата правъ, которому было внушено обратиться по пробужденіи съ неумѣстными вопросами къ незнакомому ему д-ру Д. Если бы это внушеніе было выполнено не наяву, а въ гипнозѣ (или въ какомъ-нибудь „перемежающемся гипноидномъ состояніи“ Koehler'a), то на другой день этотъ гипнотикъ либо ничего не помнилъ бы о случившемся, либо заявилъ бы, что онъ находился въ какомъ-то странномъ состояніи; но ужъ, конечно, онъ не отстаивалъ бы такъ энергично самопроизвольности и свободы своего поступка. Данный случай, какъ и нѣкоторые другіе, заимствованъ нами у Forel'я, который, по его собственнымъ словамъ, очень интересовался этимъ вопросомъ и поэтому тщательно наблюдалъ своихъ гипнотиковъ въ моментъ выполнения внушенія. И онъ окончательно убѣдился въ томъ, что „внушеніе можно вплести въ *нормальную дѣятельность нормальной бодрствующей души* такимъ образомъ, чтобы не случилось никакого, похожего на гипнозъ, побочнаго явленія“.

Самый волевой актъ въ приведенныхъ случаяхъ по своему психическому механизму ничѣмъ не отличается отъ нормального волевого акта: въ сферѣ бодрствующаго сознания появляется хотѣніе, т. е. окрашенное опредѣленной эмоціей двигательное представленіе; послѣднее либо безъ всякой задержки, либо послѣ нѣкотораго колебанія (актъ выбора), возрастаетъ въ своей импульсивности и, наконецъ, переходитъ въ дѣйствіе; и весь этотъ процессъ, въ его цѣломъ, сопровождается особой эмоціей самодѣятельности и чувствованіемъ свободы. Это—повседневный волевой актъ. То обстоятельство, что первый періодъ этого акта—хотѣніе—образовался не самостоятельно въ предѣлахъ индивидуальной психики, а обусловленъ извнѣ, нисколько не компрометируетъ его нормального характера. Спросимъ себя, много ли идей и хотѣній самостоятельно возникаетъ въ нашемъ умѣ? Не есть ли внушаемость одно изъ основныхъ свойствъ человѣческой природы? И развѣ мы въ личной и общественной жизни не окружены густой сѣтью всевозможныхъ внушеній, которыя, подъ именемъ „вліянія“, „традиціи“, „предразсудка“ „авторитета“ „подражанія и т. д., безпрестанно направляютъ нашу волю и диктуютъ намъ не только единичные поступки, но нерѣдко цѣлый планъ многолѣтняго поведенія? И окруженные этой общей атмосферой внушенія, не чувствуя ея, какъ мы не чувствуемъ миллионъ-фунтового давленія атмосфернаго воздуха, повинаясь безчисленнымъ гипнотизерамъ, гипнотизируя сами, проходимъ мы жизненный путь, тѣшась миражемъ свободы!

Но вернемся къ чувствованію свободы. Рядъ гипнотическихъ экспериментовъ показалъ намъ цѣлую скалу, по которой совершаются колебанія этого чувства. И оказалось, что при одномъ условіи, а именно при амнезиі, максимумъ субъективной свободы можетъ соотвѣтствовать максимуму объективнаго принужденія. Выполняя внушеніе, гипнотикъ думаетъ, что онъ можетъ поступить иначе... Да, онъ можетъ, но только если гипнотизеръ внушитъ ему иное

хотѣніе, или, ничего не внушивъ, предоставитъ его ассоціаціонные процессы ихъ собственному теченію!

Теперь мы можемъ обратиться къ выводамъ, которые напрашиваются сами собой. Мы изслѣдовали достовѣрность и правдивость чувствованія свободы. Насъ интересовалъ вопросъ, является ли чувствованіе свободы точнымъ показателемъ объективной свободы, внутреннимъ коррелятомъ послѣдней. Мы ограничивали и уничтожали объективную свободу и слѣдили за тѣмъ, ограничивается ли и уничтожается ли этотъ предполагаемый коррелятъ. Ограниченіе и уничтоженіе свободы вызывалось экспериментаторомъ-гипнотизеромъ, о чувствованіи свободы сообщалъ намъ испытуемый гипнотикъ, поставленный въ такія условія, чтобы онъ не зналъ ничего о намѣреніяхъ экспериментатора.

Выводъ получился такой:

Ограниченіе объективной свободы, т. е. объективное принужденіе, можетъ вызывать ограниченіе чувствованія свободы, но только тогда, когда, вслѣдствіе несовершенства опыта, испытуемый знаетъ или догадывается о намѣреніи экспериментатора; зато въ чистыхъ случаяхъ чувствованіе свободы не претерпѣваетъ никакихъ измѣненій, не взирая на очевидное принужденіе; изъ этого вытекаетъ, что чувствованіе свободы не можетъ считаться показателемъ истиннаго положенія дѣла: оно не есть точный коррелятъ объективной дѣйствительности и не относится къ объективной свободѣ, какъ слѣдствіе къ причинѣ. Это чувствованіе обманчиво; это заблужденіе нашего самосозанія; *чувствованіе свободы—интроспективная иллюзія.*

Во второй части моего доклада я постараюсь выяснитъ, на основаніи психіатрическаго матеріала, какія условія психологически необходимы для появленія иллюзіи свободы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Проф. Ноше въ своей небольшой работѣ „Die Freiheit des Willens vom Standpunkte der Psychopathologie“ воспользовался психіатрическими наблюдениями для доказательства обманчивости чувства свободы. Но онъ ничего не говоритъ о тѣхъ условіяхъ, которыя психологически необходимы для возникновенія этой иллюзіи; мнѣ кажется, что психопатологическій матеріалъ даетъ для разрѣшенія именно этой задачи цѣлый рядъ интересныхъ и весьма поучительныхъ данныхъ. Но прежде чѣмъ приступить къ психологическому анализу нѣкоторыхъ формъ душевныхъ разстройствъ, не могу не вспомнить, что ученіе о свободѣ воли или философскій индетерминизмъ всегда вступалъ въ рѣзкое противорѣчіе съ обширной группой психопатологическихъ фактовъ, съ наукой о душевныхъ болѣзняхъ. И приверженцы свободы воли нерѣдко обнаруживали склонность разъ на всегда отдѣлаться отъ этой неудобной для нихъ области, заявляя, что свободна только здоровая воля душевно-здороваго субъекта, а что касается воли душевно-больного то послѣдняя, разумѣется, не свободна; о ней, слѣдовательно, нечего и говорить.

Излишне было бы доказывать, что такой простой выходъ изъ затрудненія нисколько не является выходомъ. Начать съ того, что возникновеніе душевной болѣзни у субъекта, бывшаго до того совершенно здоровымъ, происходитъ подчасъ съ такой постепенностью, болѣзнь столь незамѣтно подкрадывается, что нерѣдко исчезаетъ всякая возможность точно обозначить ея начало. Въ какой же моментъ утрачивается свобода воли? И когда именно она возвращается при наступающемъ выздоровленіи больного? И, наконецъ, по справедливому замѣчанію С. С. Корсакова, какъ это можетъ случиться, что свободная воля, не подлежащая закону причинности, вдругъ подпадаетъ подъ этотъ законъ, измѣ-

нивѣ такимъ образомъ свою сокровенную сущность? Все это вполнѣ естественные вопросы. И если ихъ пытается разрѣшить, хотя бы приблизительно, психіатрическая экспертиза для практическихъ цѣлей судопроизводства, то тѣмъ болѣе обязано это сдѣлать философское ученіе, претендующее на абсолютную цѣнность своихъ построений.

Едва ли не большую трудность, съ точки зрѣнія индетерминизма, представляютъ тѣ недостаточно выраженные формы душевныхъ разстройствъ, гдѣ настоящей болѣзни еще нѣтъ, но нѣтъ и полнаго здоровья—всѣ эти дегенеративные типы, съ ихъ быстрыми колебаніями настроенія, съ ихъ неустойчивостью психическихъ функцій—цѣлая масса врожденныхъ особенностей, съ трудомъ поддающихся научной классификаціи. Вѣдь граница между *нормой* и *аномаліей* крайне неопредѣленна и расплывчата. „Психіатры были бы очень рады, замѣчаетъ проф. Ноше,—если бы они имѣли въ рукахъ готовый масштабъ, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ быстро рѣшать вопросъ о болѣзни или здоровьи даннаго индивидуума“. Такой критерій былъ бы возможенъ, если бы появленіе душевной болѣзни вносило въ психику больного какой-либо принципиально новый элементъ, качественно отличающійся отъ элементовъ нормальной душевной жизни. Но въ дѣйствительности этого нѣтъ, вопреки популярному житейскому воззрѣнію, къ которому невольно примыкають и защитники свободы воли. Въ дѣйствительности механика психическихъ процессовъ не подвергается никакимъ существеннымъ измѣненіямъ. Нѣтъ такой бредовой идеи, которая—по словамъ проф. Ноше,—не имѣла бы своего прототипа въ заблужденіяхъ нормальнаго ума, въ предрасудкахъ и суевѣріяхъ. Подавленное настроеніе меланхолика ничѣмъ не отличается по своему качеству отъ той острой печали и глубокой тоски, которыя испытываются и здоровыми людьми при соответствующихъ обстоятельствахъ. Эти явленія признаются болѣзненными, либо по своему происхожденію, если они возникаютъ независимо отъ процесса логической мотиваци и безъ достаточныхъ, лежа-

щихъ во внѣ основаній, либо по своей исключительной интенсивности, упорству и неустрашимости путемъ обычныхъ психическихъ воздѣйствій. Но, какъ сказано выше, ничего принципиально новаго здѣсь нѣтъ: идеи остаются идеями, чувства—чувствами и по тѣмъ же психологическимъ законамъ разыгрываются волевые акты. Отсюда слѣдуетъ, что если воля нормальнаго индивида дѣйствительно свободна, то индетерминизмъ, желая оставаться послѣдовательнымъ, не имѣетъ никакихъ логическихъ поводовъ отрицать свободу воли у душевно-больныхъ.

И такое мнѣніе дѣйствительно было высказано. Л. М. Лопатинымъ, который усматриваетъ свободу воли вообще—въ творческой силѣ личности. „Свобода творчества,—говоритъ онъ—живетъ и въ сумасшедшемъ и сказывается въ его безтолковыхъ выходкахъ“¹⁾. Въ основѣ этого рискованнаго парадокса лежитъ тотъ распространенный взглядъ, по которому каждый больной сходитъ съ ума по своему: кто много ревновалъ, тотъ начинаетъ страдать бредомъ ревности, кто безъ конца судился—заболѣваетъ сутяжной формой помѣшательства, словомъ, болѣзнь будто бы развивается психологически, а отсюда отчаянныя попытки окружающихъ устранить бредовыя идеи путемъ убѣжденія и нравственнаго воздѣйствія. Но мы знаемъ, что подобная точка зрѣнія совершенно недопустима. Мы знаемъ, что „свобода творчества“ душевнобольныхъ далеко не разнообразна и легко вмѣщается въ сравнительно узкія классификаціонныя рамки. Намъ извѣстны рѣзко очерченные *типы* психическихъ разстройствъ, ихъ однообразные симптомы и заранѣе опредѣленное теченіе. И кто бы ни были больные (Оттонъ баварскій, или нищій бродяга, житель Абиссиніи или Норвегіи, мудрецъ или невѣжда), но заболѣвъ извѣстнымъ типомъ душевнаго расстройства—всѣ демонстрируютъ своимъ врачамъ одинаковые по существу симптомы, какъ будто сговорившись между собой, они выучили наизусть десятокъ

¹⁾ Л. М. Лопатинъ, 1. с. стр. 161.

страницъ спеціального руководства. Древній міръ и средніе вѣка наблюдали тѣ же клиническія картины, какія изучаются и теперь во всѣхъ психіатрическихъ больницахъ. Метафизикъ могъ бы сказать, что образцы этихъ формъ, подобно идеямъ Платона, пребываютъ гдѣ-то за предѣлами міра въ какой-то зловѣщей неподвижности и что невѣдомая сила отъ времени до времени намѣчаетъ среди людей свою жертву, неудержимо толкая ее на самое детальное подражаніе. Словомъ, изученіе закономерности и постоянства клиническихъ формъ сразу исключаетъ всякую мысль о свободѣ. Но если проф. Лопатинъ имѣетъ въ виду *субъективную свободу*, то можно вполне признать, что это „чувствованіе свободы“ существуетъ въ полной мѣрѣ у цѣлыхъ группъ душевнобольныхъ. За примѣрами ходить недалеко.

Возьмемъ одинъ изъ основныхъ типовъ психозовъ, извѣстный подъ именемъ первичнаго помѣшательства, *paranoia chronica*. Здѣсь, при довольно ясномъ сознаніи, на первомъ планѣ стоятъ первично-развивающіяся бредовыя идеи, т.-е. ложное истолкованіе дѣйствительности, причемъ этотъ бредъ постепенно складывается въ болѣе или менѣе стройную и незыблемую систему. Такіе больные при первомъ знакомствѣ съ ними нисколько не производятъ впечатлѣнія больныхъ: они здраво разсуждаютъ обо всемъ, что не входитъ въ сферу ихъ бреда, сохраняютъ всѣ свои профессиональныя знанія и нерѣдко даже обладаютъ недюжинными талантами къ поэзіи, музыкѣ и т. д. Сознаніе болѣзни у параноиковъ всецѣло отсутствуетъ, и больные при всѣхъ своихъ волевыхъ актахъ не испытываютъ ни малѣйшаго принужденія: они хотятъ, выбираютъ и дѣйствуютъ совершенно свободно. Я какъ-то говорилъ о свободѣ воли съ одной моей больной, интеллигентной женщиной, страдающей параноей, и она въ защиту свободы воли ссылалась на свой внутренній опытъ и приводила постулятивные аргументы, касающіеся религіи и морали: она была убѣжденной индетерминисткой и даже цитиро-

вала мнѣ рефератъ проф. Лопатина. А между тѣмъ незадолго до нашей бесѣды больная подъ влияніемъ своего бреда совершила одинъ изъ крайне нелѣпыхъ агрессивныхъ поступковъ, какіе нерѣдко наблюдаются у категоріи параноиковъ—*persécutés-persécuteurs*—къ которой она имѣла несчастье принадлежать. Это покушеніе представлялось ей всецѣло „актомъ свободнаго творчества“.

Или возьмемъ прогрессивнаго паралитика, къ которому, по выраженію Schüle, безшумно и тихо подкралась его болѣзнь: онъ уже не тотъ человѣкъ, но самъ онъ этого нисколько не замѣчаетъ; его память, сужденія, эмоціи, его волевые акты уже носятъ на себѣ типическій отпечатокъ болѣзни: это болѣзнь заставила его закурить въ театрѣ, закупить цѣлую массу дорогихъ и ненужныхъ вещей, манкировать служебными обязанностями, а самъ онъ смѣется и не видитъ въ своемъ поведеніи ничего страннаго и нелѣпаго. Внутренній опытъ говоритъ ему, что онъ также свободенъ, какъ раньше.

То же самое наблюдается при нѣкоторыхъ формахъ циркулярнаго помѣшательства, гдѣ происходитъ поочередная смѣна меланхолическаго и маниакальнаго ¹⁾ состоянія. Проф. Корсаковъ зналъ одну 80-лѣтнюю больную, у которой эти смѣны происходили съ удивительной правильностью почти полстолѣтія. Здѣсь передъ наблюдателемъ чередуются двѣ совершенно разныя психическія личности, напоминающія то чередованіе, которое наблюдалъ Azam у знаменитой Фелиды: это два сознанія, двѣ эмоціональныя сферы, двѣ совершенно различныя воли! И въ каждомъ періодѣ (меланхолическомъ или маниакальномъ) больные указаннаго типа чувствуютъ себя совершенно свободными. Одинъ изъ моихъ больныхъ, обнаруживавшій въ маниакальный періодъ самый безпорядочный „бредъ актовъ“, оправившись отъ приступа, далъ нижеслѣдующій отчетъ о своемъ недавнемъ состояніи (боль-

¹⁾ Маниакальнымъ состояніемъ (въ противоположность меланхолическому) называется состояніе психическаго и двигательнаго возбужденія съ повышеннымъ самочувствіемъ, болтливостью и т. п.

ной интеллигентный человекъ, естественникъ, знакомый съ философией): „Могу сказать съ положительностью, что я не испытывалъ ни малѣйшаго принужденія; тѣ поступки, о которыхъ мнѣ теперь не хочется вспоминать, я ни минуты не приписывалъ болѣзни (хотя я вѣдь зналъ, что у меня циркулярный психозъ); моя кипучая энергія мнѣ даже нравилась; я любовался своей сильной волей и, конечно, вполне чувствовалъ, что она свободна“.

Однако при опредѣленныхъ душевныхъ болѣзняхъ чувствованіе свободы бываетъ ограничено и даже вполне уничтожено. И вотъ, чтобы выяснитъ условія, необходимыя для появленія или исчезновенія чувствованія свободы, удобно послѣдовательно разсмотрѣть такъ называемыя *импульсивныя дѣйствія* (идѣе *чувствованье свободы имѣется на лицѣ*) и *насилъственные дѣйствія*, гдѣ чувствованье свободы отсутствуетъ; сопоставленіе тѣхъ и другихъ позволяетъ придти къ нѣкоторымъ, какъ кажется мнѣ, не лишеннымъ интереса заключеніямъ.

Отличительной чертой импульсивнаго дѣйствія служить то, что появившееся хотѣніе, не встрѣчая никакихъ контрастирующихъ идей, быстро заполняетъ собой сферу сознанія и, достигая своего высшаго напряженія, непосредственно переходитъ въ двигательный актъ. Дѣйствіе совершается почти одновременно съ тѣмъ, какъ влеченіе достигаетъ сознанія. Только послѣ совершенія поступка, субъектъ можетъ усвоить его значеніе, подвергнуть критикѣ и обсудить послѣдствія. Большею частью приступъ является неожиданно и влечетъ человека къ совершенію какого-нибудь безсмысленнаго и даже преступнаго дѣйствія, находящагося въ рѣзкой дисгармоніи съ его основными свойствами и интересами. Однако онъ не теряетъ сознанія; въ послѣдствіи онъ ясно помнитъ и свое хотѣніе и весь процессъ его реализаціи и можетъ точно описать намъ то состояніе *моноидеизма*, которое имъ овладѣло. Такіе патологическіе, чрезмѣрные по своей силѣ импульсы наблюдаются и у здоровыхъ субъектовъ при утомленіи, озабочен-

ности, а также у эпилептиковъ и въ цѣломъ рядѣ душевныхъ болѣзней, которыхъ нѣтъ надобности перечислять. ¹⁾— Ненормальные по силѣ и быстротѣ своего разряда, импульсивныя дѣйствія *своимъ механизмомъ* ничѣмъ, однако, не отличаются отъ нормальнаго волевого акта. Это типичный образчикъ „идео-моторнаго акта“, въ которомъ мысль о томъ или иномъ движеніи вызываетъ послѣднее непосредственно. „Только что мы успѣли подумать о дѣйстви, — говоритъ James, — какъ оно уже совершено нами. Докторъ Карпентеръ, впервые употребившій (насколько мнѣ извѣстно) выраженіе идео-моторный актъ, относитъ его къ числу рѣдкихъ психическихъ явленій. На самомъ же дѣлѣ это просто нормальный волевой актъ, не замаскированный никакими посторонними явленіями. Во время разговора я замѣчаю булавку на полу, или пыль у себя на рукавѣ; не прерывая разговора я поднимаю булавку или стираю пыль. Во мнѣ не возникаетъ никакого особаго рѣшенія по поводу этихъ дѣйствій; они совершаются просто подъ вліяніемъ извѣстнаго воспріятія или проносящейся въ мозгу моторной идеи“. Такіе повседневные идео-моторные акты лишь тѣмъ отличаются отъ импульсивныхъ дѣйствій, что въ послѣднихъ имѣется патологическое для даннаго индивида содержаніе (напримѣръ, поджогъ), которое къ тому же обладаетъ чрезмѣрной болѣзненной напряженностью, но оба явленія по своему качеству равноцѣнны и съ формальной стороны однородны. Состояніе, въ которомъ находятся такіе больные, во многомъ напоминаетъ состояніе гипнотиковъ, пораженныхъ амнезіей и гладко выполняющихъ постъ-гипнотическое внушеніе. Сфера ихъ сознанія сужена, привычныя ассоціаціи подавлены, критическая дѣятельность молчитъ. ²⁾ И такъ же, какъ у гипнотиковъ, у нихъ

¹⁾ См. Корсаковъ, Курсъ Психіатріи. Изд. 1901 г. стр. 250.

²⁾ Интересный случай импульсивнаго акта приводитъ Хрулевъ. 18-лѣтняя крестьянка Агафья, вышла замужъ по любви за крестьянина М. Молодые жили дружно; Агафья была очень счастлива и съ нетерпѣніемъ ожидала вечера, когда мужъ возвращался домой. Однажды, черезъ двѣ недѣли

но возникаетъ никакого *чувствованія несвободы*, несмотря на объективно-явственное психическое принужденіе. Только *потомъ* больной видитъ, что его поступокъ противорѣчитъ кореннымъ образомъ его характеру и привычкамъ; *теперь* онъ понимаетъ и сознаетъ, что *тогда* онъ былъ несвободенъ, но это ретроспективное, запоздалое сознание; *тогда* онъ чувствовалъ лишь присутствіе своего влеченія, которое и выполнилъ субъективно-непринужденно, какъ всякій привычный и естественный актъ.

Иное наблюдается при такъ называемыхъ насильственныхъ или навязчивыхъ влеченіяхъ. Тутъ больной сознаетъ, что „его влеченіе совершенно безумно“, но не можетъ его побороть. Онъ предвидитъ всѣ его послѣдствія, но не въ состояніи преодолѣть того мученія, которое испытываетъ до удовлетворенія своего безрасуднаго, вреднаго для него самого и для окружающихъ влеченія. Какъ примѣръ можно привести одну больную дѣвушку, о которой рассказываетъ Эрлицкій. ¹⁾ Воспитанная въ лучшемъ столичномъ пансіонѣ, она съ нѣкотораго времени ощущаетъ неодолимую потребность говорить своимъ близкимъ и подругамъ о себѣ всевозможныя небылицы, порочащія ее въ отношеніи нравственности. Ясно сознавая все неприличіе и крайній вредъ такихъ разсказовъ, она не можетъ однако владѣть собой; съ каждымъ годомъ навязчивое влеченіе усиливается: теперь она даже

послѣ свадьбы, поздно вечеромъ Агафья, разговаривая съ мужемъ, вдругъ вспомнила, что оставила на берегу пруда нитки и попросила мужа пойти съ нею за ними. Какъ только они вошли въ лозу на берегу пруда, М., шедшій впереди, вдругъ получилъ ударъ топоромъ въ голову, отъ котораго упалъ безъ чувствъ. На допросѣ Агафья показала судебному слѣдователю, что, идя за нитками, она взяла приготовленный заранѣе топоръ, которымъ и ударила мужа, но съ какой цѣлью сдѣлала это, объяснить не можетъ и сама не понимаетъ, ибо не было никакихъ побудительныхъ къ тому причинъ. И, дѣйствительно, несмотря на все стараніе судебного слѣдователя, ему не удалось обнаружить даже намекъ на какія-либо побудительныя причины убить М. Рана М. оказалась легкой; онъ вскорѣ оправился, и молодые супруги зажили *совершенно счастливо*. (Цитирую въ сокращенномъ видѣ по Корсакову, Курсъ Психіатріи стр. 732).

1) Эрлицкій. Клиническія лекціи по душевнымъ болѣзнямъ С.-ПБ. 1896, стр. 98—99.

малознакомымъ людямъ рассказываетъ, что она воровка, пьяница, совершенно погибшая женщина; мало того, она пишетъ всѣ эти исторіи на отдѣльныхъ бумажкахъ и разбрасываетъ ихъ въ знакомыхъ домахъ и на улицахъ. „Большая вполнѣ понимала тотъ вредъ, который она наноситъ своей репутаціи, сознавала всю ложь взводимыхъ ею на себя обвиненій и все-таки не могла удержаться, несмотря на отчаяніе, въ которое ее приводило ея поведеніе, совершенно противорѣчащее ея нравственнымъ и интеллектуальнымъ качествамъ“. Часто навязчивыя влеченія носятъ совершенно невинный характеръ: кивнуть головой, стукнуть три раза вначалѣ каждаго дѣйствія, считать окна зданій и т. п. Больной только тогда спокоенъ, если онъ все это продѣлалъ, если же нѣтъ онъ будетъ мучиться, какъ будто не исполнилъ самаго священнаго долга. Обращаясь, къ врачу и рассказывая о своемъ душевномъ состояніи, такіе больные вполнѣ опредѣленно характеризуютъ свои импульсы, какъ насильственные, принудительные, *не свободные*. „Мнѣ кажется, что кто-то заставляетъ меня дѣлать это“, говоритъ больной. Иногда малоразвитые и суевѣрные больные увѣрены въ томъ, что дѣйствительно то или иное лицо нарочно вызвало у нихъ проявленіе такой болѣзни: „Что-то толкаетъ меня, завладѣло моей волей“, жалуются больные, чувствуя себя *несвободными*. Эти несчастные нерѣдко борются изъ послѣднихъ силъ и, наконецъ, сами приходятъ въ лечебницу. Одинъ сапожникъ, рассказываетъ Моро-де-Туръ, пришелъ въ больницу Бисетръ съ жалобой на то, что едва онъ принимается за работу, какъ ему приходитъ въ голову мысль объ убійствѣ жены и дѣтей. Иногда эта мысль сопровождается такой страшной потребностью, что онъ бросаетъ свой рѣзакъ и молотокъ и убѣгаетъ изъ комнаты ¹⁾.

Мнѣ пришлось привести нѣсколько примѣровъ такихъ общеизвѣстныхъ фактовъ, чтобы имѣть возможность яснѣе

¹⁾ Корсаковъ I. с., стр. 253.

подчеркнуть разницу между насильственными влеченіями и вышеизложенными импульсивными актами.

При импульсивныхъ актахъ патологическое хотѣніе такъ быстро достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта, что не остается времени ни для критики, ни для борьбы—дѣйствіе наступаетъ непосредственно. Личность больного въ этотъ моментъ ограничена и какъ бы упрощена: всѣ обычныя ассоціаціи умолкли, исчезли условія для выбора, патологическій импульсъ всецѣло доминируетъ въ сферѣ сознанія. Больной напоминаетъ гипнотика съ постъ-гипнотической амнезіей. Всякое чувство *несвободы хотѣнія и несвободы выбора* отсутствуетъ и поступокъ выполняется по типу простого идео-моторнаго акта. Наоборотъ, при навязчивыхъ влеченіяхъ, между моментомъ ихъ появленія и моментомъ ихъ выполнения остается нѣкоторый промежутокъ времени для критики и борьбы. Личность больного почти не подвергается ограниченію и упрощенію: обычныя ассоціаціи не только не отошли въ сторону, но властно вторгаются въ сферу сознанія, наперекоръ патологическому импульсу; въ силу этого, условія для акта выбора spolна имѣются на лицо; больной отчетливо сознаетъ несвободу своего хотѣнія²⁾ и иногда съ ужасомъ предвидитъ роковой результатъ несвободнаго выбора, зная заранѣе, что онъ долженъ уступить своему насильственному влеченію. Онъ также напоминаетъ гипнотика, но только другой категоріи: онъ не пораженъ амнезіей, онъ отчетливо сознаетъ, что это хотѣніе—насильственное, что „оно противорѣчитъ его нрав-

²⁾ Одинъ изъ больныхъ Эрлицкаго, очень образованный человѣкъ, занимавшій высокую и вліятельную должность, ежедневно отправляясь изъ своей квартиры на службу, непременно старался зайти или заѣхать по дорогѣ на какую либо пустую улицу и тамъ громкимъ голосомъ нѣсколько разъ вскрикнуть. Описываемый субъектъ держалъ свою странность въ величайшей тайнѣ, отлично сознавая, что въ кругу сослуживцевъ, знакомыхъ и проч. она показала бы смѣшной и легко могла возбудить неблагопріятные толки. Кромѣ того, онъ самъ, какъ человѣкъ въ высокой степени интеллигентный и серьезнаго направленія мыслей, хорошо понималъ бессмысленность своего недостатка, терзался имъ, всѣми средствами старался избавиться отъ него, но не могъ достигъ прочнаго успѣха. (Эрлицкій, I. с., стр. 98.

ственнымъ или интеллектуальнымъ качествамъ“, онъ борется, не хочетъ его исполнить и съ отчаяніемъ исполняетъ его. Передъ нами такимъ образомъ два ряда патологическихкихъ фактовъ, двѣ психическія схемы, изъ анализа которыхъ мы можемъ уяснить себѣ, какими условіями вызывается чувство свободы и какими — чувство несвободы. Къ этому анализу я и приступаю, послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ замѣчаній.

II.

Въ душѣ человѣка можно различать двоякаго рода процессы: 1) преходящіе, мимолетные, и 2) болѣе постоянные, стойкіе. Сумма послѣднихъ въ ихъ іерархической соподчиненности, свойственной именно данному субъекту, составляетъ характерную особенность того, что принято называть *личностью*. Опытъ показываетъ, что съ теченіемъ времени, подъ влияніемъ возраста и жизненныхъ обстоятельствъ, измѣняются и эти основные психическіе процессы, нарушается ихъ прежняя группировка, образуются новыя сочетанія. Однако для самосознанія прошлое и настоящее „я“ представляется непрерывнымъ, такъ какъ наступающія измѣненія никогда не происходятъ внезапно, а образуются постепенно, на подобіе медленнаго молекулярнаго процесса. „Основной тонъ“ (какъ выражается Геддингъ) духовной организаціи взрослога и нормальнаго человѣка, остается болѣе или менѣе постояннымъ. На почвѣ темперамента этого уровня чувствъ въ индивидуумѣ, опредѣляющаго качество и степень его реакціи на внѣшніе и внутренніе процессы откладывается цѣлый слой эмоцій и влеченій, намѣченныхъ наслѣдственностью и привитыхъ условіями роста, взлелѣянныхъ воспитаніемъ, закрѣпленныхъ подражаніемъ и внушеніями окружающей среды. Эта устойчивая констелляція (по терминологіи Oscar'a Vogt'a), какъ бы замкнутая въ кругъ и тяготящая къ его центру, господствуетъ надъ мимолетными и случайными метеорами, проносящи-

мися у периферіи; она притягиваетъ одни изъ нихъ и отталкиваетъ другіе. Да будетъ позволено мнѣ, по авторитетному примѣру Виндельбанда, обозначить эту организованную систему привычныхъ влеченій именемъ апперцепирующей волевой массы, въ томъ смыслѣ въ какомъ понимался этотъ терминъ школой Гербарта, или просто „волевой массой“. Это будетъ такимъ образомъ—стойкая система влеченій, цѣлый рядъ схемъ волевой дѣятельности, организованная іерархія привычныхъ реакцій, свойственная данному лицу. И подобно тому, какъ въ психологіи воспріятія апперцепирующая масса опредѣленнымъ образомъ реагируетъ на каждую новую, наступившую извнѣ идею,—(и „этимъ объясняется почему одинъ и тотъ же матеріаль различными образомъ воспринимается перерабатывается и оцѣнивается различными людьми“) точно также апперцепирующая волевая масса впитываетъ въ себя и даетъ исходъ только тѣмъ волевымъ импульсамъ, которые соотвѣтствуютъ ея основнымъ особенностямъ. Въ однихъ случаяхъ она поддерживаетъ даже мимолетный капризъ или минутное влеченіе, усматривая въ нихъ однородный съ собой элементъ и снабжаетъ его двигательной энергіей,—въ другихъ случаяхъ,—едва успѣваетъ этотъ новый импульсъ коснуться начального отрѣзка центробѣжнаго аппарата, какъ вдругъ, цѣлый рядъ привычныхъ ассоціацій—волевая масса всей своей тяжестью—отстраняетъ непрошеннаго пришельца, лишаетъ его побудительной силы и производитъ отклоненіе нервнаго тока въ иномъ направленіи. Въ ея власти (при нормальныхъ условіяхъ) опредѣлить результатъ выбора; „въ моей власти сдѣлать выборъ“, говорить субъектъ, и это утвержденіе въ сущности означаетъ лишь то, что выборъ зависитъ отъ меня, отъ моихъ основныхъ стремленій, а не отъ мимолетнаго хотѣнія, которое иногда даже представляется мнѣ „не моимъ“, а какъ будто оно только вошло въ сферу моего сознанія, подобно внѣшнему воспріятію, напримѣръ, воспріятіе какого-нибудь ландшафта, созерцаемаго мною изъ окна вагона. Если онъ не нравит-

ся мнѣ, нарушаетъ нить моихъ мыслей, я отворачиваюсь или закрываю глаза.

Я воспользуюсь концепціей волевой массы, которой противопологаю отдѣльный волевой элементъ, для анализа приведенныхъ выше психопатологическихъ состояній.

Зададимся теперь вопросомъ, что произойдетъ съ *чувствованіемъ свободы*, если мы попробуемъ устранить изъ индивидуальнаго сознанія его волевую массу и сохранимъ лишь обособленный волевой элементъ? Это мы можемъ прослѣдить при нѣкоторыхъ постъ-гипнотическихъ внушеніяхъ и при импульсивныхъ дѣйствіяхъ душевнобольныхъ. Въ обоихъ случаяхъ, благодаря исчезновенію привычныхъ ассоціацій, личность суживается и крайне упрощается: это кругъ, уменьшенный до степени одной точки, и этой точкой является изолированное хотѣніе, единичный волевой элементъ. Получается крайне примитивное состояніе сознанія, при которомъ субъектъ лишается возможности не только оцѣнить свое переживаніе, но даже и опознать его. Вѣдь всѣ контрасты исчезли, а всякое опознаваніе, различеніе и оцѣнка возможна только тогда, когда есть нѣсколько состояній одновременныхъ, или же быстро чередующихся. Такъ наприимѣръ, мы опознаемъ тотъ или иной цвѣтъ на фонѣ дѣйствительныхъ или мыслимыхъ другихъ цвѣтовъ и только тогда переживаемъ *этотъ опредѣленный цвѣтъ*; въ противномъ случаѣ, (я цитирую работу Лосскаго)¹⁾ передъ нами лишь первичный психическій актъ, состояніе сознанія безъ знанія, т.-е. безъ различенія и безъ оцѣнки. Въ нашемъ случаѣ, благодаря устраненію волевой массы, изолированный волевой элементъ заполнилъ собой всю сферу сознанія. Какъ всякое хотѣніе—онъ активенъ, т.-е. стремится перейти въ дѣйствіе; ничѣмъ не задержанный и обладая къ тому же повышенной активностью, какъ это имѣетъ мѣсто при импульсивныхъ дѣйствіяхъ, онъ быстро вызываетъ соотвѣтственный нервный разрядъ. Никакого чувствованія несво-

¹⁾ Н. Лосскій, Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма, С.ПБ. 1903, гл. III.

болы не возникаетъ, такъ какъ въ суженномъ сознаниі нѣтъ вообще ничего, кромѣ даннаго импульса. Чувствованіе несвободы могло бы появиться лишь какъ вторичное состояніе, какъ результатъ сравненія или оцѣнки, т.-е. знанія, а для этого было бы необходимо хотя бы минимальное расширеніе объема сознанія, куда могъ бы вмѣститься этотъ вторичный процессъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что полное устраненіе волевой массы и замѣна ея единичнымъ волевымъ элементомъ—обособленнымъ хотѣніемъ—не вызываетъ чувствованія несвободы.

Идемъ дальше. Поступокъ совершенъ. Попробуемъ теперь снова ввести устраненную волевою массу. Что же произойдетъ? Цѣлый рядъ привычныхъ идей, эмоцій и импульсовъ разомъ вторгается въ сферу сознанія и личность расширяется до своего прежняго объема; появился „фонъ“, необходимый для опознанія, вернулись условія, благопріятныя для различенія, т.-е. для *знанія*. И субъектъ ретроспективно опознаетъ свое недавнее переживаніе, подвергаетъ его запоздалой оцѣнкѣ. Это мы и наблюдаемъ при нѣкоторыхъ постъ-гипнотическихъ внушеніяхъ, когда амнезія исчезла, а также у психопатическихъ личностей, вскорѣ послѣ совершенія импульсивнаго дѣйствія. Гипнотикъ съ удивленіемъ или досадой оглядывается на свой ненужный или нелѣпный поступокъ, психопатъ съ ужасомъ вспоминаетъ совершенный имъ поджогъ, убійство и т. п. И теперь, *post factum*, оба понимаютъ, что *тогда* ихъ воля была несвободна. Такимъ образомъ обратное введеніе волевой массы вызываетъ ретроспективное чувствованіе несвободы по отношенію къ поступку, совершенному при суженномъ и упрощенномъ сознаниі.

Идемъ дальше. Представимъ себѣ опять отдѣльный волевой элементъ, въ видѣ патологическаго хотѣнія душевнобольнаго. Но допустимъ при этомъ, что сознаніе нисколько не сужено, волевая масса не устранена, но зато она подверглась модификаціи и притомъ въ полномъ соотвѣтствіи съ содержаніемъ болѣзненнаго импульса. Пусть это будетъ

идея поджога, но возникшая не у больного, страдающего импульсивным помѣшательствомъ, а, на примѣръ, у параноика, убѣжденнаго въ томъ, что онъ поджигаетъ домъ своего заклятаго врага. Личность параноика нисколько не упрощена, она подверглась лишь постепенной перегруппировкѣ: у больного уже давно появилась эмоція подозрительности, онъ съ болѣзненнымъ интересомъ присматривается къ окружающему, чувствуетъ какое-то особенное отношеніе къ себѣ, всюду слышитъ и читаетъ въ газетахъ намеки на свою личность, и, наконецъ, онъ открываетъ, кто именно его преслѣдуетъ; этотъ бредъ все усложняется съ теченіемъ времени, пышно разрастается въ ширину, захватывая собой все новыя и новыя сферы окружающихъ событій, по мѣрѣ того, какъ личность больного претерпѣваетъ медленно идущую перегруппировку своихъ элементовъ, съ рѣзко выраженной центральной точкой, въ видѣ переоцѣнки собственнаго я, (то, что принято называть „эгоцентризмомъ“). Всѣ мотивы его существенныхъ дѣйствій болѣе или менѣе вытекаютъ изъ этого центра; они однородны и находятся между собой въ соотвѣтствіи. Иначе говоря *цѣльность* его личности, ея *формальное единство*, несмотря на патологическое содержаніе, всецѣло сохранено. Идея поджога вражескаго дома вполне гармонируетъ со своеобразнымъ міровоззрѣніемъ больного; этотъ единичный волевой элементъ нисколько не противорѣчитъ апперцепирующей волевой массѣ. Означенное хотѣніе, импульсъ, не кажется больному вынужденнымъ или насильственнымъ, такъ какъ вытекаетъ изъ самыхъ нѣдръ его измѣненной личности; у больного нѣтъ никакого *критерія* для сравненія или оцѣнки, и если въ предыдущемъ случаѣ (при импульсивныхъ влеченіяхъ) мы говорили, что различеніе было невозможно, такъ какъ отсутствовалъ психологическій фонъ, то здѣсь мы въ правѣ сказать, что различеніе потому невозможно, что сравниваемый предметъ и фонъ сливаются: они однородны. Только что описанное постепенное превращеніе личности наблюдается, кромѣ

паранои, при старческихъ психозахъ, прогрессивномъ параличѣ помѣшанныхъ и т. д.

Такимъ образомъ видоизмѣненіе волевой массы, если послѣднее происходитъ въ соотвѣтствіи съ отдѣльнымъ волевымъ элементомъ, нисколько не отражается на чувствованіи свободы: больной чувствуетъ себя свободнымъ какъ въ моментъ совершенія патологическаго акта, такъ и при ретроспективномъ созерцаніи его.

Представимъ себѣ далѣе, что волевая масса и не устранена, и не измѣнена, но зато отдѣльный волевой элементъ, при болѣзненномъ содержаніи, обладаетъ чрезмѣрной энергіей. Несмотря на сопротивленіе другихъ сьорганизованныхъ элементовъ, онъ крѣпнетъ, растетъ и сейчасъ перейдетъ въ дѣйствіе. Возникаетъ борьба между волевой массой и волевымъ элементомъ, и чѣмъ напряженнѣе эта борьба, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ субъектъ, что появившееся хотѣніе есть что-то постороннее, чужое, навязанное ему и болѣзненное. Это—судорога волевого механизма, совершенно аналогичная тѣлесной судорогѣ. Координированныя движенія пловца, опредѣленные усилія, затрачиваемыя имъ на преодоленіе напора волнъ, искусно размѣренное дыханіе—все нарушается отъ вторженія въ его двигательную сферу этого насильственнаго и какъ бы чужого элемента, который рѣзко противорѣчитъ стройному комплексу его цѣлесообразныхъ движеній. И это противорѣчіе ясно сознается; совершенно такъ же, какъ при болѣзни, называемой „атетозомъ“, больные ни минуты не сомнѣваются, что сведеніе и разведеніе ихъ пальцевъ представляетъ собою насильственное сокращеніе мышечныхъ группъ, не имѣющія никакой связи съ координированнымъ единствомъ ихъ активныхъ движеній. Они сознаютъ, что ихъ движенія имѣютъ какъ бы два центра: одинъ здоровый, которому повинуются планомѣрные дѣйствія, другой ненормальный, болѣзненный центръ, изъ котораго вытекаютъ только нѣкоторыя движенія—непланомѣрныя тягостныя судороги.

Аналогичное явленіе происходитъ и въ психической сферѣ.

На фонѣ привычныхъ хотѣній рѣзко выдѣляется одно непривычное хотѣніе. И субъектъ чувствуетъ, что *онъ такъ* не можетъ хотѣть; это какъ бы *не его* хотѣніе. Такое состояніе переживаютъ гипнотики, которымъ сдѣлано внушеніе, противорѣчащее ихъ этическимъ и эстетическимъ нормамъ; тоже самое испытываютъ больные, одержимые навязчивыми влеченіями; первые чувствуютъ, что они несвободны, такъ какъ находятся во власти гипнотизера, вторые чувствуютъ себя несвободными, такъ какъ они больны. И тѣ и другіе не поддаются иллюзіи свободной воли, ибо для коррегирования этой иллюзіи, они обладаютъ надежнымъ критеріемъ, въ видѣ того рѣзкаго болѣзненного конфликта, въ который вступаютъ волевая масса и отдѣльный волевой элементъ. Интеллигентный клептоманъ знаетъ, что онъ жертва болѣзненной формы, свойства которой грубо противорѣчатъ всему его душевному укладу; та молодая дѣвушка, о которой рассказывалъ Эрлицкій, чувствовала, что влеченіе распространять про себя позорныя небылицы—это посторонній наростъ на ея волѣ. Здѣсь передъ нами несомнѣнные признаки того, что называютъ *раздвоеніемъ личности*. Цѣльность личности, когда всѣ поступки какъ бы вытекаютъ изъ одного центра, нарушена; волевая масса въ общемъ еще главенствуетъ, только одинъ или нѣсколько волевыхъ элементовъ ускользаютъ изъ-подъ ея власти. Вотъ что писалъ по этому поводу проф. Корсаковъ: „Большая часть мотивовъ, двигающихъ обычными поступками больного, имѣетъ одинъ центръ, а другая—меньшая—совсѣмъ другой центръ. У больного можно подмѣтить какъ бы два „я“: одно здоровое, другое—больное“. Итакъ, субъектъ тогда можетъ при нѣкоторыхъ волевыхъ актахъ переживать чувство несвободы, когда вся его остальная личность до извѣстной степени незатронута болѣзнью, иначе говоря, *для появленія чувства несвободы должно быть нарушено субъективное воспріятіе цѣльности личности, ея формального единства: личность должна быть раздвоена*.

Это мы и наблюдаемъ при нѣкоторыхъ постъ-гипнотиче-

скихъ внушеніяхъ, когда амнезія неполная, при навязчивыхъ влеченіяхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ истеріи, и особенно кататоніи. ¹⁾ При послѣдней изъ упомянутыхъ болѣзней сами больные, въ періодѣ ремиссіи, нерѣдко даютъ намъ довольно типичное описаніе своего субъективнаго болѣзненнаго состоянія. Еще недавно въ Центральномъ Пріемномъ Покоѣ для душевно-больныхъ мнѣ пришлось наблюдать молодого кататоника съ цѣлымъ рядомъ вычурныхъ манеръ, нелѣпыхъ позъ и крайне загадочныхъ выходокъ. Оправившись отъ приступа, онъ передавалъ мнѣ, что его воля была какъ бы разобщена съ чувствомъ и разумомъ; и въ то время какъ разумъ изумлялся и даже протестовалъ, воля проявляла себя по своему, неожиданно, нелѣпо и дико. Этотъ больной чувствовалъ себя несвободнымъ, какъ въ моментъ совершенія поступка, такъ и при ретроспективномъ созерцаніи его.

Теперь нѣкоторые итоги.

Гипнологическіе эксперименты и наблюденія изъ области психопатологіи показываютъ прежде всего, что и гипнотики и душевнобольные могутъ испытывать несомнѣнное чувство свободы, причѣмъ это субъективное показаніе не соотвѣтствуетъ объективнымъ условіямъ. Изъ этого, при помощи сочетанія положительныхъ и отрицательныхъ индукцій (соотвѣтствія и несоотвѣтствія измѣненій) можно вывести доказательство, что *чувствованіе свободы есть иллюзія самонаблюденія*. Мы видѣли далѣе, что въ нѣкоторыхъ гипнотическихъ опытахъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ душевныхъ заболѣваній чувствованіе

¹⁾ Кататонія—душевная болѣзнь, при которой, на ряду съ психическими симптомами, наблюдается цѣлый рядъ своеобразныхъ мышечныхъ двигательныхъ расстройствъ. Часто больные пребываютъ въ полной неподвижности, въ странномъ и причудливомъ оцѣпенѣніи, во время котораго ихъ конечностямъ можно придать любое положеніе (такъ называемая восковая гибкость *flexibilitas cerea*); иногда, наоборотъ, больные оказываютъ сильное сопротивление всякой попыткѣ видоизмѣнить ихъ застывшую позу (негативизмъ); нерѣдко кататоники поражаются своими внезапными выходками, напр., вдругъ устремляются впередъ, бьются объ стѣну, судорожно опрокидываются на кровати и т. п. И все это безъ малѣйшаго аффекта и, повидимому, безъ всякаго мотива.

свободы может исчезнуть, замѣняясь явственнымъ чувствованіемъ несвободы. Сопоставленіе этихъ случаевъ привело насъ къ изученію тѣхъ психологическихъ условий, при которыхъ возникаетъ первое изъ названныхъ чувствъ, и тѣхъ—при которыхъ возникаетъ второе. Оказалось, что для чувствованія свободы необходима субъективная цѣльность личности, ея формальное единство. И, наоборотъ, для чувствованія несвободы необходимо субъективное нарушение формальнаго единства личности, когда имѣется по крайней мѣрѣ два отдѣльныхъ центра, въ двухъ различныхъ волевыхъ группахъ, при чемъ одна изъ этихъ группъ воспринимается субъектомъ, какъ естественная *своя*, а другая—какъ не естественная, *чужая*. Словомъ для появленія чувствованія несвободы личность должна быть раздвоена.

Но это еще не всѣ условія.

Когда единая, нераздѣльная личность хочетъ, выбираетъ и дѣйствуетъ, то будь она здоровая или душевно-больная она переживаетъ своеобразное состояніе активности или собственной инициативы.—Это специфическое и (что бы ни говорилъ Münsterberg) неразложимое простое переживание сопровождается всѣ наши произвольные акты, будутъ ли это движенія, направленные во внѣшній міръ, или же тѣ „внутреннія дѣйствія“, когда мы путемъ сознательнаго усилія вызываемъ въ умѣ тѣ или инныя идеи, заставляемъ себя думать объ одномъ, не обращая вниманія на другое и т. д. Мы не станемъ углубляться въ гипотетическую природу этого переживанія. Что такое усиліе, есть ли это центробѣжное или центростремительное ощущеніе, какая связь между мускульнымъ усиліемъ и волевымъ—эти спеціальныя проблемы могутъ остаться въ сторонѣ; внѣшнее и внутреннее усиліе мы объединимъ подъ общимъ названіемъ *активности* и, слѣдуя тому же методу соотвѣтствующихъ измѣненій, рассмотримъ колебанія этого переживанія, чтобы такимъ образомъ прослѣдить, отражается ли данный факторъ соотвѣтствующимъ образомъ на чувствованіи свободы.

Матеріаломъ для такой индукціи послужать намъ и здѣсь

психопатологическія картины. Начнемъ съ усиленія активности и обратимся для этого къ циркулярному психозу въ его маниакальномъ періодѣ. Въ легкихъ случаяхъ „не успѣетъ больной куда-нибудь придти, какъ ему снова нужно бѣжать, пойти прогуляться, посѣтить пріятеля, сдѣлать закупки. Онъ бѣгаетъ по театрамъ, концертамъ, игорнымъ домамъ; каждую минуту закуриваетъ новую сигару, чтобы сейчасъ же бросить ее“. Въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ получается совершенно безпорядочная картина: „больная свиститъ, поетъ, подражаетъ голосамъ животныхъ, прыгаетъ, танцуетъ, разбрасываетъ и разрываетъ бѣлье, рветъ сидѣлокъ за платья и все время говорить безъ умолку, при чемъ въ ея рѣчахъ нельзя уловить никакихъ сознательныхъ мотивовъ для двигательнаго возбужденія“ ¹⁾.

Что бы ни лежало въ основѣ описаннаго состоянія, повышенное ли самочувствіе, или же первично-повышенная возбудимость двигательныхъ центровъ (какъ думаетъ Краепelin), несомнѣнно, что чувствованіе свободы у такихъ больныхъ нисколько не нарушено и даже, какъ думаетъ проф. Ноше, оно еще болѣе опредѣленно и отчетливо, чѣмъ при нормальныхъ условіяхъ.

Но вотъ маниакальный стадій закончился, наступаетъ депрессія. Теперь больной цѣлыми днями молчитъ, либо медленно отвѣчаетъ на обращенные къ нему вопросы (отвѣты его нерѣдко совершенно правильны); самодѣятельность больного рѣзко ограничена. Вообще, всѣ проявленія воли у него чрезвычайно затруднены и, когда онъ отвѣчаетъ намъ, получается впечатлѣніе, что ему очень трудно говорить. Къ этому присоединяется тягостное затрудненіе мышленія и все вмѣстѣ взятое (психомоторная задержка, какъ называетъ это состояніе Краепelin) составляетъ типическую психологическую особенность этой клинической формы. Все это явственно воспринимается самими больными. Пользуясь нашей терминологіей, мы могли бы сказать, что въ

¹⁾ Штёррингъ I. с. стр., 260.

этихъ случаяхъ *волевая масса* пребываетъ въ относительной неподвижности, т. к. ея составные элементы утратили свою импульсивность—активность больного понижена; и сами больные иногда довольно точно описываютъ свое переживание: „Мною владѣла какая-то сила“—заявляетъ больной; „движенія конечностей были не въ моей власти“. „Воля моя уничтожена, я не могу ни думать, ни хотѣть.“ Такимъ образомъ *съ пониженіемъ активности появляется чувство не-свободы.*

Можно было бы привести еще много примѣровъ пониженной активности, сопровождаемой чувствомъ не-свободы, когда парализъ эмоциональной сферы—апатія—влечетъ за собой ослабленіе воли—абулію. Много случаевъ подобнаго рода собрано въ извѣстной монографіи Рибо. Но я и такъ уже сильно утомилъ ваше вниманіе, почему и постараюсь поскорѣе перейти къ моимъ заключительнымъ выводамъ.

Изъ только что рассмотрѣннаго матеріала ясно, что *ослабленіе чувствованія активности влечетъ за собою ослабленіе чувствованія свободы.* Мы имѣемъ здѣсь, такимъ образомъ, типичный образчикъ положительной индукціи. И становится весьма вѣроятнымъ, что оба эти чувствованія не только тѣсно связаны между собой, но, быть можетъ, представляютъ собой родственное переживаніе. Нѣтъ активности—нѣтъ и свободы. Слѣдуетъ ли изъ этого, что справедливо и обратное положеніе: есть активность—есть и свобода. Вспоминая анализъ навязчивыхъ влеченій приходится отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Вѣдь при навязчивыхъ влеченіяхъ чувствованіе активности сохранено, а чувствованіе свободы отсутствуетъ. Все дѣло въ томъ, что тамъ чувствованіе активности сопровождается реализацію *единичнаго* волевого элемента, между тѣмъ какъ активность *волевой массы* понижена, и потому она не въ состояніи задержать противоположный ей по качеству и какъ бы оторвавшійся отъ нея импульсъ. Это мы обозначали, какъ раздвоеніе личности. Сопоставляя теперь

разобранные факты и подраздѣляя ихъ на три группы, мы можемъ построить слѣдующія три формулы:

1) Формальное единство личности + активность даетъ чувств. свободы.

2) Формальное единство личности — активность даетъ чувств. несвободы.

3) Раздвоеніе личности + активность даетъ чувств. несвободы.

Или, выражаясь иначе: для появленія чувствованія свободы должно быть сохранено формальное единство личности, ея субъективная цѣльность, но мало того, необходимо еще, чтобы чувствованіе активности не было уничтожено; выпаденіе хотя бы одного изъ этихъ условій уже достаточно для выпаденія чувствованія свободы: такъ раздвоеніе личности при навязчивыхъ влеченіяхъ даетъ чувствованіе несвободы, хотя чувствованіе активности для даннаго дѣйствія не нарушено; и наоборотъ уничтоженіе чувствованія активности при депрессивныхъ состояніяхъ даетъ чувствованіе несвободы, хотя формальное единство личности не нарушено. Такимъ образомъ только сочетаніе обоихъ условій (цѣльность личности при сохраненной активности) вызываетъ чувствованіе свободы.

Наше изслѣдованіе о чувствованіи свободы не выходило все изъ рамокъ клиническихъ фактовъ, а потому самъ собою является вопросъ, приложимы ли добытые результаты и къ нормальнымъ условіямъ? Что можно сказать объ единствѣ и активности здороваго индивидуума?

Цѣльность личности представляетъ и въ нормальныхъ условіяхъ многочисленныя градации. „Есть натуры очень цѣльныя—говоритъ Корсаковъ, „у которыхъ всѣ поступки какъ бы вытекаютъ изъ одной категоріи принциповъ; и есть натуры менѣе цѣльныя, въ поступкахъ которыхъ мы видимъ противорѣчіе въ руководящихъ принципахъ въ большей или меньшей степени“. Однако, скажемъ мы, типы послѣдней категоріи (вѣчно колеблющіяся, бросающіяся изъ стороны въ сторону—непостоянные, какъ ихъ называютъ)

отстоятъ еще очень далеко отъ субъективнаго воспринимаемаго патологическаго раздвоенія; поэтому можно принять, что въ общемъ *нормальная личность обладаетъ субъективнымъ единствомъ.*

Степень активности при нормальныхъ условіяхъ также подвержена разнообразнымъ колебаніямъ. Мы знаемъ субъектовъ изумительно активныхъ, вѣчно дѣятельныхъ преодолѣвающихъ съ большимъ упорствомъ самыя трудныя препятствія; и мы знаемъ другихъ, инертныхъ и слабыхъ, сравнительно недѣятельныхъ, для которыхъ повседневныя житейскія мелочи представляются серьезными преградами. Но типы послѣдняго рода еще очень далеки отъ субъективно-воспринимаемой абуліи, и поэтому можно принять, что въ общемъ *нормальная личность активна.*

Будучи единой и активной нормальная личность совмѣщаетъ въ себѣ, такимъ образомъ, оба условія, формально необходимыя для возникновенія интроспективной иллюзіи свободы. ¹⁾

Мое изложеніе закончено. Но прежде чѣмъ поставить точку, я прошу прошенія у тѣхъ, кто ожидалъ, что я сдѣлаю интересную попытку раскрыть какимъ-нибудь новымъ ключемъ этотъ „ржавый замокъ“, висящій уже столько вѣковъ на закопченныхъ дверяхъ одной изъ готическихъ башенъ умозрительной философіи.

Моя задача была гораздо скромнѣй.

¹⁾ Изученіемъ этихъ *формальныхъ* условій я пока и ограничился. Конечно, для полноты моей работы, необходимо было бы выяснить тѣ основныя свойства волевого акта, которыя иллюзію свободы дѣлаютъ *необходимой*—психологически. Тутъ пришлось бы подвергнуть разбору ученіе о мотивации челоуѣческаго поведенія, о психической причинности, попытаться отвѣтить на вопросъ, почему сокровенныя причины нашихъ хотѣній не понадаютъ въ сферу самосознанія и т. д. Все это—вопросы, о которыхъ невозможно говорить вскользь: они составляютъ тему для отдѣльнаго изслѣдованія. Если не считать болѣе старыхъ работъ (напр. Шопенгауэра «О свободѣ воли», Фулье, Рила и др.), то много оригинальныхъ указаній можно найти въ книгѣ проф. Петражицкаго, на которую я ссылаюсь въ началѣ моего доклада.

Я стремился выполнить тѣ указанія, которыя далъ по вопросу о свободѣ воли проф. Корсаковъ. „Если“, писалъ онъ,—„непосредственное чувство свободы свойственно нормальному человѣку, то это свойство и нужно изучать, нужно изучать его условія, при этомъ установить, съ чѣмъ оно связано. Нужно изслѣдовать, насколько чувство свободы обманчиво; тутъ тоже наберется много поразительныхъ и разнообразныхъ фактовъ, которые придется сгруппировать. Сюда будутъ относиться и наблюденія надъ аномаліями, представляющими рѣзкое выпаденіе функции свободы выбора, и экспериментальныя наблюденія надъ загнипнотизированными субъектами. Тогда только наберется большой матеріалъ, на основаніи котораго, при помощи, можетъ быть, того же діалектическаго метода и можно будетъ освѣтить вопросъ истиннымъ свѣтомъ“.¹⁾

Я сознаю однако, что моя слабая попытка далеко не заполняетъ собой тѣхъ рамокъ обширнаго изслѣдованія, на которыя указывалъ покойный Сергѣй Сергѣевичъ.

Ю. Каннабихъ.

¹⁾ Корсаковъ: возраженія на рефератъ Л. М. Лопатинъ въ III выпускѣ трудовъ Московскаго Псих. Об.

О кажущемся увеличеніи свѣтилъ у горизонта.

I.

Всѣмъ извѣстно явленіе кажущагося увеличеніи дисковъ луны и солнца вблизи горизонта. При восходѣ полная луна или солнце кажутся намъ иногда грандіозныхъ размѣровъ; но, однако, по мѣрѣ поднятія своего надъ горизонтомъ они быстро уменьшаются для насъ по своей величинѣ, и когда каждое изъ нихъ достаточно высоко поднялось на небѣ, тогда явленіе совершенно исчезаетъ, и на ясномъ фонѣ небснаго свода оба свѣтила представляются намъ уже небольшихъ размѣровъ дисками.

Еще съ древности мы имѣемъ указанія на это явленіе. Такъ, объ увеличеніи дисковъ свѣтилъ около горизонта говоритъ Ptolemeus въ своей *Μεγάλη Σφαιρική*; затѣмъ, нѣсколько вѣковъ спустя, по этому вопросу высказывается арабскій математикъ Alhazen. Далѣе, съ половины среднихъ вѣковъ и до начала прошлаго столѣтія интересъ къ разсматриваемому явленію проявляется все болѣе и болѣе; объ увеличеніи свѣтилъ упоминаютъ Vitello, R. Bacon, Kepler, Gassendi, Herigone, Cardano, Berkeley, Malebranche, Molyneux, Smith, Logan, Mairan, Dunn, Voltair, Biot, Euler, Herschel, Gauss.

Въ послѣднее же время съ середины прошлаго столѣтія цѣлый рядъ ученыхъ занимался уже экспериментальной постановкой даннаго вопроса въ цѣляхъ выясненія причинъ кажущагося увеличеніи свѣтилъ, при чемъ сообразно съ методами, приложенными къ изслѣдованію явленія, были высказаны самыя разнообразныя предположенія. Достаточно здѣсь упомянуть только Clausius'a, Helmholtz'a, Zeno, Stroobant'a, Plateau, Lechallas, Blondel'я, Wundt'a, Zehender'a, Zoth'a, Filehne, Reimann'a, Guttmann'a, Schaeberle, — чтобы убѣдиться, что для разрѣшенія даннаго вопроса въ послѣднее время сдѣлано очень много и что увеличеніе

свѣтилъ вблизи горизонта представляетъ одинъ изъ наиболѣе замѣтныхъ и интересныхъ видовъ зрительныхъ иллюзій.

Приступая сначала къ обзору гипотезъ, предложенныхъ для объясненія разсматриваемаго нами явленія, мы должны прежде всего замѣтить для тѣхъ, у кого можетъ возникнуть сомнѣнiе, что увеличеніе дисковъ свѣтилъ у горизонта ни въ коемъ случаѣ не является результатомъ какой-либо находящейся внѣ воспринимающаго субъекта причины. Иначе говоря, ни астрономическими, ни атмосферическими причинами интересующее насъ явленіе объяснено быть не можетъ, о чемъ мы прежде всего и скажемъ здѣсь нѣсколько словъ.

Въ самомъ дѣлѣ. Какъ извѣстно, при верхней кульминаціи на меридіанѣ даннаго мѣста луна находится нѣсколько ближе къ этому мѣсту, чѣмъ во время своего восхода. Такъ, если принять среднее разстояніе луны отъ земли круглымъ счетомъ за 60 среднихъ земныхъ радіусовъ, то въ максимальномъ случаѣ—при кульминированіи луны въ зенитѣ,—разстояніе между центрами луны и земли становится меньше на 0,991 земн. радіуса, чѣмъ при положеніи луны на горизонтѣ. А такъ какъ луна въ этомъ случаѣ приблизительно на $\frac{1}{60}$ часть разстоянія ближе, то и угловая ея величина возрастаетъ прямо пропорціонально, откуда слѣдуетъ, что при кульминированіи вблизи зенита дискъ луны долженъ казаться наблюдателю не только не уменьшеннымъ, но, наоборотъ, увеличеннымъ на $\frac{1}{60}$ часть своего поперечника.

Что же касается солнца, то разстояніе послѣдняго при восходѣ и при кульминаціи разнится на безконечно малую величину сравнительно со всѣмъ разстояніемъ, отдѣляющимъ это свѣтило отъ насъ; и поэтому его угловая величина остается для нашего воспріятія въ обоихъ случаяхъ одною и тою же. Между тѣмъ съ солнцемъ явленіе увеличенія происходитъ совершенно такъ же, какъ и съ луною.

Многія лица изъ публики, мало знакомыя съ точными обозначеніями научныхъ терминовъ, часто ссылаются при своемъ объясненіи явленія на рефракцію и видятъ въ ней именно причину этого увеличенія. Но, какъ извѣстно, рефракція не только не увеличиваетъ дисковъ свѣтилъ у горизонта, но, наоборотъ, сплющиваетъ ихъ по высотѣ, оставляя горизонтальный поперечникъ свѣтила безъ измѣненія. Такъ, напримѣръ, при восходѣ и заходѣ луны или солнца, имѣющихъ около 32' въ попереч-

никѣ, разность рефракцій для нижняго и для верхняго края диска равна приблизительно ζ' , почему сплющиваніе по высотѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ доходить и у того и у другого свѣтила до $\frac{1}{6}$ части всего вертикальнаго діаметра.

Итакъ, если принять въ соображеніе оба разсмотрѣнныхъ фактора, то необходимо придти къ заключенію, совершенно обратному тому, къ которому желательно было придти, и согласиться съ тѣмъ, что луна при кульминаціи у зенита должна казаться больше, чѣмъ на горизонтѣ, въ особенности въ своемъ вертикальномъ поперечникѣ.

Такимъ образомъ, остается искать причину въ субъектѣ. Въ этомъ случаѣ можно предположить одно изъ двухъ: или явленіе объясняется физически, т.-е. строеніемъ зрительнаго аппарата и различіемъ изображеній, образуемыхъ на сѣтчаткѣ лучами свѣтила при различныхъ его положеніяхъ; или явленіе относится къ одному изъ видовъ иллюзій, имѣющихъ причину фізіологическаго или психологическаго характера.

Предложенныя для объясненія гипотезы физическія едва ли заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Одна изъ нихъ, приведенная (Lechals 1), заключается въ слѣдующемъ: когда мы наблюдаемъ свѣтило при высокомъ положеніи его на небѣ, глазное яблоко располагается такимъ образомъ, что хрусталикъ оказывается выше центральной области ретины, гдѣ получается изображеніе. Но при такомъ положеніи хрусталика подъ вліяніемъ силы тяжести разстояніе между послѣднимъ и ретиной уменьшается; соотвѣтственно же съ этимъ уменьшеніемъ діаметра, лежащаго на фиксаціонной линіи, должно уменьшаться и изображеніе на самой сѣтчаткѣ.

Другая физическая гипотеза была предложена Schaeberle. Schaeberle полагаетъ 2), что при смотрѣннн прямымъ и боковымъ зрѣніемъ при горизонтальномъ направленіи фиксаціонной линіи мы для равныхъ угловъ получаемъ различныя величины изображенія на сѣтчаткѣ, почему и происходитъ переоцѣнка какъ «площадей» небснаго свода, такъ и иллюзія увеличенія свѣтилъ у горизонта.

1) G. Lechals. L'agrandissement des astres à l'horizon. Revue Philos. 1888, p. 53.

2) Schaeberle. A simple physical explanation of the seeming Enlargement of Celest. Areas near the Horizon. Astronomische Nachrichten. 1899.

Гипотеза Lechalas легко опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что величина приращенія кажущихся размѣровъ свѣтила у горизонта чудовищно громадна сравнительно съ тѣмъ ничтожнымъ измѣненіемъ изображенія на сѣтчаткѣ, которое Lechalas допускаетъ при сжатіи глазного яблока подъ вліяніемъ тяжести. Какъ мы покажемъ впослѣдствіи, изъ различныхъ данныхъ наблюденій и теоретическихъ выкладокъ получается, что луна и солнце у горизонта для случая средняго воспріятія болѣе чѣмъ въ 2 раза больше, чѣмъ при высококомъ своемъ положеніи на небѣ. Поэтому, чтобы получить на сѣтчаткѣ изображеніе въ одномъ случаѣ вдвое меньше, чѣмъ въ другомъ, необходимо предположить, что разстояніе между узловой точкой редуцированного глаза и фокальной точкой на сѣтчаткѣ при вертикальномъ направленіи взора уменьшается вдвое, что конечно, абсурдно.

Что касается гипотезы Schaeberle, то она также не объясняетъ явленія въ его количественномъ значеніи и можетъ выразить только незначительное измѣненіе видимыхъ размѣровъ, далекое отъ того громаднаго измѣненія, которое наблюдается на самомъ дѣлѣ. Кромѣ того, и гипотеза Lechalas и гипотеза Schaeberle оказываются совершенно неудовлетворительными, если указать на то, что при небольшомъ поднятіи свѣтила надъ горизонтомъ явленіе увеличенія быстро падаетъ въ своемъ количественномъ значеніи, между тѣмъ какъ глазъ въ этомъ случаѣ измѣняетъ свое положеніе незначительно, да и при положеніи глаза съ горизонтально направленной линіей взора боковое зрѣніе даетъ изображеніе поднявшагося свѣтила на сѣтчаткѣ очень близко къ *macula lutea*, на разстояніи 7—10 дуговыхъ градусовъ отъ нея. Наконецъ, по Lechalas и Schaeberle быстрое измѣненіе явленія должно происходить именно у зенита; между тѣмъ результаты наблюденій противорѣчатъ этому предположенію.

Кромѣ приведенныхъ двухъ теорій намъ не приходилось въ литературѣ вопроса встрѣчать еще физическія толкованія интересующаго насъ явленія въ подобномъ видѣ. И вообще, легко видѣть, что подобныя толкованія никогда не будутъ въ состояніи объяснить явленія съ точки зрѣнія его величины, такъ какъ иначе измѣненія величинъ должны были бы въ такихъ же размѣрахъ какъ и со свѣтилами наблюдаться и во всей сферѣ обычнаго опыта, чего мы на самомъ дѣлѣ не имѣемъ.

М. Blondel ¹⁾, ссылаясь на опыты Plateau и Stroobant'a, съ послѣдующими изображеніями луны, считаетъ, что они окончательно опровергаютъ всѣ толкованія физическаго характера, такъ какъ согласно этимъ опытамъ ретинальныя изображенія для луны въ различныхъ ея положеніяхъ получаются одни и тѣ же. А если это такъ, то, конечно, измѣненіе видимыхъ размѣровъ свѣтила есть результатъ воспріятія, т. е. причины психологической или психо-физиологической, но никакъ не физической.

Поэтому, оставляя разсмотрѣніе астрономическихъ, атмосферическихъ и физическихъ причинъ, переходимъ къ толкованію явленія увеличенія какъ результата ошибочнаго воспріятія, а не измѣненія въ экстенсивности зрительныхъ ощущеній. Правда, у нѣкоторыхъ могутъ явиться сомнѣнія относительно того, знаемъ ли мы всѣ атмосферныя условія по отношенію къ различнымъ оптическимъ явленіямъ, частнымъ случаямъ которыхъ можетъ и быть явленіе увеличенія. Такъ, можно было бы, пожалуй, предположить, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ особый видъ миража, параселеновъ, паргеліевъ, или, наконецъ, вѣнцовъ и галосовъ, совпадающихъ съ самымъ дискомъ свѣтила. Но противъ этихъ предположеній есть одинъ рѣшающій неоспоримый доводъ: измѣренія, производимыя астрономическими инструментами, показываютъ, что угловая величина свѣтилъ вовсе не измѣняется, если не считать описанныхъ явленій рефракціи для обоихъ свѣтилъ и легкаго измѣненія въ поперечникѣ луннаго диска въ зависимости отъ разстоянія луны отъ мѣста наблюденія.

Изъ всего предыдущаго изложенія мы приходимъ къ необходимому выводу, что явленіе увеличенія свѣтилъ у горизонта представляетъ собою одинъ изъ видовъ иллюзій зрѣнія.

II.

Ставъ на эту почву въ толкованіи явленія увеличенія, мы, однако, двояко можемъ рѣшать нашу задачу. Или иллюзія создается причинами физиологическаго характера и потому должна

¹⁾ М. Blondel. Une association inséparable. L'agrandissement des astres à l'horizon. Revue Philos. 1888, p. 489. См. также Plateau: Une application des images accidentelles. Bulletins de l'Acad. R... de Belgique. p. 316 et sv. Къ сожалѣнію опыты Plateau производилъ не самъ, а поручилъ своему сыну, который нашель, что разстояніе, на которомъ вообще представляется намъ луна равно 51 m.

быть объяснена какъ «обманъ чувствъ», другими словами, психофизиологически; или иллюзія всецѣло зависитъ отъ свойствъ воспринимающаго мышленія и сводится къ факторамъ психологическимъ. Оба эти взгляда приложимы, конечно, не только къ интересующему насъ частному виду зрительныхъ иллюзіей; какъ извѣстно, нѣкоторые изъ психологовъ, какъ, напримѣръ, Wundt, Münsterberg, Hering считаютъ зрительныя иллюзіи происходящими отъ физиологическихъ условій, причемъ по Wundt'у и Münsterberg'у онѣ образуются, главнымъ образомъ, отъ различія двигательныхъ ощущеній при перемѣщеніи глаза, а по Hering'у — отъ вліянія на сужденіе кривизны сѣтчатки, благодаря которой глазъ измѣряетъ разстоянія хордами, соединяющими крайнія точки изображенія. Съ точки зрѣнія вліянія движенія глаза при конвергенціи и поднятіи вверхъ взора, при которыхъ измѣняется величина мускульнаго усилія, Wundt, напримѣръ, объясняетъ и «раздѣленные» или «заполненные» отрѣзки, и фигуры Müller-Lyer'a, и обманы при сужденіи о величинахъ острыхъ угловъ, и фигуры Hering'a, Zöllner'a, Poggendorff'a, а также переоцѣнку величинъ вертикальныхъ и горизонтальныхъ равныхъ отрѣзковъ¹⁾.

Наоборотъ, другіе физиологи и психологи, какъ, напримѣръ, Helmholtz, Lipps, Jastrow—считаютъ зрительныя иллюзіи явленіемъ скорѣе психологическимъ, и ошибку, заключающуюся въ немъ, ищутъ не въ различіи иннервационныхъ импульсовъ при движеніяхъ глаза, а въ воспринимающемъ мышленіи, переоцѣнивающимъ величины согласно предшествующему опыту въ данной области.

Такъ, Helmholtz сводитъ всѣ иллюзіи къ общимъ принципамъ контраста и считаетъ, что ясно познаваемая различія во всѣхъ чувственныхъ воспріятіяхъ кажутся большими, чѣмъ неясно познаваемая различія одинаковой объективной величины. Съ этой точки зрѣнія объясняется Helmholtz'емъ и иллюзія заполненнаго пространства, какъ напримѣръ, раздѣленные отрѣзки, или система равныхъ параллельныхъ отрѣзковъ, или кажущееся увеличеніе остраго угла. Но кромѣ этого фактора Helmholtz большое значеніе придаетъ еще и фактору психобиологическому, именно привычкѣ глазомѣра и связанныхъ съ послѣднимъ ошибокъ. Пе-

1) *W. Wundt. Grundzüge der Physiol. Psychologie. 5-e Aufl. B. II. S. 536, 549 и ff.*

реоцѣнка вертикальныхъ отрѣзковъ по длинѣ сравнительно съ равными горизонтальными отрѣзками по Helmholtz'у основана на томъ, что мы особенно часто видимъ поверхности предметовъ подъ нѣкоторымъ угломъ, почему и переоцѣниваемъ, преувеличиваемъ ихъ истинную длину во время вертикальнаго положенія этихъ поверхностей¹⁾.

Lipps въ своихъ «Grudthatsache d. Seelenlebens» идетъ дальше Helmholtz'a и обобщаетъ его факторы, устанавливая положеніе, по которому величины кажутся тѣмъ болѣе значительными, чѣмъ больше по числу и чѣмъ опредѣленнѣе различія, которыя онѣ обнаруживаютъ. Какъ мы увидимъ въ концѣ нашего очерка, это положеніе какъ нельзя лучше подтверждается на примѣрѣ разбираемой нами иллюзіи восходящихъ свѣтилъ.

Какъ и въ общемъ случаѣ зрительныхъ иллюзій, такъ и въ частномъ, служащемъ предметомъ нашего обсужденія, два основныхъ взгляда—психологическій и физиологическій—рѣзко разграничиваютъ на двѣ группы всѣ высказанныя по данному вопросу предположенія. Изъ нихъ психологическое толкованіе наиболѣе раннее. Такъ, психологическаго рѣшенія вопроса придерживались Ptolemeus, Alhazen, Vitello, R. Bacon, Kepler, Herigone, Dunn, Berkeley, Voltaire, Biot, Logan, Euler, I. Herschel, Helmholtz, Blondel и др. Физиологическое же толкованіе разсматриваемая нами иллюзія получила только во второй половинѣ прошлаго столѣтія, если не считать нѣкоторые намеки на него у Gassendi, который указываетъ на суженіе зрачка, какъ на одну изъ возможныхъ причинъ иллюзіи²⁾. Дѣйствительныя же, основанныя на экспериментальныхъ данныхъ физиологіи зрѣнія толкованія мы находимъ у Wundt'a, Zoth'a, Filehne, Zehender'a и Stroobant'a.

Начнемъ съ этихъ послѣднихъ.

Если разсматривать всѣ эти толкованія вмѣстѣ, то легко разбить ихъ на три основныхъ группы. Такъ, Stroobant, слѣдуя мысли, высказанной Gassendi, полагаетъ, что въ образованіи иллюзіи основнымъ факторомъ является большее или меньшее расширение зрачка при различныхъ положеніяхъ, а слѣдовательно,

1) Helmholtz, Handbuch der Physiol. Optik. 2-e Aufl. S. 705, 702, см. также S. 603 «о ложной индукціи».

2) P. Gassendi. Opuscula philos. Т. III, 1658.

и яркости свѣтила. Далѣе, Zehender, Zoth, и Wundt принимаютъ за главный факторъ иллюзіи мускульныя ощущенія при движеніяхъ глазного яблока, при чемъ Zoth видитъ причину въ различіи усилій при конвергенціи, а Wundt—въ различіи усилій при движеніяхъ глазъ въ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіяхъ. Наконецъ, Filehne, исходя изъ привычки глаза воспринимать разстоянія при обычномъ положеніи послѣдняго, сводитъ свое толкованіе уже съ фізіологическаго на психобіологическое основаніе.

Намекъ на фізіологическое объясненіе иллюзіи мы находимъ пожалуй и у Ptolemaeus'a, который въ своей «Μεγάλη Σύμβασις» говоритъ: «предметы, находящіеся высоко, кажутся малыми въ силу привычки и трудности смотрѣнія (вѣрнѣе «extra consuetudinem et cum difficultate actionis»)» ¹⁾. Но послѣ Ptolemaeus'a, если не считать Cassendi, до нашего времени въ литературѣ вопроса не встрѣчается вовсе фізіологическихъ гипотезъ. И въ наше время первымъ, поставившимъ задачу на эту почву былъ, какъ намъ извѣстно, Stroobant ²⁾.

Для изслѣдованія вопроса онъ воспроизводилъ въ темномъ залѣ двѣ свѣтящіяся искры на потолокъ и на уровнѣ глаза, а также наблюдалъ взаимныя разстоянія звѣздъ на различныхъ высотахъ. Изъ его изслѣдованій, какъ онъ указываетъ, вытекаетъ, что расположенный въ зенитѣ предметъ, принимаемый на горизонтѣ за единицу, кажется намъ равнымъ 0,8 своей прежней величины. Таковы результаты для свѣтящихся искръ при экспериментахъ и для звѣздъ во время ихъ наблюденія. Но для предметовъ, измѣняющихъ свою яркость, эта величина—0,8 сама уменьшается въ 0,7 раза, почему окончательная величина этихъ предметовъ у зенита равна 0,56 кажущейся величины у горизонта ³⁾.

Для нахождения причины этого второго уменьшенія при измѣненіи интенсивности свѣта Stroobant производилъ слѣдующій опытъ: онъ ставилъ передъ наблюдателемъ свѣтлый дискъ и затѣмъ въ сторонѣ пряталъ за экранъ свѣчу. Когда экранъ убирался, то

¹⁾ Цит. по Reimann'у (Die scheinbare Vergrößerung der Sonne und des Mondes am Horizont. Zeitschrift f. Psych. und Phys. der Sinnesorgane. 1902.)

²⁾ Stroobant. Sur l'agrandissement apparent des Constellations... a l'horizon. Bulletins de l'Acad. R. de Belgique, 1884.

³⁾ Stroobant. Op. cit. S. 731.

дискъ казался наблюдателю нѣсколько суженнымъ, что Stroobant и объяснялъ вліяніемъ уменьшенія діаметра зрачка.

Почему суженіе зрачка можетъ дать намъ уменьшеніе видимого предмета, Stroobant не указываетъ; онъ вспоминаетъ только, что иногда, при патологическихъ состояніяхъ воспріятія, въ случаяхъ отравленія физостигминомъ или атропиномъ наблюдаются въ первомъ случаѣ сокращеніе, а во второмъ—расширеніе зрачка, при чемъ при расширеніи зрачка наблюдается уменьшеніе, а при суженіи—увеличеніе изображенія.

Правда, сильное отравленіе многими веществами, какъ напри- мѣръ, опиумъ, алкоголемъ, хлороформомъ, а также и эпилепти- ческіе припадки могутъ сопровождаться иногда очень сильнымъ суженіемъ зрачка; наоборотъ, гашишъ и нѣкоторые алкалоиды приводятъ къ сильному расширенію его; но происходяшія при всѣхъ этихъ отравленіяхъ измѣненія видимыхъ размѣровъ пред- метовъ вовсе не могутъ служить аргументомъ для данной иллюзіи, происходящей при нормальныхъ условіяхъ; при отравле- ніяхъ можетъ происходить извращенный процессъ воспріятія, основанный, какъ указываетъ напр. Kraepelin, на физиологиче- скомъ или болѣзненномъ состояніи возбужденія въ области при- водящихъ путей соотвѣтственнаго чувства, въ данномъ случаѣ зрѣнія¹⁾. Поэтому уменьшеніе видимыхъ размѣровъ предметовъ вовсе не является въ патологическихъ случаяхъ результатомъ расширенія зрачка. Эти явленія координированы, но не субор- динированы въ отношеніяхъ другъ къ другу.

Что же касается нормального воспріятія, то извѣстно, что от- верстіе зрачка обыкновенно не вліяетъ на величину изображенія на сѣтчаткѣ, а только измѣняетъ яркость и ясность его. Если же фактъ уменьшенія видимой величины предмета при сокраще- нии зрачка подтвердится какими-либо будущими опытами, то придется допустить, что иллюзія здѣсь имѣетъ только исходную точку въ физиологическихъ условіяхъ, а въ остальномъ основа- на на чисто психологическихъ данныхъ.

А именно. Намъ извѣстно, что расширеніе зрачка происходитъ какъ при уменьшеніи интенсивности свѣтового источника, такъ и при удаленіи наблюдаемаго предмета. Точно также при уси-

¹⁾ *Kraepelin*. Psychiatrie, русск. пер. 1898 г. Т. I, стр. 90. Объ иллюзіяхъ, стр. 92, 96.

леніи свѣта и при приближеніи предмета наблюденія зрачокъ суживается. Такимъ образомъ оба представленія—о разстояніи и объ интенсивности свѣта—ассимилированы; а потому, если при усиленіи свѣтового источника разстояніе кажется меньшимъ, то при постоянной угловой величинѣ источника послѣдній долженъ казаться меньше по абсолютной своей величинѣ.

Такое толкованіе сводитъ теорію суженія зрачка къ одному изъ видовъ психологическихъ теорій, а именно къ «теоріи воздушной перспективы», о которой мы будемъ говорить дальше. Въ этой послѣдней теоріи предполагается, что иллюзія основана на сужденіи о разстояніи по интенсивности излученія свѣтового источника; для нашего воспріятія одинъ и тотъ же источникъ свѣта кажется тѣмъ дальше, чѣмъ онъ слабѣе; а такъ какъ онъ кажется дальше, то при той же угловой величинѣ абсолютно онъ кажется и больше. Такимъ образомъ, измѣненіе отверстія зрачка можетъ только сопутствовать иллюзіи, но никакъ не производитъ ее; не потому предметъ кажется меньше, что зрачокъ суживается, а потому, что при измѣненіи силы свѣта мы переоцѣниваемъ разстояніе, а вмѣстѣ съ нимъ и истинные размѣры свѣтового источника. Такой выводъ лишаетъ гипотезу суженія зрачка самостоятельности и сводитъ ее на теорію воздушной перспективы.

Переходимъ теперь къ слѣдующему виду фізіологическихъ гипотезъ, къ такъ называемой «теоріи направленія взора» (*Blickrichtungstheorie*). Первымъ, кто вполнѣ добросовѣстно старался экспериментальнымъ путемъ обосновать эту теорію, былъ Zoth ¹⁾. Правда, въ томъ же году, даже на нѣсколько мѣсяцевъ раньше, Zehender предложилъ гипотезу образованія представленія о формѣ небснаго свода, а также иллюзіи увеличенія свѣтилъ согласно тому положенію, что уголь на горизонтѣ кажется меньше, чѣмъ въ зенитѣ ²⁾. Но Zoth подробнѣе Zehender'a разработалъ вопросъ и кромѣ того далъ экспериментальныя подтвержденія

¹⁾ Нужно замѣтить, что «теорія направленія взора» была высказана въ нѣсколько неопредѣленномъ видѣ уже Gauss'омъ, который, наблюдая луну при различныхъ положеніяхъ головы, высказался за вліяніе на оцѣнку размѣровъ свѣтила направленія взора. См. переписку между Gauss'омъ и Bessel'емъ изд. 1880., S. 498. (Цитир. по Pernter'y: *Meteorologische Optik*, 1902. S. 42).

²⁾ Zehender. Die Form des Himmelsgewölbes und das Grösserer-scheinen der Gestirne am Horizont. *Zeitschr. f. Psychol. und Phys. d. Sin.* o., 1899. S. 355.

своей теоріи, почему мы на немъ главнымъ образомъ и остановимся.

Упомянувъ о Zehender'ѣ, мы, однако, замѣтимъ здѣсь, что мнѣніе послѣдняго обратно мнѣнію Zoth'a. Въ то время, какъ Zoth устанавливаетъ положеніе, по которому «размѣры, для сужденія о разстояніи и величины которыхъ у насъ нѣтъ точки отправленія, при направленномъ вверхъ взорѣ кажутся меньше, чѣмъ при прямомъ (*gerade Blickrichtung*)» ¹⁾, въ то время Zehender полагаетъ, что «острый уголъ, который образуется при горизонтальномъ направленіи, обыкновенно кажется меньшимъ, чѣмъ острый уголъ, направленный вертикально» ²⁾.

Исходя изъ этого положенія, Zehender пытается объяснить иллюзію увеличенія слѣдующимъ образомъ: «Луна при горизонтальномъ направленіи взора видна подъ угломъ зрѣнія i^0 —Е вмѣсто i^0 , слѣдовательно, около Е угла зрѣнія больше; высоко на небѣ она видна подъ угломъ $i^0 + E$, слѣдовательно, на уголѣ Е меньше» ³⁾.

Не говоря уже о томъ, что луна никогда не имѣла i^0 въ діаметрѣ, каковой ей приписываетъ по странному недоразумѣнію Zehender, едва ли можно объяснить, какъ уголъ, кажущійся меньше, можетъ въ то же самое время казаться больше? Очевидно, Zehender считаетъ, что видимый поперечникъ луны и ея уголъ зрѣнія не одно и то же? Вѣдь если всякій уголъ на горизонтѣ кажется меньше, чѣмъ въ зенитѣ, то и видимый поперечникъ луны, представляющій также нѣкоторую угловую величину, долженъ казаться на горизонтѣ меньше, а въ зенитѣ больше. Между тѣмъ Zehender совершенно неосновательно отдѣляетъ представленіе объ углѣ, какъ о «пустой формѣ», отъ представленія о помѣщающемся въ этомъ углѣ поперечникѣ свѣтила, впадая въ результатѣ въ противорѣчіе со своимъ основнымъ положеніемъ.

Не останавливаясь болѣе подробно на мнѣніи Zehender'a, переходимъ къ теоріи Zoth'a, основное положеніе котораго мы уже привели. Для подтвержденія того взгляда, что размѣры, о величинѣ и разстояніи которыхъ мы ничего не знаемъ, кажутся

¹⁾ O. Zoth. Ueber den Einfluss der Blickrichtung auf die Scheinbare Grösse der Gestirne... Archiv für die ges. Pshyc. 1899, S. 376.

²⁾ Zehender. Op. cit.; S. 355.

³⁾ Zehender. Op. cit. S. 356.

меньше при направленномъ вверхъ зорѣ, Zoth производилъ слѣдующіе опыты. Онъ бралъ слабо освѣщенный дискъ, напоминавшій луну, и прикрѣплялъ его на такомъ разстояніи отъ наблюдателя, что уголъ зрѣнія, подъ которымъ онъ былъ виденъ, равнялся приблизительно 30 дуговымъ минутамъ. Условія опыта были таковы, что наблюдатель не могъ имѣть точки отправления для опредѣленія разстоянія и величины этого диска; кромѣ того, сзади диска помѣщался темный фонъ, при которомъ не было видно небеснаго свода; во время наблюденія изображеніе диска проектировалось на неопредѣленное разстояніе. И оказывалось, что при такой постановкѣ опытовъ дискъ казался большимъ у горизонта и меньшимъ у зенита, т.-е. такъ же, какъ и свѣтила на небесномъ сводѣ ¹⁾.

Кромѣ направленія взора значительную роль въ измѣненіи кажущихся величинъ играетъ, по мнѣнію Zoth'a, также и продолжительность фиксированія взгляда въ опредѣленномъ направленіи. Такъ, какъ говоритъ Zoth, «чѣмъ дольше смотрѣть на видимую луну при прямомъ направленіи взора, тѣмъ больше кажется она; наоборотъ, чѣмъ дольше разсматривать при приподнятомъ направленіи взора луну, тѣмъ меньше кажется послѣдняя» ²⁾.

Свое основное положеніе Zoth старается распространить и на случай послѣдующихъ изображеній, о которыхъ мы уже говорили при упоминаніи объ опытахъ Plateau и которыми въ Германіи пользовался въ данной области Hering. Hering, а по его примѣру и Filehne, прибѣгалъ къ методу послѣдующихъ изображеній слѣдующимъ образомъ: сначала глазъ устанавливался на заходящее солнце, а затѣмъ образовавшееся послѣ этого послѣдующее изображеніе проектировалось на различныя мѣста небеснаго свода; и, какъ получали и Hering и Filehne, въ зенитѣ послѣдующее изображеніе казалось меньше, а у горизонта больше ³⁾.

Zoth возобновилъ эти опыты и пришелъ къ заключенію, что случай послѣдующихъ изображеній можно объяснить тѣмъ же, чѣмъ и случаи восходящей и кульминирующей луны. Отдален-

¹⁾ Zoth. Op. cit. S. 366—7.

²⁾ Ibid. S. 368.

³⁾ См. *W. Filehne*. Die Form des Himmelsgewölbes. Archiv . d. g. Physiologie. 1895, S. 293.

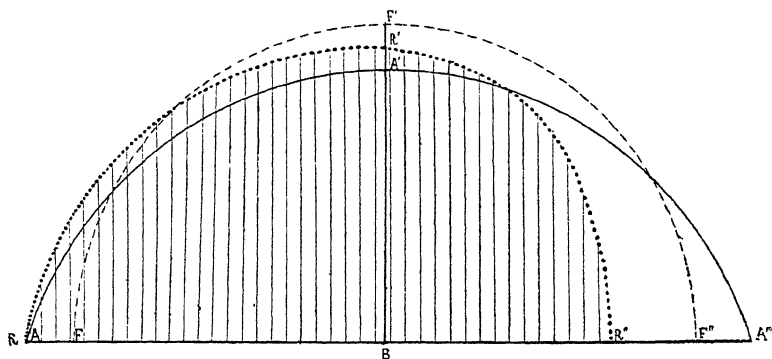
ность фона, на который проектируется послѣдующее изображеніе, по мнѣнію Zoth'a, не имѣетъ значенія; какъ и вообще, здѣсь все явленіе зависитъ отъ того, смотримъ ли мы «прямымъ» или «приподнятымъ» зрѣніемъ.

Кромѣ метода послѣдующихъ изображеній Zoth прибѣгалъ и къ методу зеркалъ для перенесенія изображенія свѣтила изъ высокаго положенія въ горизонтальное и обратно. Этотъ методъ, къ которому обращался Helmholtz съ противоположными Zoth'у цѣлями и о которомъ мы будемъ говорить впослѣдствіи, далъ, какъ настаиваетъ Zoth, подтвержденіе его теоріи направленія взора. Zoth видитъ причину обратныхъ результатовъ Helmholtz'a въ томъ, что при отраженіи дисковъ на зеркало, глазъ принималъ во вниманіе и глубину отраженія въ тѣхъ случаяхъ, когда зеркало находилось близко отъ наблюдателя; если же помѣстить зеркало на далекомъ разстояніи отъ глаза и притомъ замаскировать его для того, чтобы изображеніе появилось неожиданно, то успѣхъ получается полный; луна при такихъ условіяхъ казалась Zoth'у—«колоссальной» ¹⁾.

Точно такъ же, какъ и иллюзію увеличенія свѣтилъ, Zoth объясняетъ и кажущуюся приплюснутую форму небснаго свода, исходя изъ своего основного положенія, что «размѣры, для опредѣленія разстоянія и величины которыхъ нѣтъ никакой точки отправленія, при поднятіи взора кажутся меньше, чѣмъ при прямомъ направленіи взора». Для экспериментальнаго обоснованія своего взгляда въ рѣшеніи этого вопроса, онъ прибѣгалъ къ слѣдующимъ опытамъ: онъ разсматривалъ небесный сводъ въ трехъ различныхъ положеніяхъ тѣла—стоя, лежа на спинѣ и опрокинувъ голову внизъ, глядя въ послѣднемъ случаѣ на небесный сводъ между ногами. (Къ этому послѣднему методу прибѣгалъ, главнымъ образомъ, Filehne, почему Zoth такое положеніе при направленіи взора называетъ «Filehne'вскимъ положеніемъ»). Для характеристики результатовъ этихъ всѣхъ опытовъ Zoth даетъ чертежъ, который мы здѣсь воспроизводимъ (черт. I ст. 88). Во всѣхъ трехъ случаяхъ, какъ видно изъ чертежа, образовывалось три различныхъ представленія о сводѣ; стоя Zoth получалъ форму свода приплюснутой въ зенитѣ, въ разрѣзѣ въ видѣ кривой AA'A"; лежа, съ головой обращенной въ

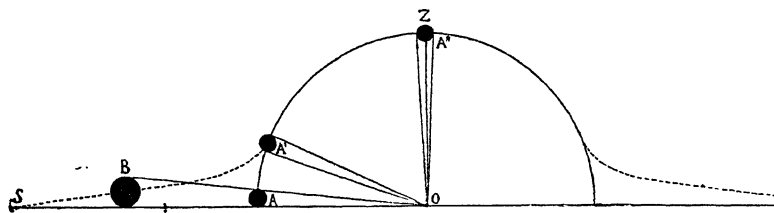
¹⁾ Zoth. Op. cit. S. 375.

сторону A'' , онъ представлялъ себѣ сводъ приплюснутымъ уже въ точкѣ R'' и особенно удаленнымъ со стороны ногъ въ точкѣ

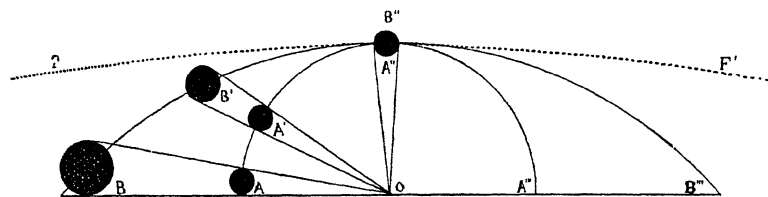
чертежъ I

R , при чемъ разрѣзъ свода принималъ видъ кривой $RR'R''$. Наконецъ, въ «Filehne'вскомъ» положеніи весь сводъ какъ бы су-

чертежъ II

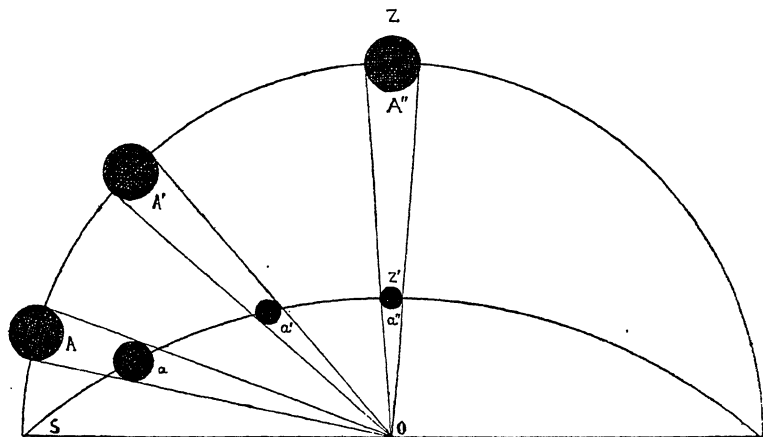
живался и казался вездѣ одинаково удаленнымъ, именно, въ сѣченіи въ видѣ сжатой полуокружности $FF'F''$.

чертежъ III

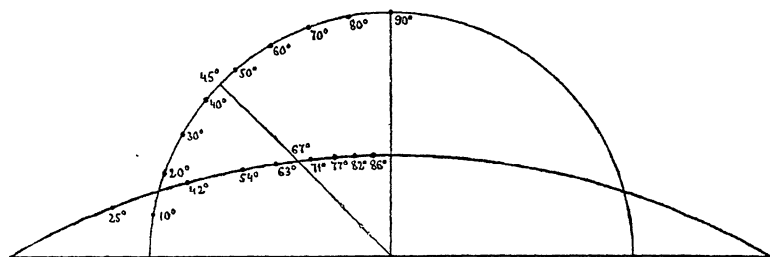
Отыскивая общую причину всѣхъ полученныхъ имъ результатовъ, Zoth считаетъ, что увеличеніе размѣровъ при прямомъ

зрѣніи обявано слѣдующему факту физиологіи зрѣніа, на которъ указывали Helmholtz и Hering, а именно,—что опусканіе плоскости зрительныхъ осей способствуетъ увеличенію угла кон-

чертежъ IV

вергенціи линій зрѣніа, а поднятіе этой плоскости, наоборотъ, способствуетъ уменьшенію этого угла. Въ силу даннаго обстоятельства при поднятіи взора вверхъ обѣ линіи зрѣніа своими фиксаціонными точками описываютъ не параллельныя линіи на

чертежъ V

небесномъ сводѣ, но линіи расходящіяся; при опусканіи же взора эти линіи, наоборотъ, сходятся.

Въ этомъ и заключается, по Zoth'у, объясненіе иллюзіи. Когда мы смотримъ на луну прямъмъ зрѣніемъ, то намъ не приходится

прибѣгать къ иннервационному импульсу конвергенціи; но при разсматриваніи луны наверху, гдѣ зрительныя оси расходятся, намъ необходимо для того же поперечника луны уже прибѣгать къ конвергенциальному импульсу, чтобы установить зрительныя оси болѣе сходящимися. Это-то усиліе и приводитъ насъ къ убѣжденію, что луна наверху имѣетъ меньшій поперечникъ, чѣмъ у горизонта при прямомъ видѣніи ¹⁾.

Такова теорія Zoth'a. Разбирая ея основное положеніе относительно расхожденія зрительныхъ осей, мы, конечно, можемъ согласиться, что различіе конвергенциальныхъ импульсовъ можетъ дать иллюзорную переоцѣнку видимыхъ размѣровъ предмета. Какъ указываетъ Wundt ²⁾, уже I. Müller наблюдалъ это явленіе, замѣтивъ, что непринужденное опусканіе взора увеличиваетъ конвергенцію зрительныхъ линій, а подниманіе, наоборотъ, уменьшаетъ. На этомъ свойствѣ глаза, какъ извѣстно, основаны и иллюзіи наклоненія вертикальныхъ линій въ сторону при монокулярномъ зрѣніи, которыя были специально изслѣдованы Volkmann'омъ и Donders'омъ.

Какъ легко видѣть, уже самое расположеніе мускуловъ антагонистовъ, завѣдующихъ движеніями глаза, указываетъ на то, что дѣйствіе этихъ мускуловъ приспособлено именно къ тому, чтобы усиливать конвергенцію при опусканіи взора для разсматриванія близкихъ предметовъ и уменьшать ее при поднятіи взора для смотрѣнія на далеко находящіеся предметы. Такъ, если принять въ соображеніе данныя Hering'a относительно отдѣльныхъ движеній глаза подѣ дѣйствіемъ мускуловъ *obliquus superior* и *obliquus inferior* съ одной стороны, и *rectus superior* и *rectus inferior*—съ другой, то въ силу болѣе кривизны пути подѣ влияніемъ обоихъ *musculi obliqui* сравнительно съ кривизной линіи, образующейся дѣйствіемъ *musculi recti sup.* и *inf.*—въ силу различія этихъ кривизнъ, линіи зрѣнія при подниманіи глазъ дѣйствительно будутъ расходиться,—для лѣваго глаза налѣво, для праваго—направо ³⁾.

Но при признаніи факта измѣненія угла конвергенціи при из-

¹⁾ Op. cit. S. 393,—4. Сопутствующіе конвергенціи аккомодационные иннервационные импульсы Zoth считаетъ для данной иллюзіи едва ли имѣющими существенное значеніе.

²⁾ *W. Wundt. Grundzüge d. Phys. Psychologie. 1902 B. II. S. 562.*

³⁾ Срав. *Wundt. Op. cit. S. 562*, а также S. 523 и 526.

мѣненіи направленія звора, теорія Zoth'a легко разбивается, принявъ въ основаніе только этотъ единственный факторъ. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что усиленія импульса конвергенціи достаточно для того, чтобы считать свѣтило наверху маленькимъ. Но усиленіе это можетъ происходить при наличности двухъ предметовъ наблюденія: свѣтила на горизонтѣ и свѣтила, высоко находящагося на небѣ одновременно, что мы и имѣемъ въ случаяхъ наблюденій съ зеркалами. Тогда мы можемъ непосредственно переходить отъ одного объекта наблюденія къ другому и сравнивать различіе конвергенціальныхъ импульсовъ. Но какъ объяснить иллюзію для тѣхъ случаевъ, когда наблюдатель не производитъ одновременнаго наблюденія луны на горизонтѣ и меридіанѣ при помощи искусственныхъ приемовъ, но видитъ луну или только на горизонтѣ, или только на меридіанѣ черезъ большіе промежутки времени? Вѣдь иллюзія эта, какъ мы покажемъ впоследствии, носить характеръ общеобязательный; слѣдовательно, она должна быть объяснена и для случая обычнаго, происходящаго при естественныхъ условіяхъ воспріятія.

Въ этомъ пунктѣ теорія Zoth'a испытываетъ сильныя затрудненія. Да и дѣйствительно: съ какого горизонтальнаго угла нужно исходить глазу во время кульминаціи луны, чтобы получить конвергенціальный импульсъ при приподнятѣмъ направленіи звора? Тутъ нѣтъ исходнаго угла. Конструировать же его по памяти для нахождения различія въ импульсахъ едва ли для кого-либо изъ среднихъ людей возможно хотя бы въ грубомъ приближеніи.

Можно указать еще болѣе серьезный аргументъ противъ теоріи Zoth'a. Согласно Zoth'у при расхожденіи зрительныхъ осей во время направленія звора на высоко находящееся свѣтило, усиливающаяся при разсмотрѣніи свѣтила конвергенція происходитъ все время въ плоскости, пересѣкающей съ небеснымъ сводомъ по параллельнымъ горизонту линіямъ; иначе говоря, плоскость зрительныхъ осей при подниманіи звора вращается около горизонтальной экваторіальной оси глаза; поэтому при подниманіи звора конвергенціальный импульсъ будетъ производить иллюзію сжатія свѣтила только по горизонтальному поперечнику, но никакъ не по всѣмъ направленіямъ одновременно ¹⁾. Что же тогда

¹⁾ Подобное явленіе мы дѣйствительно наблюдаемъ въ случаяхъ галосовъ, вѣнцовъ и т. д., которые намъ кажутся не круглыми, а яйцеобразными,

будетъ съ вертикальнымъ поперечникомъ диска? Zoth этотъ вопросъ обходитъ; принимая за факторъ иллюзіи конвергенцію, онъ упускаетъ изъ виду ея одностороннее линейное дѣйствіе и считаетъ, что дискъ свѣтила долженъ казаться уменьшеннымъ не только по азимуту, но и по высотѣ.

Чтобы выйти изъ этого затрудненія, Zoth можетъ, пожалуй, дополнить свою гипотезу введеніемъ фактора психологическаго, а именно, указаніемъ на то, что, уменьшая дискъ луны въ горизонтальномъ направленіи, мы для сохраненія ея дѣйствительнаго вида должны распространить иллюзію и въ вертикальномъ направленіи. Однако, это предположеніе приводитъ къ теоріи, которая сложнѣе и невѣроятнѣе какой-угодно изъ чисто психологическихъ теорій.

Не можетъ Zoth оправдать своего взгляда и тѣмъ соображеніемъ, что для сжатія диска свѣтила по всѣмъ направленіямъ достаточно различныхъ наклоненій головы въ стороны, при которыхъ происходитъ вращеніе плоскости зрительныхъ осей въ перпендикулярномъ прежнему направленіи. Не только въ случаѣхъ обычнаго воспріятія, при которыхъ наблюдается иллюзія, но даже при опытахъ самого Zoth'a не было принято въ соображеніе наклоненіе головы въ сторону, и самъ Zoth при устройствѣ своихъ опытовъ дѣлалъ выводы при одинаковомъ неподвижномъ положеніи головы ¹⁾.

Wundt, при разсмотрѣннй иллюзіи увеличенія, хотя и принимаетъ нѣкоторыя теоріи психологическаго характера, однако сообразно со своимъ общимъ взглядомъ на физиологическое происхожденіе геометрическо - оптическихъ обмановъ, старается вкратцѣ намѣтить для иллюзіи увеличенія и физиологическое основаніе. Такъ онъ говоритъ ²⁾: «...Относительно постоянное вліяніе на иллюзію увеличенія производитъ движеніе взора. Дозказательствомъ этому служить тотъ фактъ, что, если посмотрѣть на свѣтила, сильно склонивъ голову на бокъ, или наклонивъ голову и смотря между ногами, то явленіе значительно уменьшается и даже совсѣмъ исчезаетъ». Далѣе, Wundt, согласно съ Zoth'омъ,

большей осью направленными снизу вверхъ. Здѣсь мы дѣйствительно имѣемъ иллюзію, созданную въ большомъ масштабѣ вліяніемъ направленія взора. См. объ этомъ у *Pernier'a* *Meteorologische Optik*, S. 31 и ff.

¹⁾ Срав., напр., *Zoth*. Op. cit. S. 366 и 376.

²⁾ *Wundt*. Grundzüge d. Ph. Psych. B. II. S. 649.

считаетъ, что отраженное горизонтально свѣтило кажется больше и наоборотъ. Но по Wundt'у здѣсь двѣ причины. Одна изъ нихъ прямая, непосредственно зависящая отъ того, что движение взора наверхъ требуетъ бѣльшей затраты энергій, чѣмъ боковое движение глаза; а съ этимъ связана и вытекающая отсюда переоцѣнка разстояній и протяженій вертикальныхъ и горизонтальныхъ. Но къ этому мотиву присоединяется по Wundt'у еще другой, ассоціативный мотивъ, а именно, — представленіе о поверхности земли, какъ бы поднимающейся къ горизонту во всѣ стороны, благодаря возвышенному положенію глаза наблюдателя надъ горизонтальной плоскостью. Здѣсь получается иллюзія глубины и рельефа въ родѣ той, которая имѣетъ мѣсто въ случаѣ «лѣстницы» Schröder'a и которая даетъ различіе глубины въ зависимости отъ различнаго движенія взора по контурамъ фигуры ¹⁾.

Въ приведенной попыткѣ намѣтить путь для физиологическаго толкованія иллюзіи Wundt, какъ легко замѣтить, самъ не желаетъ подробнѣе разбираться, такъ какъ предвидитъ всѣ mogućія возникнуть при подобномъ толкованіи затрудненія. И дѣйствительно, какимъ образомъ затрата бѣльшей энергій при поднятій взора сравнительно съ движеніемъ вбокъ можетъ объяснить иллюзію? Такъ же какъ и въ случаѣ теоріи Zoth'a, мы получимъ здѣсь результатъ односторонній; вѣдь горизонтальный поперечникъ свѣтила измѣряется боковымъ движеніемъ глазъ при вертикальномъ положеніи головы и потому онъ долженъ казаться меньше; вертикальный же поперечникъ въ силу бѣльшей затраты иннервационной энергій будетъ казаться удлинненнымъ. Между тѣмъ извѣстно, что иллюзія выражается вовсе не въ этомъ, да и не въ такихъ ничтожныхъ размѣрахъ, какъ переоцѣнка вертикальныхъ протяженій. Что же касается второго приводимаго Wundt'омъ мотива, то его скорѣе можно отнести къ «теоріи сравненія», о которой мы будемъ говорить дальше и въ которой перспективныя условія считаются однимъ изъ факторовъ кажущагося увеличенія свѣтилъ.

Въ заключеніе изложенія теоріи направленія взора скажемъ еще нѣсколько словъ о теоріи W. Filehne. Filehne не придаетъ самостоятельнаго значенія иллюзіи увеличенія, но считаетъ ее

¹⁾ Wundt. Ibid. S. 646.

вытекающей изъ формы небеснаго свода. Сводъ же небесный, по его мнѣнію, конструируется благодаря нашей привычкѣ двигаться въ горизонтальномъ направленіи; «этотъ неизбѣжный предразсудокъ относительно формы небеснаго свода,—говоритъ Filehne,—создается въ насъ потому, что, съ одной стороны, мы привыкли перемѣщаться въ горизонтальной плоскости и смотрѣть также въ горизонтальномъ направленіи, видя подъ ногами «почву»; съ другой же стороны, мы привыкли видѣть надъ собою небо и знать, что оно находится надъ нашими головами» ¹⁾.

По мнѣнію Filehne, подобные факторы создаютъ въ насъ представленіе о «плоскомъ» небѣ, которое, такимъ образомъ, не есть предметъ непосредственнаго воспріятія, но представленіе производное отъ различныхъ послѣдовательныхъ воспріятій ²⁾.

Для того, чтобы показать основное значеніе привычнаго направленія взора на созданіе представленія о формѣ свода, а также и на образованіе иллюзіи увеличенія свѣтилъ, Filehne и прибѣгалъ къ своему опыту съ опрокидываніемъ головы впередъ, о чемъ мы упоминали уже раньше. Послѣ ряда опытовъ подобнаго рода Filehne пришелъ къ заключенію, что при опрокинутомъ положеніи головы, когда изображеніе разсматриваемаго ландшафта получаетъ обратный видъ, происходитъ исчезновеніе «перспективно-углубляющагося въ даль горизонтальнаго зрѣніа» ³⁾. И потому, какъ перспективное отдаленіе горизонта, такъ и форма небеснаго свода вмѣстѣ съ иллюзіей увеличенія свѣтилъ суть только результаты нашего привычнаго направленія взора.

Таковы въ общемъ выводы Filehne. Какъ легко видѣть, они не даютъ намъ опредѣленнаго отвѣта на интересующій насъ вопросъ. Констатируя вліяніе привычнаго направленія взора на представленія о формѣ свода, Filehne самъ говоритъ, что «какъ происходитъ и образуется предразсудокъ относительно формы свода—это для сути дѣла—не важно» ⁴⁾. Между тѣмъ, едва ли при подобномъ отношеніи къ происхожденію иллюзіи возможно дать какое-либо точно и ясно оформленное толкованіе явленія.

Въ самомъ дѣлѣ, констатированіе факта, что при непривычномъ направленіи взора иллюзіа исчезаетъ, указываетъ лишь на

¹⁾ *W. Filehne. Die Form des Himmelsgewölbes* (Op. cit.) S. 295.

²⁾ *Ibid.* S. 293.

³⁾ *Ibid.* S. 301.

⁴⁾ *Ibid.* S. 295.

то, что иллюзія можетъ происходить только при нормальномъ и обычномъ направленіи взора. Но въ такомъ случаѣ иллюзію можно объяснять самымъ различнымъ образомъ; можно предположить, что она создается факторами, принимаемыми «теоріей сравненія», о которой мы будемъ говорить дальше; можно также считать, что иллюзія образуется благодаря представленію о приплюснутости небеснаго свода; можно, наконецъ, принимать во вниманіе и вліяніе воздушной перспективы. Словомъ, ставя разрѣшеніе задачи въ широкія психо-біологическія рамки, Filehne тѣмъ самымъ лишилъ свое изслѣдованіе ясности и опредѣленности. Въ одномъ только мѣстѣ онъ ясно указываетъ на физиологическое основаніе въ созданіи иллюзіи, когда утверждаетъ, что «на небѣ всѣ углы кажутся тѣмъ меньше, чѣмъ они ближе къ зениту, и тѣмъ больше, чѣмъ ближе къ горизонту» ¹⁾; но это утвержденіе, взятое также въ основаніе разсужденій Zoth'a, какъ мы уже видѣли, не можетъ объяснить иллюзіи увеличенія.

Въ послѣдніе годы опредѣленіемъ вліянія направленія взора на видимые размѣры свѣтилъ, а также и вообще на кажущіеся размѣры предметовъ, находящихся на различныхъ высотахъ надъ горизонтомъ, занимались Reimann и Guttman. И тотъ и другой оперировали надъ однимъ и тѣмъ же вопросомъ и при помощи почти однихъ и тѣхъ же методовъ. И между тѣмъ оба получили изъ опытовъ заключенія, прямо противоположныя другъ другу. Желая сначала независимо отъ какой бы то ни было теоріи опредѣлить величину иллюзіи увеличенія, Reimann сравнивалъ кажущіеся размѣры солнечнаго диска съ картоннымъ кружкомъ, который могъ быть приближаемъ или отдаляемъ до тѣхъ поръ, пока казался равнымъ видимому диску свѣтила.

Послѣ совмѣстныхъ опытовъ съ dr. Krömer'омъ, Reimann получилъ слѣдующіе результаты: при горизонтальномъ положеніи солнца картонный дискъ въ 17 ст. діаметромъ приходилось удалять на разстояніе 11,47 м.; при кульминаціи же въ 55° высоты это разстояніе увеличивалось до 38,11 м. Итакъ, по Reimann'у, солнце у горизонта среднимъ числомъ кажется въ 3,32 раза больше, чѣмъ при кульминаціи въ 55° высоты надъ горизонтомъ ²⁾.

¹⁾ Ibid. S. 279.

²⁾ E. Reimann. Die scheinbare Vergrößerung der Sonne und des Mondes am Horizont. (Op. cit.) S. 163.

Эта величина—3,32 и опредѣляетъ, такимъ образомъ, численно иллюзію увеличенія.

Интересно отмѣтить здѣсь слѣдующее обстоятельство. Если считать выводы Reimann'a достаточно точными, то можно придти къ заключенію, что иллюзія относится не только къ восходящему свѣтилѹ, но и къ высоко находящемуся на небѣ. Иначе говоря, ни при восходѣ, ни при кульминаціи въ 55° надъ горизонтомъ луна не кажется такою, какою она должна была бы казаться при отсутствіи иллюзіи. Въ самомъ дѣлѣ, если при восходѣ солнце кажется равнымъ диску въ 17 см. діаметромъ на разстояніи 11,47 м., то угловая величина сравниваемаго диска больше угловой величины солнца, а именно—равна $51'$. При кульминаціи же солнце кажется равнымъ тому же диску на разстояніи 38,11 м., т.-е. диску, видимому подъ угломъ зрѣнія въ $15'$. Между тѣмъ, какъ извѣстно, дѣйствительная угловая величина солнечнаго диска равна въ среднемъ $32'$.

Поэтому необходимо заключить, что иллюзія имѣетъ двѣ фазы: при восходѣ солнце кажется больше, при высокомъ положеніи—меньше той угловой величины, которую оно на самомъ дѣлѣ имѣетъ. Это обстоятельство, какъ мы покажемъ, имѣетъ очень важное значеніе для окончательнаго выясненія причины иллюзіи; можно только сожалѣть, что Reimann, поставившій вопросъ на почву количественнаго опредѣленія иллюзіи, не дополнилъ своихъ опытовъ промежуточными наблюденіями, не прослѣдилъ за всѣмъ ходомъ иллюзіи отъ горизонта до меридіана и не нашелъ опытнымъ путемъ той точки на сводѣ, въ которой иллюзія мѣняется свой знакъ и переходитъ изъ положительнаго своего значенія въ отрицательное ¹⁾.

Для того, чтобы опредѣлить вліяніе направленія взора на иллюзію, Reimann прибѣгнулъ къ опытамъ, которые почти въ томъ же видѣ были произведены Stroobant'омъ; онъ установилъ цѣлый рядъ дисковъ на черномъ фонѣ на различной высотѣ для глаза наблюдателя. Результатомъ этихъ опытовъ явился слѣдующій

¹⁾ Правда, въ своей другой статьѣ (Weitere Beiträge zur Bestimmung der Gestalt des Himmelsgewölbes 1891, Progr. des kgl. Gymnasium zu Hirschberg) Reimann даетъ числовыя значенія и для промежуточныхъ величинъ иллюзіи, но эти числа выведены не изъ опыта, а получены на основаніи формальнаго взгляда на точную геометрическую форму небеснаго свода съ опредѣленной приплюснутостью. Срав. также Pernter Meteor. Optik (Op. cit.) S. 18 и ff.

выводъ Reimann'a: дискъ въ среднемъ около 20 см. діаметромъ казался въ зенитѣ такимъ же, какъ дискъ на равномъ горизонтальномъ разстояніи, діаметръ котораго былъ на 0,01 часть больше ¹⁾.

Такимъ образомъ дискъ одной и той же величины на горизонтѣ кажется не только не больше, но меньше, чѣмъ въ зенитѣ. А если это такъ, то конечно не въ направленіи взора нужно искать причину иллюзіи, а въ чемъ-либо другомъ. Эту причину Reimann и видитъ въ представленіи о приплюснутости небеснаго свода.

Такъ какъ въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ Reimann примыкаетъ уже къ тѣмъ, кто прибѣгаетъ къ психологическому толкованію иллюзіи, то мы пока ограничимся приведенными выводами и сравнимъ ихъ съ тѣми заключеніями, къ которымъ пришелъ Guttman, провѣряя опыты Reimann'a. Повторяя эти опыты, Guttman получилъ слѣдующіе результаты: изъ двухъ равныхъ дисковъ, находящихся на равныхъ разстояніяхъ отъ глаза наблюдателя, дискъ находящійся въ горизонтальномъ направленіи взора кажется на $3\frac{1}{2}\%$ — $3\frac{2}{3}\%$ больше, чѣмъ при высотѣ въ 40° надъ горизонтомъ ²⁾. Какъ ясно изъ сравненія, выводы Guttman'a прямо противоположны выводамъ Reimann'a, и какъ указываетъ самъ Guttman, тѣ и другіе даже уклоняются въ противоположныя стороны съ равными по абсолютной величинѣ колебаніями ³⁾. Мы не будемъ здѣсь задаваться вопросомъ относительно того, чьи выводы ошибочны. Для насъ достаточно только убѣдиться въ томъ, что направленіе взора если и вліяетъ на видимые размѣры предметовъ, то во всякомъ случаѣ очень мало; правъ ли Reimann, или Guttman—все равно; уже одна трудность и сомнительность выводовъ даже при экспериментальной постановкѣ вопроса указываетъ намъ, что иллюзія этого рода по величинѣ совершенно не того порядка, какъ иллюзія увеличенія дисковъ свѣтилъ.

Итакъ, теорія направленія взора въ ея общемъ видѣ неприемлема въ виду двухъ соображеній: во-первыхъ, потому, что она не можетъ объяснить измѣненія кажущихся величинъ по раз-

¹⁾ Reimann. Die scheinbare Vergrößerung... S. 166.

²⁾ A. Guttman. Blickrichtung und Grössenschätzung. Zeitschrift f. Psych. und Phys. d. Sinnesorgane, 1903. Heft 5, S. 337.

³⁾ Guttman. Ibid., S. 344.

личнымъ направлѣніямъ (напр. по азимуту), во-вторыхъ, потому, что измѣненіе направленія взора производитъ только такую перемѣнку кажущихся величинъ, которая едва можетъ быть замѣчена даже экспериментальнымъ путемъ; а поэтому послѣдній факторъ ни въ коемъ случаѣ не производитъ ясно выраженной иллюзіи для непосредственнаго воспріятія, не обставленнаго никакими искусственными способами измѣренія и сравненія.

Приступая теперь къ разбору гипотезъ психологическаго характера, мы встрѣчаемся съ тремя различными, сильно отличающимися другъ отъ друга возрѣніями. Сохраняя названія всѣхъ этихъ трехъ группъ возрѣній въ томъ видѣ, въ какомъ они даны нѣмецкими авторами, разберемъ послѣдовательно «теорію сравненія» (*Vergleichungstheorie*), «теорію воздушной перспективы» (*Luftperspectivetheorie*) и теорію, основанную на приплюснутости небеснаго свода. Въ теоріи сравненія, которой придерживались Herigone, Cardano, Logan, Malebranche, Biot, отчасти Lechallas, Blondel и Helmholtz,—предполагается, что на горизонтѣ, гдѣ мы имѣемъ множество знакомыхъ предметовъ для сравненія, а также имѣемъ представленіе объ отдаленности предметовъ, тамъ восходящія свѣтила намъ кажутся больше, чѣмъ на значительной высотѣ надъ горизонтомъ, когда мы не можемъ уже опредѣлить разстоянія свѣтилъ, а потому представляемъ себѣ ихъ ближе и меньше.

Теорія воздушной перспективы основана на томъ положеніи, что одинъ и тотъ же предметъ при различной силѣ испускаемаго имъ свѣта кажется отстоящимъ отъ насъ тѣмъ далѣе, чѣмъ меньше напряженіе идущихъ отъ него лучей; а такъ какъ луна сохраняетъ и у горизонта, и во время кульминаціи свой угловой поперечникъ почти безъ измѣненія, то вслѣдствіе своей тусклости на горизонтѣ она здѣсь должна казаться дальше и больше, чѣмъ при прохожденіи черезъ меридіанъ. Къ этой группѣ возрѣній можно отнести Berkeley, Euler'a, отчасти Helmholtz'a, Reimann'a.

Наконецъ, третій видъ психологическаго толкованія основанъ на неразрывности ассоціированныхъ въ насъ представленій о формѣ небеснаго свода и находящихся на немъ дисковъ свѣтилъ, какъ бы составляющихъ, по выраженію Reimann'a, «куски» этого свода. Послѣдній приведенный взглядъ самый распространенный; высказанный въ ясно опредѣленной формѣ уже Alha-

зен'омъ, онъ поддерживался Vitello, К. Васон'омъ, Kepler'омъ, Voltaire'омъ затѣмъ въ послѣднее время Helmholtz'емъ, отчасти Wundt'омъ, Filehne, Zehender'омъ, Reimann'омъ, Pernter'омъ.

Конечно, приведенное нами расчлененіе психологическаго толкованія по факторамъ, принимающимися за основные, имѣетъ скорѣе методологическое, чѣмъ историческое значеніе; другими словами, рѣдко кто изъ ученыхъ, разсматривавшихъ иллюзію увеличенія, принималъ для объясненія явленія только одинъ изъ этихъ трехъ основныхъ факторовъ; такъ, напр., Alhazen объяснялъ явленіе и приплюснутостью свода, и существованіемъ предметовъ сравненія на горизонтѣ; по Helmholtz'у же иллюзія слгается изъ всѣхъ трехъ факторовъ, которые взаимодействуютъ и дополняютъ другъ друга; приблизительно въ этомъ духѣ высказывается и Wundt, придающій формѣ небснаго свода и предметамъ въ плоскости горизонта большую роль въ образованіи иллюзіи, не говоря уже о факторахъ физиологическаго характера. Однако, въ виду многихъ преимуществъ нашего расчлененія, мы удержимъ его для дальнѣйшаго изслѣдованія и потому разберемъ каждую изъ трехъ психологическихъ теорій въ отдѣльности.

На приведенномъ чертежѣ II (ст. 88) согласно теоріи сравненія схематически изображается дѣйствительное и иллюзорное разстояніе отъ наблюдателя диска свѣтила при положеніи послѣдняго у горизонта и у зенита. (Зенитъ вводится для простоты сужденія вмѣсто максимальной высоты свѣтила въ моментъ кульминаціи.). Если бы не было на горизонтѣ предметовъ для сравненія и если бы условія въ этомъ отношеніи для горизонта были бы таковы, какъ и для зенита, то мы, находясь въ точкѣ O , должны были бы видѣть свѣтила на равныхъ разстояніяхъ отъ насъ въ положеніяхъ A и B' ; точно также и въ промежуточныхъ положеніяхъ свѣтило находилось бы отъ насъ на равныхъ разстояніяхъ при отсутствіи предметовъ сравненія и описывало бы такимъ образомъ кругъ по кривой $AB'C$. Но въ силу сравненія свѣтила съ предметами горизонта, свѣтило кажется намъ дальше; мы отодвигаемъ его мысленно изъ A въ положеніе A' ; въ зенитѣ же наоборотъ, за отсутствіемъ предметовъ сравненія мы мысленно приближаемъ свѣтило изъ положенія B' въ B . А такъ какъ угловая величина остается одною и тою же, то естественно, что мы у горизонта приписываемъ¹ свѣтилу большую, а

у зенита—меньшую величину. Что же касается промежуточных положеній между горизонтомъ и зенитомъ, то по теоріи сравненія свѣтило должно быстро убывать при восходѣ, такъ какъ по мѣрѣ поднятія въ горизонтальной зонѣ оно оставляетъ внизу предметы для сравненія и быстро становится одинокой на сводѣ. Поэтому иллюзорная кривая А'В, имѣющая для насъ неизвѣстную форму, должна во всякомъ случаѣ имѣть двѣ точки перегиба на небольшой высотѣ надъ горизонтомъ, какъ бы напоминая собою кривую ошибокъ Gauss'a съ той только разницей, что у самаго горизонта она пересѣкается съ осью на конечномъ разстояніи, а на нѣкоторомъ разстояніи отъ точекъ перегиба наверхъ переходитъ въ окружность, концентрическую съ окружностью АВС.

Herigone въ своемъ *Cursus Mathematici m. V.*, проводя теорію сравненія, даетъ въ подтвержденіе послѣдней слѣдующую формулировку ¹⁾: «quo plura corpora inter oculum et objectum apparent, eo remotius existimatur objectum». Такимъ образомъ по Herigone иллюзія можетъ значительно мѣнять свою величину въ зависимости отъ количества и распредѣленія промежуточныхъ объектовъ. Такого же приблизительно мнѣнія придерживались Cardano, а затѣмъ и Logan, при чемъ послѣдній подобно Herigone считалъ величину иллюзіи измѣняющейся въ зависимости отъ объектовъ, расположенныхъ между свѣтиломъ и глазомъ наблюдателя ²⁾. Теоріи сравненія въ нѣсколько иномъ видѣ придерживался и John Herschel; описывая увеличеніе дисковъ солнца и луны у горизонта, онъ говоритъ: «это—обманъ чувствъ, поводомъ къ которому служатъ промежуточные земные предметы, сравниваемые со свѣтилами. Въ такомъ положеніи мы смотримъ на нихъ и судимъ о нихъ какъ о земныхъ предметахъ,—останавливаемся на подробностяхъ и по привычкѣ обращаемъ вниманіе на части. Когда же эти свѣтила стоятъ высоко, то намъ не на чемъ основывать своихъ соображеній и ихъ одинокое положеніе среди небеснаго пространства побуждаетъ насъ приписать имъ скорѣе меньшую, чѣмъ большую величину» ³⁾. Такимъ образомъ по Herschel'ю иллюзія увеличенія не есть резуль-

¹⁾ Цит. по Reimann'у „Die scheinbare Vergrößerung... (op. cit.).

²⁾ I. Logan. Some Thoughts concerning the Sun and Moon... Philos. Trans. 1735 p. 404. (Цит. по Reimann'у, Op. cit.).

³⁾ I. Herschel. Outlines of Astronomy рус. пер. 1861 г. стр. 36.

татъ неправильной оцѣнки разстояній, а представляетъ результатъ непосредственнаго сравненія величинъ. Подобное отличіе взглядовъ Herschel'я отъ прочихъ взглядовъ сторонниковъ теоріи сравненія, какъ мы увидимъ, имѣетъ за собою значительныя преимущества.

Таковы въ краткихъ чертахъ соображенія, на которыхъ основываются защитники теоріи сравненія. Однако, многіе авторы цѣлымъ рядомъ какъ логическихъ, такъ и опытныхъ данныхъ, указали на крупныя недостатки этой теоріи, не могушей охватить всего явленія при всевозможныхъ измѣненіяхъ условій наблюденія.

Противники теоріи сравненія большей частью для опроверженія послѣдней прибѣгали къ наблюденію свѣтилъ при различныхъ высотахъ сквозь дымчатая или цвѣтныя стекла. Къ подобнымъ опытамъ обращались, правда, не только противники теоріи сравненія, но и защитники ея; но изъ всѣхъ пользовавшихся подобнымъ методомъ, какъ наприм., Malebranche, Houseau, Stroobant, Eginitis, каждый получалъ тѣ результаты, которые были ему наиболѣе желательными. Такъ, Biot, а еще раньше Malebranche ¹⁾ нашли, что иллюзія исчезаетъ, если смотрѣть на находящееся у горизонта свѣтило сквозь настолько закопченное стекло, что кромѣ диска свѣтила нельзя увидѣть ни небснаго фона, ни находящихся въ горизонтальной плоскости предметовъ. Однако Stroobant ²⁾, прибѣгая къ окрашеннымъ стекламъ, получилъ противоположные выводы, а Houseau даже утверждаетъ, что если спрятать промежуточные предметы, то дискъ становится нѣсколько больше, чѣмъ обыкновенно. Eginitis ³⁾ также полагаетъ, что сквозь окрашенныя стекла, даже если промежуточные тѣла и не видны, дискъ свѣтила не измѣняетъ своей величины.

Изъ всѣхъ приведенныхъ примѣровъ легко можно видѣть, что методъ дымчатыхъ стеколъ, во-первыхъ, никѣмъ не былъ примѣненъ достаточно точно, а во-вторыхъ, не можетъ дать рѣшающаго отвѣта на данный вопросъ. Lechallas объясняетъ подобное противорѣчіе результатовъ небрежностью опытовъ, на

¹⁾ *Malebranche*. Recherches de la Vérité. par. I, Ch. 9.

²⁾ *Stroobant*. Sur l'agrandissement... (op. cit.) p. 722.

³⁾ *Eginitis*. Sur l'agrandissement des disques du Soleil... Compt. rend... de l'Acad. d. Sciences 1898, p. 1327.

что указывалъ также и Malebranche, предостерегавшій наблюдателей при опытахъ съ дымчатыми стеклами отъ частичнаго закрыванія горизонта, при которомъ не все поле зрѣнія занято этимъ стекломъ. Такое соображеніе, конечно, нельзя не признать справедливымъ; при частичномъ покрываніи горизонта дымчатымъ стекломъ представленіе о разстояніи горизонта не исчезаетъ; а если принять во вниманіе еще и факторъ затемнѣнія диска стекломъ, при которомъ дискъ можетъ показаться дальше, то легко получить совершенно обратные результаты, какъ это именно и утверждалъ Housseau.

Однако, если опыты съ дымчатыми стеклами и не привели до сихъ поръ къ какому-нибудь неоспоримому выводу, то болѣе серьезнымъ аргументомъ противъ теоріи сравненія нужно признать тотъ фактъ, на который ссылаются Stroobant, Housseau, Eginitis, Filehne и многіе другіе, и который заключается въ томъ, что на горизонтѣ моря или равнины, гдѣ нѣтъ вовсе предметовъ для сравненія, свѣтила кажутся нисколько не меньше, чѣмъ на горизонтѣ изобилующемъ этими предметами. Eginitis, который въ своемъ отчетѣ приводитъ всѣ возможные аргументы противъ теоріи сравненія, говоритъ даже, что «если наблюдать солнце или луну въ тотъ моментъ, когда эти свѣтила восходятъ изъ-за горизонта моря, то они кажутся намъ почти въ два раза больше, чѣмъ на меридіанѣ» ¹⁾. Housseau тѣ же результаты приводитъ относительно равнинной мѣстности; такъ, въ степи Ареналь въ Техасѣ, гдѣ поверхность земли гладка какъ море, онъ былъ пораженъ переоцѣнкой величинъ предметовъ, находившихся на горизонтѣ. На морскомъ же горизонтѣ луна и солнце ему казались не меньше, чѣмъ на горизонтѣ холмистомъ ²⁾.

Всѣ эти возраженія относительно невозможности объяснить при помощи теоріи сравненія увеличеніе дисковъ свѣтилъ на гладкомъ горизонтѣ Lechalas пытается опровергнуть слѣдующимъ соображеніемъ: когда мы находимся въ степи или въ открытомъ морѣ, нашъ глазъ скользитъ по разстилающейся вокругъ поверхности и не встрѣчая нигдѣ препятствій приводитъ насъ къ

¹⁾ *Eginitis*. Op. cit. p. 1326.

²⁾ Прив. по *Lechalas*. L'agrandissement des astres à l'horizon. Revue Philos. 1888 p. 49—50.

представленію бесконечнаго разстоянія¹⁾. Когда же мы смотримъ на небо, то этого фактора нѣтъ, а потому и условія для свѣтилъ при разныхъ высотахъ различны и сравненіе, такимъ образомъ, имѣетъ здѣсь также основное значеніе.

Подобное соображеніе въ пользу теоріи сравненія можно считать недостаточно убѣдительнымъ. Если глазъ «не видитъ препятствій», какъ говорить Lechalas, то едва ли въ силу одного этого онъ можетъ привести къ представленію о бесконечности. Въ такомъ случаѣ и при взглядѣ наверхъ, не встрѣчая по направленію взора никакихъ препятствій, мы можемъ получить представленіе о бесконечности, чего однако не должно быть по теоріи сравненія для существованія иллюзій.

Гораздо яснѣе въ пользу теоріи сравненія аргументируетъ, по нашему мнѣнію, Blondel, который указываетъ на ассоціаціи представленій, образующихся въ насъ при горизонтальномъ положеніи свѣтила. Считая иллюзію увеличенія очень сложной и отчасти примыкая къ теоріи сравненія, Blondel полагаетъ, что въ «горизонтальной зонѣ», гдѣ находится неровная поверхность земли, у насъ съ зрительными представленіями отдаленности ассоціируются еще и мускульно-двигательныя представленія. Когда же свѣтило поднялось достаточно высоко, подобное ассоціированіе уже не происходитъ и въ этомъ положеніи мы считаемъ свѣтило какъ бы внѣ своей области²⁾. Кромѣ того, на горизонтѣ свѣтъ луннаго диска совершенно иной, чѣмъ при высокомъ его положеніи, и внизу луна напоминаетъ намъ искусственный свѣтъ земныхъ предметовъ, что дѣлаетъ ассоціацію зрительныхъ и мускульно-двигательныхъ представленій болѣе прочной. Такимъ образомъ, какъ замѣчаетъ Blondel, «необходимо связать свѣтило съ землею», чтобы иллюзія могла имѣть мѣсто.

Этотъ аргументъ Blondel'я можетъ дать защитникамъ теоріи сравненія возможность объяснить хотя бы отчасти увеличеніе дисковъ на горизонтѣ ровныхъ поверхностей моря или степей. Когда луна восходитъ изъ-за моря, то и при отсутствіи предметовъ сравненія у насъ есть смутное представленіе о громадности разстоянія отъ насъ воднаго горизонта. Здѣсь очень бѣд-

¹⁾ *Lechalas*. Op. cit. p. 50.

²⁾ *M. Blondel*. Une association inséparable. L'agrandissement des astres à l'horizon... *Revue Philos.* 1888, p. 493.

ныя для опредѣленія разстоянія зрительныя представленія ассоцируются со всѣми мускульно-двигательными представленіями относительно движенія нашего тѣла по водной поверхности, относительно движенія предметовъ, судовъ и т. д.

Между тѣмъ по направленію къ высшей точкѣ небеснаго свода зрительныя представленія еще бѣднѣе, а мускульно-двигательныя почти совершенно отсутствуютъ.

Кромѣ приведенныхъ нами обычныхъ возраженій противъ теоріи сравненія есть еще возраженія, которыя, однако не вполне убѣдительны за недостаткомъ подтверждающихъ ихъ точныхъ экспериментальныхъ данныхъ. Эти возраженія наиболѣе полно приведены въ упомянутой статьѣ Eginitis, почему мы и остановимся на наиболѣе существенныхъ изъ нихъ. Кромѣ указанія на опыты съ окрашенными стеклами, не измѣняющими иллюзіи на морскомъ горизонтѣ, Eginitis приводитъ еще слѣдующіе аргументы противъ теоріи сравненія ¹⁾:

1. Кажущаяся величина диска на равныхъ высотахъ одинакова, независимо отъ того, свободенъ ли горизонтъ или закрытъ горами.

2. При различныхъ мѣстахъ наблюденія, когда разстояніе до горизонта измѣняется, дискъ свѣтила не измѣняется.

3. Уменьшеніе диска свѣтила при его поднятіи къ зениту происходитъ постепенно, между тѣмъ какъ по теоріи сравненія этого не должно быть.

Разсматривая эти возраженія Eginitis въ общихъ чертахъ, мы можемъ не согласиться съ первымъ изъ нихъ, такъ какъ экспериментально оно не обосновано и не можетъ быть надежнымъ аргументомъ противъ теоріи сравненія; противъ второго аргумента можно выставить слѣдующее соображеніе: при увеличеніи высоты мѣста наблюденія мы, конечно, увеличиваемъ соотвѣтственно и разстояніе до горизонта по линіи зрѣнія; такъ, на высотѣ 5 саженой мы видимъ горизонтъ съ радіусомъ равнымъ почти 11 верстамъ, а на высотѣ 10 саж. этотъ радіусъ равенъ уже 19 верстамъ. Но вѣдь для нашего воспріятія эти дополнительные 8 верстъ значатъ гораздо меньше, чѣмъ нѣсколько десятковъ саженой вблизи насъ; поэтому, хотя съ высотой мѣста

1) *Eginitis*. Op. cit. p. 1327. Мы приводимъ возраженія только тѣ, которыя намъ казались наиболѣе существенными.

наблюдения радиусъ горизонта соотвѣтственно и увеличивается, но для воспринимающаго познанія и для комплекса образующихъ основаніе иллюзіи ассоціацій это увеличеніе есть приращеніе величинъ низшихъ порядковъ сравнительно съ первоначальной основной воспринимаемой величиной радиуса горизонта.

Что касается третьяго приведеннаго аргумента Eginitis относительно хода измѣненій въ видимой величинѣ диска свѣтила, то и здѣсь едва ли можно согласиться съ его мнѣніемъ. Многіе изъ авторовъ отмѣчали именно тотъ фактъ, что измѣненіе видимыхъ размѣровъ диска происходитъ не пропорціонально высотѣ послѣдняго надъ горизонтомъ, а быстро совершается въ горизонтальной зонѣ и медленно или совсѣмъ почти не замѣчается съ нѣкоторой высоты до самаго меридіана. Такъ, напримѣръ, характеризуетъ явленіе Blondel, который приписываетъ причину быстрого паденія иллюзіи отчасти фактору сравненія, отчасти быстрому измѣненію условій для прохожденія свѣта сквозь толщу атмосферы на горизонтѣ ¹⁾.

Если придерживаться взглядовъ Eginitis, то кривая, которую какъ бы описываетъ свѣтило при кажущемся измѣненіи разстоянія отъ наблюдателя, должна быть обращена все время своею вогнутостью внизъ къ горизонтальной плоскости; между тѣмъ, если сообразоваться съ взглядами Blondel'я, придется изобразить кривую иллюзорнаго пути свѣтила такъ, какъ она воспроизведена нами на чертежѣ II (ст. 88). Правда, самъ Blondel, приводя схематическій чертежъ для иллюстраціи хода иллюзіи, чертитъ указанный иллюзорный путь свѣтила согласно общепринятому шаблону вогнутостью внизъ во всѣхъ ея точкахъ; но его выводы совершенно не согласуются съ подобнымъ воспроизведеніемъ иллюзорной траекторіи.

Однако, если соглашаться съ теоріей сравненія и принимать ее для объясненія иллюзіи, то является вопросъ: не должна ли, въ самомъ дѣлѣ, иллюзорная кривая пути свѣтила претерпѣть разрывъ на нѣкоторой высотѣ надъ горизонтомъ, какъ это предполагаетъ Eginitis?

При объясненіи чертежа II (ст. 88) мы уже указывали вкратцѣ, что подобнаго разрыва не существуетъ, а существуетъ только точка перегиба, выше которой иллюзія совершенно почти исчезаетъ.

¹⁾ Blondel. Op. cit., p. 493.

Въ самомъ дѣлѣ, факторъ сравненія уменьшаетъ свое вліяніе непрерывно, сообразно съ высотой свѣтила, такъ какъ при небольшихъ высотахъ свѣтила область яснаго видѣнія, соответствующая *macula lutea*, охватываетъ собою и предметы горизонта, и свѣтило. И только когда послѣднее достигнетъ высоты болѣе 5° — 7° надъ горизонтомъ, тогда только оно уже не можетъ восприниматься одновременно съ горизонтомъ; другими словами, смотря на свѣтило, мы тогда уже не различаемъ детально предметовъ горизонта и, наоборотъ, направляя взоръ на горизонтъ, мы выводимъ свѣтило изъ области яснаго видѣнія. Но иллюзія съ этого момента не исчезаетъ совершенно, такъ какъ хотя и болѣе трудное, требующее перемѣщенія фиксаціонной линіи сравненіе все-таки остается. А такъ какъ по мѣрѣ поднятія свѣтила сравненіе все болѣе и болѣе затрудняется, то иллюзія соответственно стремится къ нулю и на нѣкоторой высотѣ почти совершенно исчезаетъ.

Интересно замѣтить, что Blondel, исходя, изъ совершенно другихъ соображеній, такъ же указываетъ на 7° высоты, какъ на ту «горизонтальную зону», въ которой особенно сильно замѣтно паденіе иллюзіи.

Переходя къ разсмотрѣнію второго вида психологическихъ толкованій иллюзіи—къ «теоріи воздушной перспективы», упомянемъ вкратцѣ о мнѣніи W. James'a, который считаетъ и теорію сравненія, и теорію воздушной перспективы одинаково вѣрными. Разбирая группу иллюзій, относящихся къ величинѣ ретинальнаго изображенія, James говоритъ: ¹⁾ «Хорошо извѣстное увеличеніе видимыхъ размѣровъ луны у горизонта есть результатъ ассоціацій и вѣроятности. Луна на горизонтѣ видна сквозь воздухъ содержащій пары и кажется тусклѣе, чѣмъ въ то время, когда находится высоко на небѣ. Кромѣ того, она видна черезъ поля, деревья, рѣки, которыя разбиваютъ промежуточное пространство и даютъ намъ возможность лучше представлять его протяженіе. Обѣ эти причины приводятъ къ тому, что луна кажется отъ насъ на большемъ разстояніи при низкомъ своемъ положеніи; а такъ какъ ея уголъ зрѣнія не измѣняется, то мы пола-

¹⁾ W. James. Principles of Psychology, т. II, р. 92—3. 1890. Сравн. также Teachiner. Outlines of Psychology, рус. пер. 1898, стр. 160; Teachiner въ своихъ взглядахъ вполне совпадаетъ съ James'омъ.

гаемъ, что она есть нѣчто большое и таковою ее и воспринимаемъ. Она кажется особенно громадною именно въ тѣхъ случаяхъ, когда восходитъ изъ-за предметовъ хорошо извѣстныхъ намъ большихъ размѣровъ, на примѣръ, изъ-за дерева или дома, находящихся при томъ на такомъ достаточномъ разстояніи, что ихъ уголъ зрѣнія не отличается значительно отъ угловой величины самой луны» ¹⁾).

Послѣднее замѣчаніе James'a имѣетъ большую цѣну для теоріи сравненія, какъ мы увидимъ впоследствии; однако, не останавливаясь больше на ней, переходимъ къ разсмотрѣнію слѣдующей теоріи—воздушной перспективы.

Первымъ, кто ясно установилъ теорію воздушной перспективы, былъ Berkeley. Согласно мнѣнію послѣдняго при затемнѣніи диска получается иллюзія большаго разстоянія свѣтила, чѣмъ при яркомъ свѣтѣ, а при сохраненіи той же угловой величины и иллюзія увеличенія абсолютныхъ размѣровъ ²⁾. Это положеніе Desaguiliers даже думалъ доказать экспериментально; для этой цѣли онъ ставилъ на различныхъ разстояніяхъ азлично освѣщенные диски и сравнивалъ ихъ угловую величину ³⁾.

Этотъ факторъ принималъ во вниманіе и Malebranche, когда указывалъ, что мы судимъ объ удаленіи объекта по силѣ свѣта, такъ какъ отдаленный объектъ болѣе слабъ ⁴⁾. Euler также былъ защитникомъ теоріи воздушной перспективы; такъ въ «Письмахъ къ нѣмецкой принцессѣ» онъ замѣчаетъ, что при низкомъ положеніи свѣтилъ у горизонта лучи послѣднихъ должны пройти большую толщу атмосферы, чѣмъ у зенита, а потому свѣтъ этихъ свѣтилъ значительно ослабленъ; а такъ какъ въ подобномъ положеніи они не такъ ярки, какъ у зенита, то мы полагаемъ, что они должны быть дальше, подобно тому какъ на землѣ

1) Интересно замѣтить, что Filehne (op. cit., s. 228) полагаетъ, будто при подобномъ сравненіи луна можетъ, наоборотъ, показаться маленькой у горизонта и большой при высокомъ стояніи на небѣ; какъ онъ говоритъ, «при сравненіи луны съ большими строеніями, высокими горами и гигантскими деревьями луна должна казаться меньше, чѣмъ при несравнимомъ величественномъ видѣ высоко на небѣ».

2) Berkeley. Theory of Vision §§ 67—79.

3) I. Desaguiliers. An attempt to explain the Praenomenon of the horizontal Moon... Philos. Transactions, 1735. (Цитир. по Reimanu'у «Die scheinb. Vergr.»)

4) Malebranche. Réponse a M. Regis въ прил. къ «Recherches» de la Vérité. (См. Lechalas, op. cit., p. 50).

болѣ яркіе предметы намъ кажутся ближе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, напр., пожаръ или сильный свѣтъ ночью ¹⁾.

Въ послѣднее время наиболѣе яснымъ представителемъ теоріи воздушной перспективы былъ Helmholtz, хотя, по его мнѣнію, не одна только воздушная перспектива является факторомъ въ образованіи иллюзіи. «Вліяніе, которое воздушная перспектива производитъ на наше сужденіе,—говоритъ Helmholtz,—мы можемъ легко замѣтить, когда воздухъ бываетъ необычайно чистъ или, наоборотъ, мутенъ. Въ первомъ случаѣ цѣпи отдаленныхъ горъ кажутся значительно ближе и меньше; во второмъ—дальше и больше ²⁾).

Для подтвержденія этого указанія Helmholtz приводитъ примѣръ относительно того, какъ ошибаются жители долинъ и побережій, гдѣ воздухъ мутенъ, когда они бывають на горахъ и невѣрно оцѣнивають разстояніе; затѣмъ онъ прибавляетъ: «сюда же относится и тотъ извѣстный вопросъ,—отчего луна вблизи горизонта кажется больше, чѣмъ тогда, когда она находится высоко на небѣ». «Особенно сильно замѣтно увеличеніе дисковъ солнца и луны у горизонта тогда,—продолжаетъ Helmholtz,—когда воздухъ непрозраченъ и когда эти небесныя тѣла имѣють еще малую силу свѣта. Тогда, такъ же какъ и относительно горъ, мы ее считаемъ дальше, чѣмъ при чистомъ воздухѣ, а потому и больше. Кромѣ этого вліяніе воздушной перспективы усиливають и случайные земные предметы на горизонтѣ. Когда луна, напримѣръ, заходитъ около или за вершину дерева на разстояніи двухъ тысячъ футовъ, при чемъ при такомъ разстояніи дерево въ 20 футовъ наблюдается подъ тѣмъ же угломъ зрѣнія, какъ и луна,—то луна кажется значительно дальше, а потому и больше» ³⁾). Указавъ на послѣдній факторъ, принимаемый теоріей сравненія, Helmholtz однако считаетъ его только усиливающимъ, но не доминирующимъ въ образованіи иллюзіи. Въ чистомъ видѣ «теорію сравненія», какъ и теорію «направленія взора» Helmholtz опровергаетъ своимъ опытомъ съ зеркалами, о которомъ мы упоминали при разборѣ теоріи Zoth'a. «Если отразить изображеніе луны на зеркало такъ, чтобы это изображеніе

¹⁾ Euler. Lettres à une princesse d'Allemagne, т. III, 1772, let. 225 et sv.

²⁾ Helmholtz. Hand. d. Physiol. Optik, 1896, 2-e Aufl. S. 774.

³⁾ Ibid. S. 774.

находилось у горизонта,—говорить Helmholtz,—то все-таки не получается того увеличения, какое образуется при естественныхъ условіяхъ восхода луны, хотя здѣсь при постановкѣ опыта и есть возможность сравнивать отраженное изображеніе луны съ одновременно видимыми земными предметами. Въ этомъ зеркальномъ изображеніи,—заключаетъ Helmholtz,—недостаетъ именно того, что луна видима не сквозь мутную часть атмосферы». Такимъ образомъ, «обманъ въ значительной степени зависитъ отъ состоянія атмосферы» 1).

Нужно замѣтить, однако, что Helmholtz считаетъ иллюзію увеличенія зависящей отъ «многихъ мотивовъ, дѣйствующихъ вмѣстѣ, при чемъ трудно указать, какой изъ нихъ имѣетъ особенно важное значеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ» 2). Но, какъ мы видѣли, «воздушная перспектива» является у него рѣшающимъ и однимъ изъ наиболѣе главныхъ мотивовъ въ образованіи иллюзіи. Точно также о сложности иллюзіи увеличенія говоритъ и Wundt, который наиболѣе постояннымъ факторомъ иллюзіи хочетъ сдѣлать физиологическое условіе движенія глаза. Wundt также упоминаетъ о томъ, что «явленіе иллюзіи есть результатъ многихъ взаимодействующихъ и измѣняющихся величину иллюзіи причинъ», при чемъ одной изъ этихъ измѣнчивыхъ причинъ онъ признаетъ и воздушную перспективу 3).

Наконецъ, теоріи «воздушной перспективы» отчасти придерживается и Blondel, указывающій на то, что при нѣкоторомъ поднятіи свѣтила надъ горизонтомъ иллюзія быстро затухаетъ именно потому, что въ горизонтальной зонѣ быстро возрастаетъ яркость свѣтила 4). Однако и Blondel считаетъ иллюзію явленіемъ «чрезвычайно сложнымъ» и потому воздушная перспектива есть только одинъ изъ многочисленныхъ факторовъ, образующихъ ее 5).

Какъ видно изъ изложенія теоріи воздушной перспективы, послѣдняя является по существу своему очень несложной. Въ то время какъ въ теоріи сравненія необходимо было принимать во

1) Ibid. S. 776.

2) Ibid. S. 774.

3) Wundt. Grundzüge d. Phys. Psych. B. II, S. 649.

4) M. Blondel. Une association inséparable. L'agrandissement des astres à l'horizon. Rev. Philos., 1888, p. 492.

5) Ibid. p. 490.

вниманіе случаи гладкаго и неровнаго горизонта, высоту наблюдателя, характеръ и извѣстность промежуточныхъ предметовъ, — здѣсь наблюдается большая общность и схематичность вывода.

На чертежѣ III (ст. 88) мы даемъ геометрическую интерпретацію теоріи воздушной перспективы. Согласно послѣдней, при отсутствіи поглощенія лучей въ атмосферѣ размѣры диска свѣтила казались бы намъ одинаковыми отъ горизонта до зенита, а потому и разстояніе его отъ насъ казалось бы постояннымъ, иначе говоря свѣтило двигалось бы по кругу $AA'A''$. Примемъ за радиусъ этого круга то разстояніе, на которомъ представляется намъ свѣтило въ зенитѣ. Въ силу большаго поглощенія свѣта къ горизонту свѣтило будетъ описывать уже не окружность, но нѣкоторую кривую, огибающую эту окружность, на примѣръ, кривую $BB'B''$.

Какъ охарактеризовать эту кривую? Blondel, какъ видно изъ его разсужденій, полагаетъ, что эта кривая должна быть выведена изъ толщины атмосферной оболочки. Такъ, онъ говоритъ: «Предположимъ, что атмосферная оболочка имѣетъ 100 km. толщины. Горизонтальные лучи при восходѣ свѣтила проникаютъ косвенно эту преломляющую средину и должны прійти 1100 km. При высотѣ въ 7° этотъ путь уже равенъ половинѣ ¹⁾».

Мы считаемъ грубо ошибочнымъ подобный способъ вывода числовыхъ данныхъ для теоріи воздушной перспективы. Прежде всего поглощеніе лучей вовсе не пропорціонально длинѣ проходимаго пути лучами свѣтила. Поглощеніе шло бы пропорціонально длинѣ только въ томъ случаѣ, если вся атмосферная оболочка состояла изъ одинаковой среды въ отношеніи ея поглощательной способности. Но какъ извѣстно, нижніе наиболѣе плотные и наиболѣе прозрачные слои поглощаютъ гораздо болѣе лучей, чѣмъ верхніе. Поэтому поглощеніе необходимо сообразовать не съ высотой всей атмосферы, а съ высотой меньшей, при которой убываніе пути поглощенія происходитъ быстрѣе. Отсюда ясно, что вопросъ о поглощеніи лучей атмосферой въ теоретическомъ отношеніи очень сложенъ и никакъ не можетъ рѣшаться при помощи однихъ лишь данныхъ относительно высоты атмосферы, какъ это дѣлаетъ Blondel. Если принять здѣсь результаты, данные формулами Bouguer, то оказы-

¹⁾ Blondel. Op. cit. p. 494.

вается, что солнце на горизонтѣ имѣетъ яркость въ 1354 раза меньшую, чѣмъ въ зенитѣ. Такимъ образомъ, если на черт. III (ст. 88) мы захотѣли бы изобразить кривую поглощенія, т.-е. такую кривую, разстояніе которой отъ точки O было бы пропорціонально величинѣ поглощенія, то эта кривая въ направленіи OB пересѣкалась бы на разстояніи равномъ 1354. OB'' . Но для воспріятія, хотя бы въ общихъ чертахъ долженъ существовать законъ убыванія свѣта въ зависимости отъ квадрата разстоянія. Другими словами, дискъ слабѣе въ 4 раза отделяется нами не въ четыре, а въ два раза, конечно съ грубымъ, поскольку это существуетъ въ нашемъ непосредственномъ опытѣ, приближеніемъ. Точно также и дискъ, слабѣе въ 1354 раза, кажется не въ 1354 раза далѣе, а значительно ближе, и именно въ точномъ случаѣ, на разстояніи равномъ корню квадратному изъ 1354, т.-е. 35 разъ. Такимъ образомъ иллюзорная кривая для «идеальнаго» воспріятія, точно сообразующагося съ закономъ распространенія свѣта, будетъ представляться въ видѣ кривой $BB'B''$ и которой разстояніе OB должно быть въ 35 разъ больше OB'' .

Но если бы это было такъ, то при кажущемся «разстояніи» свѣтила на горизонтѣ въ 35 разъ большемъ, чѣмъ у зенита, и само свѣтило казалось бы въ 35 разъ большимъ. Однако, какъ мы увидимъ, этого нѣтъ. Увеличеніе диска, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ меньше этой величины.

Это обстоятельство, конечно, не можетъ служить опроверженіемъ теоріи воздушной перспективы; приведенныя нами соображенія только формальны и схематичны. Наше воспріятіе, если и считается съ закономъ убыванія силы свѣта въ отношеніи квадрата разстоянія, то это можетъ касаться только предметовъ близкихъ и частыхъ въ сферѣ обыденнаго опыта. На большія же разстоянія, безъ сомнѣнія, нашъ опытъ распространяться не можетъ, а потому кривая $BB'B''$ ни въ коемъ случаѣ не имѣетъ OB въ 35 разъ большимъ, чѣмъ OB'' , но гораздо меньше этого числа.

Такова геометрическая интерпретація теоріи воздушной перспективы. Разсмотримъ теперь тѣ возраженія, которыя производились по отношенію къ ней защитниками другихъ теорій.

Большая часть возраженій основывается, какъ можно видѣть, на томъ, что не всегда, не при всякихъ условіяхъ затемнѣніе производитъ иллюзію удаленія и увеличенія. Такъ Houseau, раз-

бирая взгляды Malebranche'a, считаетъ, что иногда туманъ увеличиваетъ, иногда уменьшаетъ кажущіеся размѣры свѣтила, а именно—увеличеніе получается только при слабомъ разрывномъ туманѣ, уменьшеніе же при густомъ ¹⁾. На это указываетъ также и Blondel. «Красная на горизонтѣ, благодаря слою атмосферы, луна намъ кажется большей,—говоритъ онъ,—но красная у зенита во время затменія, окрашенная тучей или туманомъ она, наоборотъ, кажется меньше, чѣмъ безъ послѣднихъ условій ²⁾. Это происходитъ, по мнѣнію Blondel'я, отъ того, что при положеніи луны у горизонта и у зенита мы имѣемъ двѣ различныхъ точки зрѣнія. На горизонтѣ мы при туманѣ приписываемъ лунѣ большее разстояніе и большіе размѣры, а у зенита луна намъ видна безъ тумана больше потому, что здѣсь кромѣ иррадіаціи еще играетъ роль тотъ факторъ сужденія, по которому «бѣлые цвѣта увеличиваютъ размѣры».

Lechalas, указывая на измѣнчивость фактора воздушной перспективы по отношенію къ увеличенію свѣтила, упоминаетъ объ одномъ лицѣ «непредубѣжденномъ» въ смыслѣ исповѣданія какой-либо теоріи иллюзіи. И это лицо во время луннаго затменія утверждало, что затемненная луна ему кажется меньше, чѣмъ въ обычномъ своемъ видѣ высоко на небѣ ³⁾. Наконецъ, и Filehne указываетъ на то, что туманъ можетъ иногда произвести не увеличеніе, а уменьшеніе видимыхъ размѣровъ свѣтила. Опровергая теорію воздушной перспективы, онъ вспоминаетъ, что при лондонскомъ туманѣ ему приходилось наблюдать диски высоко стоявшихъ на небѣ и луны, и солнца. И сквозь этотъ туманъ и то, и другое свѣтило казались ему не только не увеличенными, но значительно уменьшенными. Filehne такъ же, какъ и Blondel, считаетъ факторомъ этого уменьшенія отсутствіе иррадіаціи и утверждаетъ, что только темные предметы въ туманѣ кажутся большими; небесныя же тѣла, наоборотъ, кажутся меньшими ⁴⁾.

Таковы соображенія и данныя, приводимыя противъ теоріи воздушной перспективы. Какъ легко видѣть, этихъ соображеній недостаточно, чтобы считать воздушную перспективу вовсе не необходимымъ и достаточнымъ факторомъ для образо-

¹⁾ См. *Lechalas*. Op. cit., p. 50.

²⁾ *Blondel*. Op. cit., p. 494.

³⁾ *Lechalas*. Op. cit., p. 54.

⁴⁾ *Filehne*. Op. cit., s. 290.

ванія иллюзіи. Единственное опытное подтвержденіе, которое хотѣлъ дать теоріи воздушной перспективы Helmholtz, и то нельзя считать убѣдительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ его опыта съ отражающими зеркалами, когда не получалась иллюзія увеличенія, нельзя заключать только къ тому, что уничтоженіе иллюзіи происходитъ благодаря отсутствію воздушной перспективы. Хотя Helmholtz и полагаетъ, что при отраженіи зеркаломъ факторъ «сравненія» присутствуетъ, но съ этимъ едва ли можно согласиться въ его опытахъ, когда зеркала были удалены не на большое разстояніе. Опыты же Zoth'a со значительно удаленнымъ зеркаломъ, замаскированнымъ деревьями и невидимымъ неподготовленному наблюдателю, показываютъ, что изображеніе свѣтила, отраженное зеркаломъ, было «колоссальнымъ», какъ говоритъ Zoth; между тѣмъ и въ этихъ опытахъ воздушная перспектива отсутствовала. Поэтому естественно заключить, что въ опытахъ Helmholtz'a доказывалось скорѣе значеніе «сравненія» для иллюзии, чѣмъ «воздушной перспективы», а потому рѣшающее значеніе послѣдней на иллюзію недоказано. Eginitis для опроверженія теоріи воздушной перспективы производилъ довольно убѣдительные опыты съ разсматриваніемъ свѣтилъ сквозь различно затемненныя дымчатая стекла. По теоріи воздушной перспективы съ большимъ затемненіемъ диска связана и большая удаленность, а потому и большая опѣниваемая абсолютная величина. Но, какъ указываетъ Eginitis, иллюзія не варьировалась съ измѣненіемъ затемненія диска различными стеклами: кажущіеся размѣры свѣтила остаются одни и тѣ же ¹⁾.

Въ заключеніе разбора теоріи воздушной перспективы приведемъ еще соображеніе, высказанное противникомъ этой теоріи—R. Smith'омъ. Кромѣ указанія на неизмѣнно-малую кажущуюся величину луны при высокомъ положеніи во время затменія, Smith еще приводитъ въ примѣръ случаи, когда луна видна на небѣ при дневномъ освѣщеніи; эти случаи, какъ извѣстно, можно наблюдать за нѣсколько дней до противостоянія по вечерамъ до захода солнца и нѣсколько дней спустя послѣ противостоянія по утрамъ послѣ восхода солнца. Въ подобныхъ случаяхъ,—въ концѣ второй и началѣ третьей четверти,—луна только слегка отличается отъ полного круглаго диска и доста-

¹⁾ *Eginitis*. Op. cit., p. 1328.

точно высоко находится на небѣ при заходѣ и восходѣ солнца. И, несмотря на то, что въ этомъ случаѣ ея свѣтъ становится совершенно блѣднымъ, она наверху кажется такую же небольшой, какъ и при ночномъ освѣщеніи ¹⁾.

Послѣдней психологической теоріей въ нашемъ изложеніи является теорія, связующая иллюзію увеличенія съ формой небеснаго свода. Первымъ, указавшимъ на эту связь, былъ Alhazen. Въ своей «Оптикѣ» онъ говоритъ: «взоръ представляетъ себѣ поверхность неба плоской. И получается убѣжденіе, будто на плоской поверхности, которая простирается во всѣ стороны, разстоянія различны для глаза. И ближайшей частью кажется именно та часть свода, которая находится надъ головою. А горизонтъ поэтому кажется удаленнѣе, чѣмъ зенитъ ²⁾». Причину подобнаго вида свода Alhazen видитъ въ парахъ, а также и въ существованіи на горизонтѣ предметовъ для сравненія.

R. Smith придерживается аналогичнаго взгляда. Изъ его геометрическихъ соображеній вытекаетъ выводъ, будто горизонтальный діаметръ небеснаго свода долженъ казаться намъ въ 6 разъ больше, чѣмъ вертикальный, такъ какъ отчетливое зрѣніе не достигаетъ при взглядѣ наверхъ до такого разстоянія, какъ разстояніе отъ насъ до понижающагося, благодаря выпуклости земли, горизонта. Voltaire въ изданіи «Ньютоновой философіи» также считаетъ небесный сводъ приплюснутымъ и полагаетъ, что свѣтила намъ кажутся именно передвигающимися по этому своду, почему на горизонтѣ они и кажутся на $\frac{1}{3}$ часть больше, чѣмъ у зенита. Затѣмъ онъ даетъ чертежъ, изображающій иллюзорный и дѣйствительный путь свѣтилъ и объясняющій геометрически весь ходъ иллюзіи. Этотъ чертежъ почти въ томъ же видѣ принимается и послѣдующими авторами, схематически дающими геометрическую интерпретацію иллюзіи. На черт. IV (ст. 89) мы воспроизводимъ данную схему. Пусть наблюдатель находится въ точкѣ О. Дѣйствительный сводъ неба долженъ былъ бы, при отсутствіи всѣхъ постороннихъ вліяній кромѣ яснаго видѣнія, — казаться въ разрѣзѣ полуокружностью SAA'Z. Но мы видимъ сводъ приплюснутымъ въ видѣ кривой Saa'z'. Свѣтило А, кото-

¹⁾ R. Smith. Volständiger Lehrbegriff der Optik. Uebers. von Kästner 1755., S. 416—18. (Приводимъ по Filehne. Op. cit., S. 306).

²⁾ Alhazeni „Opticae Thesaurus“ edit. Frid. Risneri. Lib. VII pag. 208—2. (Приводимъ изъ Reimann'a „Die scheinb. Vergt.“).

рое на дѣйствительномъ сводѣ казалось бы на всѣхъ высотахъ равно самому себѣ, какъ, напр., A, A', A'' — на самомъ дѣлѣ кажется намъ на приплюснутомъ сводѣ $Saa'z'$ въ положеніяхъ a, a', a'' . И такъ какъ угловая величина свѣтила не измѣняется, то на болѣе близкихъ разстояніяхъ $aO, a'O, a''O$ величина свѣтила будетъ казаться все меньше и меньше, достигая minimum'a въ зенитѣ.

Helmholtz, придавая приплюснутости свода большое значеніе на ряду съ другими упомянутыми уже нами факторами, считаетъ, что приплюснутая форма свода обязана своимъ происхожденіемъ въ нашемъ представленіи главнымъ образомъ облачности. Небесный сводъ, какъ указываетъ Helmholtz, не имѣетъ, собственно говоря, для воспріятія никакой формы и потому нѣтъ основанія приписывать ему форму полусферы; мы приписываемъ глубину свода смотря по обстоятельствамъ. Такъ, напр., разсматривая облачное небо, мы хотя и не можемъ получить прямого понятія о разстояніи при помощи бинокулярнаго зрѣнія и параллакса при передвиженіяхъ тѣла, но форма облаковъ у горизонта и у зенита даетъ намъ перспективное знаніе большей удаленности тучъ на горизонтѣ, чѣмъ на зенитѣ. Особенно ясно создается это перспективное знаніе въ тѣхъ случаяхъ, когда небо покрыто, на примѣръ, перисто-кучевыми облаками или параллельными гребнями, образованныхъ въ вершинахъ «гельмгольцовыхъ воздушныхъ волнъ». Все это приводитъ къ тому, что «получается впечатлѣніе», какъ говоритъ самъ Helmholtz, «будто по крайней мѣрѣ въ зенитѣ облачное небо представляетъ изъ себя плоскость; а затѣмъ это впечатлѣніе переносится и на звѣздное небо, такъ какъ невозможно отдѣлить облачнаго неба отъ звѣзднаго» ¹⁾.

Иное происхожденіе приплюснутости свода, объясняющей иллюзію увеличенія, дають другіе защитники этой теоріи. Мы говорили уже о томъ, что защитники теоріи направленія взора выводили приплюснутость изъ совершенно другихъ основаній, а именно изъ фізіологическихъ условій движенія глаза. Но для этихъ послѣднихъ нѣтъ необходимости при объясненіи формы небснаго свода прибѣгать къ приплюснутости, какъ къ причинѣ иллюзіи, такъ какъ и увеличеніе свѣтилъ также объясняется

¹⁾ Helmholtz, Handbuch. d. Phys. Optik., S. 775.

ими физиологически тѣми же самыми причинами. Для защитниковъ же теоріи сравненія разсматриваемая теперь нами теорія очень родственна по факторамъ образованія представленія о приплюснутости свода и увеличенія свѣтила у горизонта. А именно: принимая для горизонта «сравненіе» за условіе кажущейся отдаленности свѣтила и его увеличенія, можно сейчасъ же вывести и приплюснутость свода, такъ какъ предметы сравненія дѣлаютъ болѣе отдаленными у горизонта не только свѣтила, но и весь небесный сводъ. Поэтому мы и встрѣчаемъ большею частью смѣшанныхъ защитниковъ какъ теоріи сравненія, такъ и теоріи формы небеснаго свода. Сюда относятся напр. Alhazen, Vitello, R. Bacon, Kepler, а затѣмъ Biot, Zéno, Hering, Blondel, Wundt.

Hering, напримѣръ, считаетъ, что только предметы сравненія даютъ намъ представленіе о приплюснутости небеснаго свода. Если же, по его словамъ, прикрыть горизонтъ такъ, чтобы предметы сравненія исчезли, напримѣръ, если стать около достаточно высокой стѣны и особенно при ночномъ освѣщеніи, то сводъ вовсе не кажется приплюснутымъ, а вполнѣ шарообразнымъ; это представленіе о шарообразности свода образуется, по мнѣнію Hering'a, сообразно съ его общей физиологической точки зрѣнія въ объясненіяхъ зрительныхъ иллюзій,—благодаря соотвѣтственной шарообразности сѣтчатки, на которой равные углы даютъ изображеніе равныхъ пространствъ во внѣшнемъ мірѣ ¹⁾.

Основываясь на обманѣ зрѣнія «раздѣленныхъ и нераздѣленныхъ отрѣзковъ», Wundt также подобно Hering'у объясняетъ приплюснутость небеснаго свода ²⁾. Сюда же относитъ онъ и то обстоятельство, что обычное поле зрѣнія является для насъ не плоскостью горизонтальной, но вогнутою поверхностью, какъ бы поднимающеюся у горизонта ³⁾. По его мнѣнію, для образованія представленія о разстояніи горизонта мы пользуемся всѣмъ, что составляетъ въ этой плоскости нашъ кругозоръ, и такъ какъ здѣсь мы по пути зрѣнія встрѣчаемъ много объектовъ, то подобно тому, какъ въ случаѣ раздѣленныхъ отрѣзковъ, наше вниманіе прерывисто переходитъ отъ одного объекта до другого и такимъ образомъ даетъ намъ впечатлѣніе большого раз-

1) *Hering*. Beiträge zur Phys. I. Heft., S. 27.

2) *Wundt*. Grundzüge d. Ph. Psych. B. II, S. 648, также Vorlesungen über die Menschen-und Thierselle. 3-e Aufl., S. 188—9.

3) *Wundt*. Grundzüge, S. 612.

стоянія, чѣмъ разстояніе до ничѣмъ не наполненнаго по пути зрѣнія зенита.

Reimann, объ изслѣдованіяхъ котораго мы уже говорили, также принимаетъ приплюснутость свода какъ основной факторъ въ образованіи иллюзіи. Онъ считаетъ освѣщеніе и окраску свода достаточными условіями для образованія этого представленія приплюснутости, при чемъ «своды» неба для различныхъ освѣщеній—различны. Такъ «небо луны» отлично отъ «неба солнца», которое въ свою очередь отлично отъ «звѣзднаго неба». Каждое небо, понимаемое такимъ образомъ, имѣетъ отличную отъ другого неба приплюснутость. «Мы вовсе не имѣемъ голаго пространства вселенной»,—замѣчаетъ Reimann;—«голубая крыша неба составляетъ предѣльную стѣну нашего чувственнаго воспріятія, черезъ которую мы не можемъ перешагнуть. Нельзя сказать, что свѣтило находится «по ту сторону», но можно сказать, что оно «на» или «передъ» этимъ сводомъ. Солнце же и луна составляютъ части небснаго свода и потому кажутся на горизонтѣ большими» 1).

Теорія связи иллюзіи увеличенія съ формой небснаго свода оказалась для многихъ привлекательной именно потому, что она можетъ дать болѣе точные и удобные для формальнаго разсмотрѣнія выводы. Ни теорія сравненія, ни теорія воздушной перспективы не могутъ доставить намъ возможности выразить величину иллюзіи при помощи математическихъ выкладокъ. Между тѣмъ въ данной теоріи достаточно опредѣлить форму свода въ видѣ какой-либо опредѣленной кривой поверхности и найти крайнія значенія для ея радіусовъ векторовъ изъ точки наблюденія, чтобы у насъ были всѣ данныя для опредѣленія величины и скорости измѣненія иллюзіи въ каждой данной точкѣ небснаго свода.

Подобныя попытки выразить форму свода въ видѣ опредѣленной поверхности были сдѣланы уже давно; какъ мы уже упоминали, Smith, считая сводъ приплюснутымъ, принималъ разрѣзь его за дугу круга; Biot полагалъ, что сводъ параллеленъ атмосферному слою и представляетъ изъ себя сегментъ атмосферы; Bohnenberger 2) и Drobisch 3) также принимали сводъ за часть

1) Reimann. Die scheinbare Vergrößerung, S. 192.

2) Bohnenberger. Astronomie. Tübingen. 1811.

3) Drobisch. Ueber die Bestimmung der Gestalt d. Himmelsgew. Berichte über d. Verhandl. d. k. Sächs. Ges. d. Wissenschaft. zu Leipzig. 1854.

шаровой поверхности. Метеорологъ Kämtz ¹⁾ разсматривалъ сводъ какъ сегментъ эллипсоида вращения, большія оси котораго направлены въ горизонтальной плоскости. Наконецъ Reimann ²⁾, а затѣмъ и Pernter ³⁾ склонны также считать сводъ частью сферической поверхности, хотя Pernter и не исключаетъ возможности допустить вмѣсто сферы эллипсоидъ вращения.

Большая часть изъ этихъ авторовъ старалась найти числовыя данныя для указанныхъ кривыхъ поверхностей. Общимъ методомъ для тѣхъ, кто принималъ кривую свода за дугу круга, было слѣдующее: найти на сводѣ такую точку, которая казалась бы находящейся посрединѣ между горизонтомъ и зенитомъ. Найдя эту точку изъ наблюдений, можно узнать также, на какой градусной высотѣ надъ горизонтомъ находится эта точка. А изъ этихъ двухъ данныхъ, зная радіусъ земли и принимая небесный сводъ концентричнымъ съ поверхностью земного шара, можно получить и формулу, связующую центальные углы при центрѣ земного шара съ углами, составляемыми плоскостью горизонта и линіей зрѣнія. Подобныя формулы въ общемъ видѣ были даны Kämtner'омъ въ его переводѣ: «A compleat system of optiks» Smith'a, Bohnenberger'омъ, Drobisch'емъ. Reimann же, подставляя въ эти формулы найденное имъ значеніе для «середины» между горизонтомъ и зенитомъ, далъ цѣлый рядъ градусныхъ величинъ для центальныхъ угловъ и угловъ между плоскостью горизонта и линіей зрѣнія.

Не приводя этихъ данныхъ, мы укажемъ на то, что найденная и Smith'омъ, и Drobisch'емъ и Reimann'омъ кажущаяся середина разстоянія отъ горизонта до зенита колеблется при ясномъ небѣ отъ 21° до 23° ⁴⁾. Reimann, который особенно добросовѣстно занимался опредѣленіемъ этой точки небеснаго свода, изъ 283-хъ наблюдений, сдѣланныхъ въ теченіе 68 ясныхъ дней въ двухъ положеніяхъ при 0° и 180° азимута отъ круга высотъ данной точки, нашелъ, что эта середина находится на высотѣ $21,47^{\circ}$ надъ горизонтомъ и что горизонтальный діаметръ свода въ 3,66 разъ больше вертикальнаго ⁵⁾.

¹⁾ Kämtz. Lehrbuch der Meteorologie. 1832. Bd., III.

²⁾ Reimann. Beiträge zur Bestimmung d. scheinb. Gest. des Him.

³⁾ Pernter. Op. cit. S. 12.

⁴⁾ Pernter. Op. cit. S. 7.

⁵⁾ Reimann. Die scheinbare Vergrößerung.

На черт. V (ст. 89) мы приводимъ схему дѣйствительнаго и кажущагося свода такъ, какъ она дана Pernter'омъ. На этомъ чертежѣ ясно представлена разница между дѣйствительными угловыми высотами и тѣми углами, которые мы оцѣниваемъ по дугамъ кривой HZ. Такъ, на дѣйствительной высотѣ около 22° мы видимъ уже середину кажущагося свода; тамъ же, гдѣ должна быть высота въ 45° , тамъ на кажущемся сводѣ мы имѣемъ 67° .

Если же теперь разсмотримъ, какъ скоро убываютъ оцѣниваемая дуговыя величины на кажущемся сводѣ на различныхъ высотахъ соотвѣтственно съ возрастаніемъ истинной высоты, то мы замѣтимъ слѣдующее: у горизонта убываніе дугъ происходитъ быстро, напримѣръ, на первые пять градусовъ поднятія дуги дневнаго небснаго свода падаютъ на 2° , на третьи пять градусовъ поднятія это паденіе равно уже 1° ; при большей же высотѣ на каждые пять градусовъ измѣненіе дугъ кажущагося свода идетъ незначительно. Отсюда легко видѣть, что на нѣкоторой высотѣ должно существовать такое положеніе свѣтила, при которомъ дуги и «истиннаго», и кажущагося свода возрастаютъ одинаково. Эта высота равна приблизительно 30° — 35° , что легко можно замѣтить изъ самаго чертежа.

Въ этомъ приблизительно пунктѣ, какъ говоритъ Pernter, солнце, луна и созвѣздія кажутся намъ такими, какими они должны намъ казаться на круговомъ сводѣ; выше они кажутся меньше, а ниже—больше. Изъ приводимыхъ имъ таблицъ, полученныхъ изъ упомянутыхъ ранѣе формулъ, Pernter выводитъ, что при ясномъ дневномъ небѣ солнце на горизонтѣ кажется въ 2,7 разъ больше, чѣмъ оно должно казаться намъ въ дѣйствительности; луна—въ ясную ночь въ 2,2 раза, созвѣздія—въ 1,9 разъ. При кульминаціи же въ 65° солнце кажется почти въ 2 раза меньше, чѣмъ должно казаться, луна приблизительно при той же высотѣ кульминаціи почти въ два раза менѣе, созвѣздія же составляютъ 0,6 дѣйствительныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ, въ общемъ солнце у горизонта въ $5\frac{1}{2}$ разъ больше, чѣмъ при высотѣ въ 65° ; луна около 4 разъ, и созвѣздія около 3 разъ больше, чѣмъ при высотѣ въ 70° и 90° 1).

Всѣ эти результаты, какъ мы видимъ, очень заманчивы; къ сожалѣнію, они только тогда могутъ имѣть цѣнность, когда мы

1) Pernter. Op. cit. S. 27.

можемъ твердо сказать, что иллюзія всецѣло или даже главнымъ образомъ зависитъ отъ представленія о небесномъ сводѣ. Если же подобнаго устойчиваго представленія нѣтъ, то нѣтъ и связи между иллюзіей и подобнаго рода представленіемъ. Иначе говоря, мы можемъ утверждать слѣдующее: если иллюзія общеобязательна для всѣхъ, то и представленіе о приплюснутости свода должно быть также общеобязательно. Однако, какъ мы покажемъ далѣе, этой именно общеобязательности представленія о сводѣ и нѣтъ; между тѣмъ иллюзія увеличенія, за исключеніемъ чрезвычайно рѣдкихъ случаевъ, общеобязательна для всякаго воспріятія.

Мы можемъ указать здѣсь пока только на нѣкоторые историческіе факты по данному вопросу, а именно: *Dunn*'у ¹⁾, напр., казалось, что горизонтъ не дальше, а ближе зенита; *Regis* также упоминаетъ объ одномъ геометрѣ, которому небо казалось у горизонта ближе въ 2 раза, чѣмъ въ зенитѣ. *Stroobant* ²⁾ же, разбирая представленіе о сводѣ, также не считаетъ это представленіе общеобязательнымъ.

Но, оставляя эти немногочисленные и мало доказательныя указанія, перейдемъ къ общему разбору интересующей насъ иллюзіи, гдѣ въ достаточной степени выясняется прочность послѣдней разбираемой теоріи.

III.

Для того, чтобы выяснитъ въ общихъ чертахъ общеобязательность иллюзіи увеличенія дисковъ для различныхъ лицъ, не интересовавшихся и не изслѣдовавшихъ специально даннаго вопроса, а потому и не предубѣжденныхъ въ пользу какой-либо изъ приведенныхъ теорій, мы попытались путемъ вопросника опросить возможно большее число лицъ изъ учащихся высшихъ учебныхъ заведеній и старшихъ классовъ гимназій. Изъ 1.120 опрошенныхъ лицъ только 465 отнеслось къ дѣлу серьезно и возвратило листки вопросника съ отвѣтами. Главными вопросами вопросника являлись слѣдующіе пункты: видимая форма

¹⁾ *Dunn*. An attempt to assign the cause, why the sun and moon appear to the naked eye larger when they are near the Horizon. *Philos. Transactions* 1762 (прив. по *Reimann*'у).

²⁾ *Stroobant*. *Op. cit.* S. 721. (Здѣсь же примѣръ *Regis*).

небеснаго свода; кажущееся измѣненіе дисковъ полной луны и солнца въ зависимости отъ положенія на небесномъ сводѣ (у горизонта и при высокомъ положеніи); указаніе относительно амметропіи глазъ, если таковая достаточно сильна; наконецъ мѣстность, въ которой опрашиваемый наблюдалъ восходъ или заходъ луны, при чемъ требовалось указать характеръ мѣстности въ смыслѣ строенія поверхности земли (степь, море, холмы, горы, лѣса).

Кромѣ этихъ вопросовъ общаго характера были предложены вопросы и относительно того, не замѣчалъ ли опрашиваемый измѣненія величины иллюзіи увеличенія отъ состоянія атмосферы, отъ формы видимаго горизонта, отъ присутствія промежуточныхъ предметовъ. И, помимо всего этого отъ опрашиваемаго требовалось хотя бы въ самомъ грубомъ видѣ указать по памяти: во сколько разъ восходящая луна, напримѣръ, кажется больше, чѣмъ при высокомъ положеніи на небѣ, если только она при восходѣ ему дѣйствительно кажется больше.

Правда, методъ вопросниковъ, какъ вѣрно, по нашему мнѣнію, указывалъ на это, напримѣръ, проф. Н. Я. Гротъ, можетъ иногда не имѣть никакого значенія для разрѣшенія какого-либо вопроса психологическаго характера. «Сознательный обманъ и бессознательный самообманъ могутъ извратить результаты любого опыта», говоритъ Гротъ, да, кромѣ того, «обращаться къ массѣ съ вопросами психологическаго характера это все равно, что обращаться къ людямъ улицы съ вопросами о химическомъ составѣ воздуха» ¹⁾.

Раздѣляя отчасти эти взгляды на достоинство вопросниковъ, мы, однако, должны замѣтить, что въ данномъ случаѣ цѣнность результатовъ гораздо выше тѣхъ результатовъ, которые получаютъ отъ вопросниковъ, гдѣ отъ опрашиваемыхъ требуется самоуглубленіе и довольно трудный для «ненаучнаго» человѣка самоанализъ переживанія. Въ нашемъ же случаѣ этого нѣтъ. Нѣтъ почти здѣсь и того фактора «сознательнаго или бессознательнаго обмана», который играетъ большую роль въ отвѣтахъ на вопросы относительно психическихъ способностей опрашиваемыхъ лицъ, напр., память и т. п.

¹⁾ Н. Я. Гротъ. Основанія эксперим. психологіи. (Введ. къ пер. „Очерка Психологіи“ Wundt'a пер. Вактор.). Стр. LIX.

Въ отвѣтахъ, полученныхъ нами, очень ярко бросается въ глаза тотъ фактъ, что представленія о небесномъ сводѣ далеко неодинаковы у всѣхъ, а наоборотъ, очень часто противоположны. Такъ изъ 465 лицъ 230 лицамъ кажется, что зенитъ удаленнѣе отъ насъ, чѣмъ горизонтъ. Для 223 сводъ кажется приплюснутымъ и болѣе удаленнымъ у горизонта. Большею частью, какъ намъ удалось замѣтить, представленіе о приплюснутости замѣчается у лицъ проживающихъ въ деревняхъ на открытомъ мѣстѣ, у лицъ, живущихъ у береговъ моря, у моряковъ. Представленіе же о сводѣ, какъ болѣе удаленномъ въ зенитѣ, главнымъ образомъ, создается у жителей городовъ или горныхъ мѣстностей.

По обычному мѣсту жительства и по количеству осадковъ этой мѣстности мы старались опредѣлить также и вліяніе облачности на образованіе представленія о приплюснутости свода, что согласно съ мнѣніемъ Helmholtz'a. Однако, результаты, полученные нами въ этомъ случаѣ, очень неопредѣленны. Значительно яснѣе сказывается на образованіи представленія о сводѣ качество зрѣнія. Такъ въ то время, какъ зенитъ кажется болѣе удаленнымъ одинаково—какъ и близорукимъ, такъ и дальнорукимъ и лицамъ съ нормальнымъ зрѣніемъ—въ то время приплюснутость свода есть представленіе главнымъ образомъ лицъ съ нормальнымъ зрѣніемъ. Именно, распредѣляя показанія близорукихъ, дальнорукихъ и лицъ съ нормальнымъ зрѣніемъ подъ рубриками относительно кажущейся формы свода, мы замѣчаемъ, что для аметропическихъ глазъ приходится почти поровну показаній противоположнаго характера; между тѣмъ для нормальнаго зрѣнія ясно виденъ перевѣсъ показаній въ пользу представленія о приплюснутости небеснаго свода.

Конечно, съ такими небольшими цифровыми данными нельзя претендовать на какіе-либо точные и неоспоримые выводы. Но, какъ намъ кажется, и а priori можно было бы придти къ этому выводу, если считать теорію сравненія въ приложеніи къ формѣ свода вѣрной. Только нормальный глазъ, который способенъ аккомодироваться какъ на предметы близко лежащіе, такъ и на предметы, находящіеся далеко у горизонта, только такой глазъ можетъ получить maximum впечатлѣній отъ предметовъ сравненія. Близорукій глазъ ограниченъ кругозоромъ малаго радіуса и для него пропадаютъ предметы болѣе отдаленные; для глаза

дальнозоркаго все происходитъ обратно. И только нормальный глазъ, могущій «обнять» всѣ промежуточные предметы на горизонтальной линіи зрѣнія, въ состояніи дать ясное и опредѣленное представленіе объ удаленности горизонта въ сравненіи съ зенитомъ.

Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что представленіе о приплюснутости свода общеобязательно для всякаго воспріятія; какъ мы видѣли, болѣе чѣмъ для половины опрошенныхъ оно вовсе неприемлемо.

Между тѣмъ иллюзія увеличенія, за исключеніемъ очень рѣдкихъ случаевъ, общеобязательна для всѣхъ. И для тѣхъ, кто представляетъ себѣ сводъ небесный сплюснутымъ, и для тѣхъ, кто, наоборотъ, представляетъ его болѣе отдаленнымъ у зенита— для всѣхъ солнце и луна у горизонта кажутся больше. Изъ 930 отвѣтовъ, данныхъ отдѣльно для луны и для солнца, только 14 отвѣтовъ серьезно противорѣчивыхъ, которые трудно заподозрить въ неискренности; кромѣ нихъ, правда, было еще около 10 противорѣчивыхъ показаній; но такъ какъ отвѣты эти были даны учениками среднихъ классовъ гимназій и нѣсколькими лицами малоинтеллигентными, то поэтому легко можно предполагать, что вопросы вопросника были или неясно поняты, или не возбудили въ опрашиваемомъ серьезнаго отношенія къ дѣлу.

Такимъ образомъ мы видимъ, что иллюзія увеличенія есть явленіе всеобщее, совершенно другого порядка, чѣмъ представленіе о формѣ небеснаго свода. А потому легко утверждать, что послѣдняя изъ разсмотрѣнныхъ нами теорій, связующая иллюзію съ представленіемъ о формѣ свода, теряетъ подъ собою всякую почву. Далѣе, въ большинствѣ приведенныхъ противорѣчивыхъ случаевъ интересно отмѣтить то, что опрашиваемые имѣютъ мѣсто жительства въ предѣлахъ Кавказа. Такъ, три отвѣта относительно того, что луна при восходѣ кажется меньше, даны студентами кавказцами изъ Кутаиса, Шемахи и вообще Кавказа (мѣсто не обозначено у третьяго). Изъ 7 лицъ, указавшихъ на противорѣчіе съ нормальнымъ видомъ иллюзіи и для луны и для солнца, двое опять-таки кавказца изъ Казаха и Шуши, а третье лицо изъ Оренбурга. Наконецъ, изъ 2-хъ, для которыхъ солнце у горизонта кажется меньше, опять-таки одинъ кавказецъ изъ Ахалкалакъ. Если же вспомнить, что Кутаисъ, Шемаха, Шуша, Казахъ, а

также и Оренбургъ,—города, расположенные въ сильно гористой мѣстности, то легко бросается въ глаза связь приведеннаго противорѣчія съ гористостью мѣстности и зависимость иллюзiи отъ этого фактора.

Противники теорiи сравненiя могутъ усмотрѣть здѣсь аргументъ въ свою пользу и считать, что иллюзiя, такимъ образомъ, зависитъ не отъ предметовъ сравненiя, а отъ высоты, какъ это предполагаютъ, напримѣръ, Zoth и Zehender. Но мы считаемъ, что такой выводъ былъ бы поспѣшенъ, и не потому, что у насъ въ рукахъ слишкомъ малыя данныя, но потому, что для холмистыхъ мѣстностей, гдѣ горизонтъ занятъ холмами на значительномъ разстоянiи и на небольшой высотѣ,—иллюзiя въ общей массѣ случаевъ имѣетъ maximum.

На ровномъ же мѣстѣ, какъ, напр., въ морѣ или степи, величина иллюзiи, хотя и грубо опредѣляемая по памяти, меньше чѣмъ въ мѣстности холмистой. Такъ, если взять всѣ численныя грубыя опредѣленiя опрошенныхъ лицъ относительно того, во сколько разъ имъ луна кажется больше у горизонта, чѣмъ высоко наверху,—и затѣмъ найти наиболѣе часто повторяющуюся величину у жителей равнинныхъ и холмистыхъ мѣстностей, то въ то время, какъ среднее арифметическое показанiй равнинныхъ жителей даетъ 2,5, среднее показанiе жителей холмистыхъ и неровныхъ мѣстностей даетъ 2,9, т.-е. почти 3. Отсюда съ нѣкоторою вѣроятностью можно полагать, что сравненiе, которое легче производится именно при нѣсколько неровной мѣстности, можетъ служить дѣйствительнымъ факторомъ въ образованiи иллюзiи. Наоборотъ, въ мѣстностяхъ сильно гористыхъ, гдѣ въ котловинахъ, подобно Шушѣ и Ахалкалаки, вершины горъ, изъ-за которыхъ восходятъ свѣтила, находятся *близко* къ наблюдателю, тамъ нѣтъ благопрiятнаго фактора сравненiя и потому нѣтъ и иллюзiи.

Что касается воздушной перспективы, то большинство опрошенныхъ, отвѣтившихъ на вопросъ о влiянiи облачности на иллюзiю, утверждаетъ, что когда луна видна при восходѣ сквозь легкой туманъ, то она кажется не больше, а меньше. Наоборотъ, при ясномъ восходѣ она значительно больше, въ особенности когда восходитъ изъ за отдаленныхъ горъ или изъ-за лѣса.

Всѣ эти результаты мы приводимъ въ общихъ чертахъ только для ориентированiя въ характерѣ иллюзiи, но, конечно, никакъ

не для какихъ-либо точныхъ численныхъ выводовъ; однако и эти результаты склоняютъ насъ къ принятію теоріи сравненія въ очищенномъ и измѣненномъ видѣ и именно въ томъ видѣ, въ какомъ приблизительно намѣтили ее J. Hershel, мнѣніе котораго мы уже приводили раньше.

Прежде всего нужно напомнить, что всѣ психологическія и физиологическія теоріи основывались на томъ, что *свѣтило при восходѣ кажется намъ не такихъ размѣровъ, какими оно обладаетъ при высокомъ положеніи на небѣ*. Иначе говоря, согласно этимъ теоріямъ, видя свѣтило на горизонтѣ, мы вспоминаемъ его величину при высокомъ положеніи и, сравнивая въ памяти тѣ и другіе размѣры, считаемъ свѣтило большимъ или меньшимъ. Въ физиологической теоріи Zoth'a, напримѣръ, нужно принять, что при разсматриваніи луны высоко на небѣ мы сравниваемъ усиліе конвергенціи въ этомъ случаѣ съ тѣмъ меньшимъ усиліемъ, которое мы затрачивали при положеніи луны у горизонта, а затѣмъ изъ сравненія усилій—одного непосредственного, а другого воспроизведеннаго, получаемъ выводъ о различіи размѣровъ.

Точно также и въ обычной теоріи сравненія, въ теоріи воздушной перспективы и теоріи свода предполагается это самое сравненіе. Всѣ три теоріи, хотя и на основаніи различныхъ мотивовъ, принимаютъ, что на горизонтѣ свѣтило кажется дальше, чѣмъ при высокомъ положеніи, а потому *при той же самой угловой величинѣ* кажется на горизонтѣ больше, а наверху меньше. Здѣсь, такимъ образомъ, предполагается, что смотря на луну у горизонта, мы помнимъ ея размѣры наверху и сравниваемъ воспринимаемые размѣры съ воспоминаемыми.

Но въ этомъ пунктѣ всѣ указанныя теоріи испытываютъ особенно сильно свою шаткость и необоснованность. Если бы воспроизведенный образъ игралъ главную роль въ образованіи иллюзіи, то, во-первыхъ, иллюзія у многихъ лицъ, рѣдко наблюдающихъ свѣтила, совершенно отсутствовала бы. Во-вторыхъ, она имѣла бы самыя разнообразныя величины для различныхъ субъектовъ, сообразно съ ихъ зрительной памятью; наконецъ, что интереснѣе и убѣдительнѣе всего, она уменьшалась бы постепенно, если бы мы не имѣли въ воспоминаніи болѣе или менѣе точный угловой образъ свѣтила.

Между тѣмъ на практикѣ ни одно изъ этихъ предположеній не оправдывается. Прежде всего, за рѣдкимъ исключеніемъ, иллю-

зія представляетъ явленіе общеобязательное для лицъ и рѣдко наблюдающихъ свѣтила и обладающихъ совершенно различной зрительною памятью. Далѣе: иногда, наблюдая восходъ полной луны, многіе видятъ ее въ первый разъ за долгій промежутокъ времени, въ который ее вовсе не замѣчали, и за который память угловой величины должна была или исчезнуть, или стать въ высшей степени шаткой. Между тѣмъ и въ подобномъ случаѣ иллюзія получается полная. Наконецъ, въ зависимости отъ давности послѣдняго наблюденія величина иллюзіи должна сильно измѣняться. Между тѣмъ всѣ опрошенныя нами лица давали не только отвѣты на вопросы «больше» или «меньше», но даже указывали по памяти величину иллюзіи, которая казалась имъ одной и той же для даннаго пункта наблюденія независимо отъ времени, протекающаго отъ одного наблюденія свѣтила до другого.

Всѣ эти данныя приводятъ насъ къ той мысли, что свѣтило, находящееся у горизонта, вовсе не сравнивается въ нашемъ воспріятіи съ тѣмъ же самымъ свѣтиломъ при его положеніи у зенита. Какъ намъ приходилось замѣчать при устномъ опрашиваніи лицъ, на вопросъ: «не кажется ли вамъ луна большой у горизонта?» получались отвѣты «да» безъ упоминанія о свѣтилѣ при его положеніи высоко на сводѣ. Эта характерная черта отвѣтовъ даетъ возможность допустить, что луна, находящаяся у горизонта, и луна, кульминирующая, сравниваются не между собою, а каждая изъ нихъ съ совершенно различными объектами сравненія. «Горизонтальная» луна сравнивается съ предметами горизонта и опредѣляется нами какъ «колоссальная» сравнительно съ предметами промежуточными. Высоко же стоящая луна сравнивается съ общимъ фономъ небснаго свода, ничтожную часть котораго она составляетъ. Такимъ образомъ члены сравненія въ первомъ и во второмъ случаѣ совершенно различны; относительно первыхъ луна для воспріятія кажется «большою», относительно свода она кажется «маленькой». Но послѣ этихъ независимыхъ выводовъ воспринимающаго познанія, выступаетъ познаніе разсудочное, сравнивающее результаты воспріятія того и другаго случая. И тогда, опуская промежуточные члены сравненія, которые ассимилировались съ первымъ и вторымъ представленіемъ, мы уже говоримъ: «луна у горизонта кажется больше, чѣмъ при высокомъ положеніи на небѣ». Опущеніе промежуточныхъ членовъ сравненія и есть основная ошибка, образующая иллюзію.

Такимъ образомъ, причина иллюзіи есть не физиологическая или психологическая причина въ воспріятіи. Она вѣрнѣе причина логическая, причина, заключающаяся въ софизмѣ, сходномъ съ *quaternio terminorum*, гдѣ вспомогательные члены сравненія или средніе члены сужденія вовсе не одни и тѣ же.

Иногда мы получали въ отвѣтахъ на вопросникъ отвѣты въ родѣ того, что «солнце внизу кажется больше, чѣмъ при высокомъ положеніи потому, что наверху его нельзя ни съ чѣмъ сравнивать въ силу его яркости». Точно также можно замѣтить, что рѣдко кто помнитъ угловую величину солнца при высокомъ его положеніи и рѣдко даже наблюдаетъ его. Между тѣмъ, такъ же какъ въ случаѣ луны, всѣ опрошенные отвѣчаютъ, что солнце у горизонта гораздо больше, чѣмъ высоко на небѣ. При принятіи нашего толкованія это объяснить легко, такъ какъ, наблюдая солнце даже только у горизонта, можно составить себѣ представленіе о томъ, что оно «громадно», а затѣмъ сравнить эту величину съ величиной солнца, представляя его уже на открытомъ небесномъ сводѣ.

Разсмотримъ же въ подробности фазы, которыя проходитъ воспринимающее познаніе въ созданіи всей цѣликомъ иллюзіи. Какъ мы намѣтили, иллюзія распадается на три акта: актъ ассимиляцій представлений для свѣтила у горизонта; такой же независимый актъ для свѣтила при высокомъ положеніи на небѣ и, наконецъ, актъ логическаго сопоставленія представлений о свѣтилѣ съ опусканіемъ всѣхъ ассимилированныхъ съ нимъ представлений въ томъ и другомъ случаѣ.

Какъ указываетъ Wundt ¹⁾, иллюзія увеличенія по своему образованію должна быть отнесена къ роду ассимиляціонныхъ ассоціацій, въ которомъ съ данными непосредственнаго воспріятія ярко ассимилируются воспроизводимыя въ умѣ представленія. Какъ указываетъ Wundt, въ большинствѣ случаевъ зрительныхъ иллюзіей ассимилирующее дѣйствіе должно распространяться на очень многія отдѣльныя представленія, отличающіяся другъ отъ друга многими свойствами; на процессъ ассимиляціи поэтому, по мнѣнію Wundt'a, нужно смотрѣть какъ на такой процессъ, при которомъ на сознание воздѣйствуетъ не опредѣленное отдѣльное представленіе, и даже не опредѣленное соединеніе элементовъ

¹⁾ Wundt. Grundriss der Psychologie, 5-e Aufl. 1902. S. 276 u. ff.

представлений, но обыкновенно огромное множество такихъ соединеній, которыя, будучи взяты въ своей совокупности, должны совпадать съ новымъ впечатлѣніемъ только приблизительно ¹⁾).

Вообще, въ нормальныхъ зрительныхъ воспріятіяхъ ассимиляціи происходятъ такъ, что непосредственно воспринимаемые элементы получаютъ большій перевѣсъ надъ элементами воспроизведенными. Но въ тѣхъ случаяхъ, какъ указываетъ Wundt, когда происходитъ иллюзія, этотъ перевѣсъ исчезаетъ и даже процессъ начинается становиться обратнымъ: тогда воспроизведенныя представленія получаютъ большую силу и значительно дополняютъ непосредственное представленіе объекта ²⁾).

Такъ думаетъ объяснить психологическую сторону образованія иллюзіи Wundt. Однако, придерживаясь его же терминологіи, мы думаемъ расширить это объясненіе и полагаемъ, что иллюзія создается вовсе не одной ассимиляціей представленій, но и complicationей послѣднихъ, иначе говоря, ассоціациями между представленіями различнаго происхожденія. вмѣстѣ съ зрительными представленіями въ разсматриваемой иллюзіи complicируются и мускульно-двигательныя представленія, которыя иногда играютъ большую роль въ созданіи иллюзіи.

Въ первомъ актѣ иллюзіи, при положеніи луны у горизонта съ воспріятіемъ зрительнаго образа луны ассимилируются представленія о находящихся у горизонта предметахъ, извѣстныхъ намъ по своей абсолютной величинѣ. Такъ, если на горизонтѣ мы видимъ знакомый намъ большой предметъ, напр., дерево или домъ, но на такомъ разстояніи, что уголъ зрѣнія этого предмета не отличается или даже меньше поперечника луны, то мы считаемъ луну «колоссальной», такъ какъ въ этомъ случаѣ съ представленіями о величинѣ извѣстнаго намъ объекта ассимилируется и воспринимаемый зрительный образъ, при чемъ сюда въ неявномъ видѣ входитъ и представленіе о равенствѣ абсолютныхъ величинъ при равномъ разстояніи и равныхъ угловыхъ значеніяхъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что намъ вовсе не нужно для нашего объясненія прибѣгать къ иллюзорному «отдаленію» луны у горизонта, что дѣлають всѣ сторонники психологическихъ толкованій.

¹⁾ Ibid., S. 279.

²⁾ Ibid., S. 280.

иллюзіи. Мы принимаемъ факторъ сравненія лишь въ видѣ сравненія величинъ извѣстныхъ предметовъ на горизонтѣ съ дискомъ свѣтила, а вовсе не въ смыслѣ увеличенія разстоянія свѣтила отъ насъ. Намъ приходилось, производя болѣе сотни опросовъ лично, отъ очень многихъ слышать, что луна при восходѣ «кажется больше, потому что она кажется ближе». Между тѣмъ по теоріи сравненія должно происходить совершенно обратное.

Zoth, руководясь другими цѣлями, опросилъ также около сотни лицъ различныхъ профессій и возрастовъ относительно того, кажется ли имъ луна у горизонта ближе или дальше и получилъ безъ исключенія всѣ отвѣты съ утвержденіемъ, что луна кажется у горизонта ближе, чѣмъ при высокомъ положеніи на небѣ ¹⁾. Такимъ образомъ иллюзія получается не отъ увеличенія разстояній, а исключительно отъ сравненія абсолютныхъ величинъ. И это предположеніе еще болѣе усиливается тѣмъ интереснымъ фактомъ, что лица мало интеллигентныя, но наблюдательныя, которыхъ намъ приходилось спрашивать, большею частью стараются выразить угловую величину восходящей луны въ линейныхъ единицахъ, указывая на то, что луна имъ кажется величиною «въ аршинъ», «въ сажень», въ «цѣлый домъ». Этотъ интересный фактъ приводитъ, какъ очень часто наблюдаемый, извѣстный астрономъ-популяризаторъ Flammarion въ своей «Живописной астрономіи» ²⁾, указывая на то, что подобныя сравненія очень часто ему приходится выслушивать отъ слушателей его публичныхъ лекцій.

Всѣ эти соображенія говорятъ въ пользу того, что сравненіе производится у горизонта не по разстоянію, а по абсолютной величинѣ объектовъ сравненія. Будетъ ли на горизонтѣ лѣсъ, отдаленныя строенія, скалы, холмы—все это сравнивается съ перечникомъ луны по угловой величинѣ и затѣмъ ассимилируется съ абсолютной въ представленіи о размѣрѣ луны. Въ случаѣ же высокихъ горъ, ущелья или глубокой котловины, что мы имѣли съ жителями Кавказа, предметы, изъ-за которыхъ восходитъ свѣтило, настолько близки, что луна, напр., при восходѣ по углу занимаетъ только часть небольшого дерева, скалы и т. д., а потому и оцѣнивается не большою, а маленькою, даже меньше,

¹⁾ O. Zoth. Op. cit. S. 390 u. f.

²⁾ Flammarionъ. «Живоп. астр.» рус. пер. 1900 г. стр. 88.

чѣмъ при положеніи на открытомъ небесномъ сводѣ. Итакъ, въ то время какъ сильно гористая мѣстность уничтожаетъ иллюзію, холмистая и слегка неровная мѣстность даетъ maximum иллюзіи. Промежуточное же значеніе получаетъ иллюзія, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ нами чиселъ, при открытомъ горизонтѣ на морѣ или въ степи.

Существованіе хотя и уменьшенной иллюзіи въ совершенно открытой мѣстности заставляетъ насъ дополнить существованіе ассимиляціи зрительныхъ представленій complicationей зрительныхъ и мускульно-двигательныхъ представленій. Когда мы видимъ луну или солнце восходящими изъ-за моря, то ассимиляціи зрительныхъ представленій уже не происходятъ такъ ярко съ представленіями о размѣрахъ предметовъ сравненія; здѣсь сравненіе производится уже не съ предметами, находящимися налицо, а съ предметами, воспроизведенными въ этихъ условіяхъ по памяти изъ всего того запаса опытныхъ данныхъ, который мы имѣемъ.

Ассимиляція въ этомъ случаѣ воспріятія измѣняется только по своей яркости и ясности, такъ какъ вмѣсто наличныхъ предметовъ сравненія мы должны пользоваться воспроизведенными по памяти образами, которые легко вызываются complicationями мускульно-двигательныхъ и зрительныхъ представленій.

Потеря яркости въ этихъ ассимиляціяхъ и complicationяхъ и отражается на уменьшеніи величины иллюзіи, какъ мы видѣли на среднихъ числахъ показаній опрошенныхъ лицъ. Но невѣрно предположеніе противниковъ теоріи сравненія, которые утверждаютъ, будто отсутствіе предметовъ сравненія должно по теоріи сравненія совершенно уничтожить иллюзію. Невѣрно также и утвержденіе защитниковъ теоріи сравненія въ родѣ Lechalas, для которыхъ открытый горизонтъ даетъ впечатлѣніе безконечности и такимъ образомъ «удаляетъ» свѣтило. На нашъ взглядъ удаленіе тутъ опять таки не должно играть роли; изъ всего прошлаго опыта мы всегда имѣемъ ассимиляціи и complicationи для представленія о разстояніи горизонта и абсолютныхъ величинахъ знакомыхъ намъ предметовъ при ихъ удаленіи на горизонтѣ. Здѣсь существуетъ «большая посылка» Helmholtz'a и при отсутствіи наличнаго объекта сравненія; и подъ эту большую посылку, данную намъ всѣмъ предшествовавшимъ опытомъ, мы подводимъ въ видѣ малой посылки зрительное ощущеніе на-

ходящейся у горизонта луны. И хотя выводъ тутъ слабѣе, чѣмъ при наличности предмета сравненія, однако онъ совершенно аналогиченъ выводу при послѣднихъ условіяхъ.

Вторая группа ассимиляцій совершенно независимо отъ разсмотрѣнной только что образуется при высокомъ положеніи луны на небѣ. Здѣсь сравненіе нѣсколько проще, такъ какъ для сравненія берутся элементы однородные — небесный сводъ и часть его въ видѣ луннаго диска; и на основаніи психологическаго закона относительности мы приходимъ къ представленію о лунѣ, какъ о незначительной части небеснаго свода. И мы видимъ, что въ случаѣ съ жителями горныхъ странъ, для которыхъ сводъ небесный кажется замкнутымъ окружающими горами, дискъ луны кажется, наоборотъ, не маленькимъ, а большимъ, такъ какъ въ подобномъ случаѣ луна уже занимаетъ не такую малую часть небеснаго свода, какъ это имѣетъ мѣсто на открытомъ горизонтѣ.

Но нужно указать здѣсь и на другой важный факторъ сравненія, который уже дѣйствуетъ не такъ какъ въ прошломъ случаѣ, а производитъ опять-таки ассимиляцію полученнаго непосредственно представленія съ представленіями наличныхъ предметовъ сравненія или съ представленіями воспроизведенными. Этотъ факторъ заключается въ слѣдующемъ. Когда мы наблюдаемъ свѣтило при высокомъ его положеніи, то на линіи зрѣнія могутъ находиться только близкіе предметы сравненія. А въ такомъ случаѣ свѣтило занимаетъ по угловой величинѣ только небольшую часть этого предмета сравненія; мы видимъ высоко находящуюся луну изъ-за стоящаго около насъ зданія, дерева и т. д., при чемъ луна кажется меньше карниза, вѣтки и т. д. Между тѣмъ на горизонтѣ луна можетъ покрыть дискомъ все дерево или зданіе цѣликомъ. Къ этому случаю подходитъ въ смыслѣ подтвержденія соображеніе Filehne, которымъ послѣдній, наоборотъ, думалъ опровергнуть теорію сравненія; какъ мы указывали, Filehne считаетъ, будто сравненіе свѣтила на горизонтѣ съ различными большими предметами можетъ дать представленіе скорѣе о небольшихъ размѣрахъ луны, чѣмъ о значительныхъ. Но, какъ легко видѣть, это соображеніе вѣрно именно не для горизонтальнаго свѣтила, а для высокаго его положенія на небѣ; при высокомъ положеніи свѣтило занимаетъ небольшую угловую часть близъ находящагося пред-

мета, а потому и дѣйствительно считается нами какъ маленькое, незначительное по своимъ размѣрамъ. Эти наши соображенія подтверждаются и другимъ примѣромъ Filehne, въ которомъ послѣдній упоминаетъ о кажущемся уменьшеніи диска солнца при высокомъ положеніи во время тумана. Соглашаясь съ нимъ въ томъ, что туманъ увеличиваетъ кажущіеся размѣры темныхъ предметовъ и уменьшаетъ размѣры свѣтлыхъ, благодаря исчезновению явленія иррадіаціи,—соглашаясь съ этимъ, мы можемъ легко видѣть, что при наблюденіи въ туманѣ уменьшеннаго свѣтила изъ-за увеличеннаго темнаго силуэта близъ расположеннаго зданія получается большой контрастъ размѣровъ сравниваемыхъ величинъ, а потому и особенно сильное иллюзорное уменьшеніе свѣтила. Сюда относятся и случаи наблюдаемаго уменьшенія диска луны во время затменія, о которыхъ мы раньше упоминали.

Но уменьшеніе свѣтила при высокомъ положеніи происходитъ не только тогда, когда въ наличности есть близкіе предметы сравненія. Актъ ассимиляціи воспринимаемыхъ впечатлѣній съ воспроизведенными остается и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ наличности нѣтъ предмета сравненія, но есть легко воспроизводимое представленіе о предметѣ, которое и ассимилируется съ образомъ воспринимаемымъ. Поэтому легко видѣть, что вся имѣющаяся въ насъ сумма опыта ассоциируетъ горизонтальное свѣтило съ далекими предметами сравненія, а высоко находящееся свѣтило съ близъ лежащими предметами. И на гладкомъ мѣстѣ при отсутствіи какъ далекихъ предметовъ, такъ и близкихъ въ болѣе блѣдномъ видѣ подобное ассоціированіе все же происходитъ; и въ случаѣ наблюденій свѣтилъ сквозь дымчатая стекла, когда для наблюдателя предметы сравненія отсутствуютъ, воспроизведенныя представленія изъ комплекса предшествующаго опыта все-таки продолжаютъ въ большей или меньшей силѣ ассимилироваться и комплицироваться съ даннымъ зрительнымъ образомъ свѣтила. Отсюда ясно, почему методъ дымчатыхъ стеколъ не могъ дать никому точныхъ результатовъ; если примѣнять его при насильственномъ элиминированіи возникающихъ ассоціацій, то можно получить отсутствіе иллюзіи; если же не прибѣгать къ подобному непривычному состоянію воспріятія, то иллюзія можетъ не исчезнуть, но варіироваться по своей величинѣ.

Методъ зеркалъ также подтверждаетъ наше толкованіе; когда онъ примѣненъ такъ, какъ примѣнялъ его Helmholtz безъ значительнаго удаленія зеркала отъ глаза наблюдателя,—тогда мы не получаемъ иллюзіи, такъ какъ сравненіе не происходитъ; въ опытахъ же Zoth'a, при которыхъ зеркало маскировалось въ отдаленіи между деревьями и на темномъ фонѣ, иллюзія имѣла мѣсто отчасти отъ непосредственнаго сравненія, отчасти отъ ассимиляцій образа съ воспроизведенными представленіями.

Опыты Reimann'a надъ измѣреніемъ величины иллюзіи также оправдываютъ наши соображенія. Какъ мы указывали, Reimann нашель, что иллюзія при переходѣ отъ горизонта къ зениту мѣняется свой знакъ; свѣтило у горизонта кажется больше, а у зенита меньше той величины, которую должно имѣть свѣтило при отсутствіи иллюзіи. При нашемъ предположеніи подобное измѣненіе иллюзіи должно непремѣнно имѣть мѣсто. Если бы луна, напримѣръ, только казалась у горизонта больше, чѣмъ у зенита, то было бы непонятно на основаніи другихъ теорій, почему она не кажется намъ въ одномъ изъ этихъ положеній нормальной, а въ другомъ меньше или больше этой нормальной величины. Но приводимая нами теорія требуетъ именно перемѣны знака иллюзіи; по этой теоріи луна у горизонта не «больше», а «большая». У зенита она не меньше, а маленькая. И не сознавая ассоціаціонныхъ факторовъ при своихъ наблюденіяхъ, Reimann при горизонтальномъ положеніи свѣтила видѣлъ его «большимъ» и подбиралъ соотвѣтственную угловую величину сравниваемого диска, а при кульминаціи видѣлъ луну «маленькой» также въ силу бессознательныхъ ассоціаціонныхъ процессовъ. Результаты же опыта въ силу логической ошибки элиминированія среднихъ членовъ сравненія, онъ считалъ результатами сравненія разстоянія отъ мѣста наблюденія до свода въ зенитѣ съ разстояніемъ до горизонта.

Легко видѣть, что указанная двѣ группы ассоціированныхъ представленій—независимы другъ отъ друга. Но наше разсудочное познаніе не признаетъ «двѣ луны», воспріятыя при различныхъ условіяхъ. Оно связываетъ и ту и другую группу въ одно цѣлое, при чемъ существенные признаки восходящей и высокой луны приписываетъ одному и тому же объекту сужденія—лунѣ. Выдѣленіе же этихъ признаковъ величины, при сочетаніи ихъ въ представленіе о лунѣ вообще, приводитъ къ

тому, что отъ всѣхъ элементовъ обѣихъ группъ остается только представленіе о «большемъ» и «меньшемъ», которое и относится къ свѣтилу безъ отношенія къ тѣмъ элементамъ, которые вліяли на образованіе подобнаго представленія. И потому выраженіе «луна на горизонтѣ кажется больше, чѣмъ у зенита» невѣрно логически и представляетъ ошибку сужденія.

Все приведенное вѣрно, конечно, и для созвѣздій.

Примѣръ подобнаго обмана сужденія не единственъ; такъ, если спросить кого угодно, когда ему луна кажется слабѣе въ интенсивности свѣта: — при дневномъ освѣщеніи, или ночью, то всякій, безъ сомнѣнія отвѣтитъ, что днемъ луна менѣе ярка, чѣмъ ночью. Такимъ образомъ и здѣсь промежуточные члены сравненія—свѣтъ солнца днемъ и ночная темнота ночью исключаются, а сравненіе происходитъ непосредственно между интересующими насъ объектами. И вообще, схематически можно сказать, что въ психологической своей части иллюзія построена на контрастѣ, которому въ иллюзіяхъ, напримѣръ, Helmholtz и Lipps придаютъ большое значеніе; въ конечномъ же актѣ воспріятія эти психологическіе мотивы приводятъ уже къ логической ошибкѣ.

Такимъ образомъ, ясно, что причины иллюзіи—сначала психологическія, а затѣмъ и логическія. И, по нашему мнѣнію, ошибка большинства теорій, приведенныхъ нами, заключалась именно въ томъ, что въ нихъ причина предполагалась, если не физиологическая, то исключительно психологическая и въ ассимиляціи представлений о восходящемъ свѣтилѣ принимались входящими и представленія о высоко стоящей лунѣ, что, какъ мы видѣли, совершенно неправильно.

А. М. Селитренниковъ.

Критика метагеометрических обобщений ¹⁾:

Здѣсь затрогивается лишь тотъ общій смыслъ, который геометры вкладываютъ или могутъ вложить въ свои обобщенія.

Послѣднія представляютъ систему взаимно обусловленныхъ, логически совмѣстныхъ понятій. Поэтому поставленная задача позволяетъ разсматривать подробности метагеометрическихъ учений, какъ систему возможныхъ доказательствъ одной общей мысли. Но такъ какъ въ примѣненіи къ общему вопросу—объ апіорности аксіомъ метагеометріа является гносеологическимъ ученіемъ, то вопросъ о цѣнности, смыслѣ и силѣ ея заключеній рѣшается на основаніи ихъ логической совмѣстности съ понятіями и заключеніями теоріи познанія и психологіи, какъ матеріала первой ²⁾.

I.

Общее значеніе метагеометрическихъ обобщеній сводится къ тому, что они являются основаніемъ аргумента, направленнаго

¹⁾ Мы избѣгали изложенія элементарныхъ подробностей метагеометрическихъ теорій: это мѣшало бы нашей задачѣ. Совершенно неподготовленнаго читателя отсылаемъ къ прекраснымъ статьямъ проф. Челпанова «Неогеометрія и ея значеніе для теоріи познанія» («Вопросы философіи», кн. (62—65), вошедшимъ безъ измѣненій въ книгу «Проблема воспріятія пространства», т. II, гл. VII, и къ книгѣ г. В. Кагана «Очеркъ геометрической системы Лобачевскаго». Статьи пр. Челпанова даютъ возможный minimum подготовки и излагаютъ предметъ замѣчательно ясно и съ достаточной для философскихъ цѣлей полнотой.

²⁾ Такъ, напр., поступаетъ Рёссель въ «The foundations of Geometry» (французское изданіе этой книги «Essai sur les fondements de la géometrie»). Но онъ себѣ не уясняетъ отношенія математической возможности къ гносеологической, и поэтому не всегда понятно, какое изъ началъ является рѣшающимъ.

противъ апіорности нашихъ геометрическихъ понятій, который въ общей формѣ можетъ быть формулированъ такъ: «если мыслимы системы геометрическихъ свойствъ, отличныя отъ эвклидовой, но равноправныя съ ней, т.-е. свободныя отъ внутренняго противорѣчія и подобныя по строенію, то наша геометрія и наши пространственныя представленія не необходимы» ¹⁾. Это положеніе будемъ для краткости называть основнымъ аргументомъ или аргументомъ мыслимости.

Этотъ аргументъ получаетъ разные оттѣнки благодаря измѣненіямъ смысла либо основанія, либо слѣдствія.

Въ зависимости отъ второго аргументъ принимаетъ иной видъ, во-1-хъ, когда вопросъ объ истинности геометріи замѣняется вопросомъ объ удобствѣ ея приложенія къ пространству (Махъ, Пуанкаре и др.) ²⁾.

Представители этого мнѣнія желаютъ рѣшить вопросъ, уничтоживъ его. Но предложенная замѣна все же не уничтожаетъ вопроса, на чемъ основана достовѣрность нашихъ геометрическихъ представленій, не совпадающая ни по содержанію, ни по характеру съ достовѣрностью опытныхъ фактовъ. И если указанная общая постановка аргумента объясняетъ достовѣрность нашей геометріи наибольшимъ удобствомъ приложенія, то этимъ предлагается въ сущности подновленное ученіе Милля о гипотетической приложимости математики къ опыту, — ученіе, оспоренное не разъ ³⁾. (Существенное возраженіе теоріи удобства содержится здѣсь, въ концѣ II главы.)

Частнымъ основаніемъ приведенной аргументаціи является проективное понятіе разстоянія. Такъ какъ послѣднее зависитъ отъ выбора двухъ точекъ, которыя съ двумя заданными точками могутъ дать необходимое ангармоническое отношеніе, то раз-

¹⁾ Ср. съ формулировкой Риманна. «Ueber die Hypothesen, die der Geometrie zu Grunde liegen». (Riemann's gesammelte Werke, s. 272—273, переводъ въ сборникѣ статей объ основаніяхъ геометріи, изданномъ въ Казани).

²⁾ Пуанкаре «Объ основныхъ гипотезахъ геометріи» (стр. 121 перевода въ казанскомъ сборникѣ), гдѣ онъ сравниваетъ выборъ геометріи для приложенія къ нашему пространству съ выборомъ координатъ. (см. также у Кагана, I. с., с. 211). Это мнѣніе, навѣянное ученіемъ Авенаріуса, Пуанкаре называетъ избитой истиной, на которой онъ не желаетъ останавливаться (*ibidem*).

³⁾ Л. Саминскій «Къ вопросу объ основаніяхъ ариѳметики», § 7 «Вопросы философіи», кн. 82.

стояніе является переменнымъ комплексомъ, и выборъ его вида зависитъ отъ удобства приложенія.

Эти соображенія и понятія разстоянія, на которое они опираются, были превосходно разбиты Ресселемъ, показавшимъ, что проективное понятіе разстоянія—отношеніе четырехъ точекъ—не только не исключаетъ метрическаго понятія разстоянія, гдѣ отношеніе двухъ точекъ произвольно, но должно предваряться этимъ метрическимъ понятіемъ («Essai sur les fondements de la geometrie», § 37).

Слѣдствіе основного аргумента измѣняется и такимъ образомъ, что *не всѣ* наши пространственныя представленія необходимы, если возможны иныя геометріи. Необходимы лишь аксіомы, общія геометріямъ эвклидовой и не-эвклидовой, напр., чтобы число измѣреній было опредѣленно, но не необходимо, чтобы ихъ было три ¹⁾.

Эта поправка не измѣняетъ сущности основного аргумента и связанныхъ въ немъ понятій. Смыслъ и сила этой аргументаціи не измѣнились бы, коль скоро ея слѣдствіе относилось бы хотя къ одному признаку эвклидова пространства или къ одной эвклидовой аксіомѣ. Но помимо этого послѣдняя поправка противорѣчитъ исходнымъ фактамъ теории познанія. На частныхъ аксіомахъ лежитъ отпечатокъ достовѣрности не меньшей силы и не иного характера, чѣмъ на общихъ аксіомахъ. Наиболѣе ограниченная въ примѣненіи аксіома параллельности (постулатъ Эвклида) обладаетъ непосредственной достовѣрностью не меньшей силы, чѣмъ наиболѣе общая аксіома о необходимости конечнаго числа измѣреній. Вотъ почему послѣдней изъ указанныхъ постановокъ основного аргумента не можетъ быть. Если хоть одна аксіома не необходима только на основаніи этой аргументаціи, то и всѣ не необходимы.

Итакъ, аргументація въ пользу эмпирическаго ученія объ аксіомахъ, поскольку ея основаніемъ служатъ чисто математическія обобщенія, можетъ имѣть только поставленное въ началѣ прямолинейное выраженіе.

Основной аргументъ имѣетъ однако три вида, въ зависимости отъ истолкованія равноправія геометрическихъ системъ.

¹⁾ Такого убѣжденія Рессель и г. Челпановъ, Russel, Essai §§ 143—179, Челпановъ, I. с. II, гл. VIII.

Системы, равноправныя лишь логически,—потому, что онѣ вообще возможны, даютъ основаніе аргументу чистой мыслимости. Системы, равноправныя аналитически, поскольку имѣютъ подобное и логически совмѣстное аналитическое содержаніе, даютъ основаніе аргументу мыслимости, иллюстрированному аналитически. Наконецъ, системы, равноправныя гносеологически, поскольку допускаютъ представимое геометрическое толкованіе, даютъ основаніе аргументу конкретной возможности.

а) Если бы чистая или отвлеченная мыслимость иныхъ пространственныхъ системъ, одна мысль объ ихъ возможности служила доводомъ противъ апіорности эвклидова пространства, то вообще не были бы возможны никакія апіорныя, безусловно достовѣрныя сужденія: съ какой бы силой ихъ ни обосновывали, отвлеченная мыслимость обратнаго доказывала бы, что такое сужденіе получено изъ опыта.

Однако можно себѣ представить системы, построенныя на одномъ отрицаніи необходимости эвклидовыхъ понятій, т.-е. на чистой возможности обратныхъ понятій по отношенію ко всякому признаку нашего пространства.

Вполнѣ, напримѣръ, возможны абстрактно системы пространствъ перемѣнной кривизны. Доведя отрицаніе до логическаго конца, можно мыслить пространственныя системы, гдѣ линіи не образованы движеніемъ точки: такая система получается, если въ ея основаніе положить существованіе функціи, не имѣющей дифференціала, напр. функціи Вейерштрасса, суммирующей нѣкоторый рядъ,

$$\sum_{n=0}^{\infty} b^n \cos(a^n x \pi)$$

гдѣ x вещественная произвольная перемѣнная, a —нѣкоторое цѣлое число, b —положительная постоянная меньше единицы, при условіи, что $ab > 1 + \frac{3}{2} \pi$ 1).

Можно мыслить пространства, какъ группы ∞^2 положеній кривыхъ, выраженныхъ въ такого рода функціяхъ; въ такихъ пространствахъ, по слѣдствію изъ теоремы Лагранжа, не всякое положеніе допускало бы касательную.

1) Killing «Einführung in die Grundlagen der Geometrie», I Band, s. 172.

Дальше будет показано, что такія пространственныя системы являются гносеологическимъ абсурдомъ. Смыслъ же ихъ логическаго равноправія лишь тотъ, что онѣ констатируютъ общій законъ логически возможнаго, начало дизъюнкціи: «всякое предложеніе или принимается, или отвергается» ¹⁾. Можетъ ли то, что построено на одномъ отрицаніи нѣкотораго положенія, опровергать его необходимость лишь въ силу этого построенія?

Отвлеченная возможность иныхъ системъ сама по себѣ не можетъ служить аргументомъ противъ необходимости евклидовой системы. Аргументъ чистой мыслимости имѣетъ не больше существенной доказательной силы, чѣмъ самое существованіе логической дизъюнкціи, такъ какъ абстрактная возможность есть сама дизъюнкція.

β) Основной аргументъ можетъ быть иллюстрированъ аналитической картиной возможныхъ системъ геометрическихъ отношеній, подобныхъ по строенію и логически совмѣстныхъ; такія иллюстраціи считаются доказательствомъ равной возможности этихъ геометрій.

Такъ, элементъ разстоянія, выраженіе котораго лежитъ въ основаніи геометріи, опредѣляется функциями отъ дифференціаловъ координатъ во всякомъ пространствѣ постоянной кривизны; напр., выраженіе элемента дуги въ четырехмѣрномъ пространствѣ $ds = \sqrt{dx^2 + dy^2 + d\chi^2 + du^2}$, аналогичное извѣстному выраженію употребительной геометріи.

Уравненія, выведенныя для плоскаго псевдосферическаго треугольника, отличаются отъ уравненій сферическихъ треугольниковъ только тѣмъ, что значеніе ихъ сторонъ заключаютъ мнимаго множителя; они мѣняютъ видъ, лишь когда вводятъ функцию угла параллельности [напр., $\sin A : \sin B = \cot \Pi(a) : \cot \Pi(b)$] и гиперболическія функціи ²⁾. Вообще, исключивъ изъ совокупности евклидовыхъ аксіомъ аксіому безконечности прямой и постулатъ, можно построить тригонометрическія системы пространствъ постоянной кривизны всѣхъ трехъ типовъ (эллиптическаго, параболическаго и гиперболическаго), что является ихъ яркой иллюстраціей ³⁾.

¹⁾ Въ традиціонной логикѣ—законъ исключеннаго третьяго.

²⁾ Бельтрами «Saggio di interpretazione della geometria non-euclidea», IV отрывокъ (Giornale di matematiche, 1868, t. VI).

³⁾ Такое построение можно видѣть у Killing'a «Einführung in die Grundlagen der Geometrie», B. I, § 24.

Но имѣеть ли въ какомъ бы то ни было отношеніи доказательную силу сама возможность такихъ аналитическихъ картинъ возможныхъ геометрій? Предположеніе, которое, расширяя математическое понятіе, отнимаетъ у него почву чувственного опыта, допускаетъ не одну иллюстрацію, единственно возможную и единственно соотносительную съ отвлеченнымъ построениемъ.

Аналитическая картина соотношеній комплексныхъ количествъ иллюстрируется геометрической теоріей векторовъ; но станетъ ли кто-либо доказывать, что это соотношеніе необходимо и не является результатомъ подбора, какъ и вообще построеніе алгебраическихъ формулъ? Разъ иллюстрированныя понятія не имѣютъ соотносительныхъ фактовъ въ опытѣ, выборъ иллюстраціи содержитъ нѣкоторую произвольность.

Этотъ доводъ парируется, на первыйгъ взглядъ, замѣчаніемъ, сдѣланнымъ Лобачевскимъ, правда—по другому случаю.

Какъ извѣстно, псевдосферическая геометрія иллюстрируетъ свои аналитическіе результаты, раскрывая нѣкоторыя квадратуры (значенія опредѣленныхъ интеграловъ). Лобачевскій замѣчаетъ, что тотъ же смыслъ имѣютъ приложенія употребительной геометріи къ анализу безконечно малыхъ ¹⁾. Это такъ! Но помимо того, что интегралы, квадратуемые геометріей Лобачевского, искусственно подобраны, приложеніе употребительной геометріи къ анализу тоже построено на условностяхъ аналитической геометріи, т.-е. и здѣсь выборъ иллюстраціи содержитъ произвольность.

Поэтому возможность аналитическихъ картинъ, показывая возможность не иныхъ геометрій, а лишь иныхъ системъ формулъ, кромѣ эвклидовой, сама по себѣ не поддерживаетъ основного аргумента.

Фактъ логической совмѣстности этихъ картинъ имѣеть не больше доказательной силы.

Эта совмѣстность формулируется въ классическомъ разсужденіи, которое въ связи съ метагеометрическими построениями показываетъ независимость постулата отъ другихъ аксіомъ Эвклида: если данная система понятій X можетъ быть связана съ заключеніемъ y и съ противоположнымъ ему заключеніемъ z , то системы Xy и Xz не заключаютъ противорѣчія, и ни одно изъ по-

¹⁾ Полное собраніе сочиненій, т. I, стр. 121.

ложеній x и y не имѣетъ необходимости ¹⁾. Напр., Лобачевскій, опредѣляя аналитически функцію угла параллельности уравненіемъ $\cot \frac{1}{2} \Pi(x) = e^x$, выводитъ уравненія псевдосферическихъ треугольниковъ, и найдя, что эти уравненія совмѣстны съ условіями существованія треугольника (системой X), доказываетъ этимъ справедливость своей геометріи ²⁾.

Но согласіе системы Xy , гдѣ y есть уравненіе $\cot \frac{1}{2} \Pi(x) = e^x \neq 1$, гиперболической геометріи, съ системой Xz , гдѣ z есть уравненіе $\cot \frac{1}{2} \Pi(x) = 1$ параболической геометріи, имѣетъ источникомъ предпосылку, которая замѣняетъ понятіе прямолинейнаго треугольника понятіемъ геодезическаго треугольника, или связанную съ этимъ предпосылку, что черезъ точку внѣ данной прямой можно провести не одну съ ней параллельную и не провести ни одной. Развитие этихъ предпосылокъ есть развитіе дизъюнкціи:

$$\cot \frac{1}{2} \Pi(x) = 1 \quad \cot \frac{1}{2} \Pi(x) \neq 1;$$

оно реализуетъ, т.-е. перечисляетъ въ системахъ формулъ все логически возможное въ сферѣ геометрическихъ отношеній. Поэтому совмѣстимость аналитическихъ построеній не усиливаетъ аргумента чистой мыслимости ни въ какой степени.

γ) Для конкретной возможности явленій недостаточно одного присутствія въ представленіи; для возможности пространства представимость есть достаточное условіе. Поэтому, если бы математическія обобщенія показали возможность системъ пространственныхъ представленій, отличныхъ отъ эвклидовой системы и гносеологически равноправныхъ съ ней, они дали бы основной аргументаціи дѣйствительную силу. Къ этой цѣли ближе всего знаменитыя разсужденія Гельмгольца, связанные съ результатами, достигнутыми Бельтрами, и данная Гельмгольцемъ картина ощущеній у зрителя съ нашимъ глазомѣромъ, попавшимъ въ псевдосферическое пространство ³⁾.

¹⁾ См. Лобачевскій, I. с., стр. 67; Killing, I. с., V. I, s. 11. Срав. съ изложеніемъ В. Кагана, I. с. стр. 184.

²⁾ Воображаемая геометрія (полное собраніе, стр. 76 и дальше).

³⁾ Бельтрами, мемуаръ «Saggio», ibidem, стр. 287 и далѣе. Helmholtz «Ueber den Ursprung und die Bedeutung der geometrischen Axiomen» (Vorträge und Reden, II Band, s. 26 u. w.).

Извѣстные возраженія, сдѣланныя этому сильнѣйшему аргументу метагеометри, который долженъ былъ доказать представимость не-евклидовыхъ пространствъ, достаточно раскрыли слабость этого аргумента ¹⁾. Потому изложимъ этотъ пунктъ сжато, избѣгая по возможности повтореній.

Картина Гельмгольца показываетъ, что между пространственными объектами, кривыми и плоскими, существуетъ то же соотношение, какое установлено для фигуръ плоской и кривой поверхности извѣстной задачей Бельтрами (о перенесеніи точекъ кривой поверхности на плоскость такъ, чтобы геодезическимъ поверхности соотвѣтствовали прямыя на плоскости ²⁾). Возможность представить себѣ установленныя такимъ способомъ соотношенія психологи считаютъ доказательствомъ представимости если не пространства, то пространственныхъ отношеній, отличныхъ отъ евклидовыхъ ³⁾.

Смысль и цѣнность аналогій въ указанной парѣ соотношеній,—аналогій, основанныхъ на одномъ лишь математическомъ и искусственномъ обобщеніи, показанъ дальше (гл. III). Но помимо этого описаніе Гельмгольца нисколько не изображаетъ иныхъ пространственныхъ отношеній.

Представимъ себѣ существа, живущія на шаровой поверхности или въ сферическомъ пространствѣ. Вопреки положеніямъ сферической геометріи, они въ сущности обладали бы представленіемъ параллельныхъ. Эту роль играла бы каждая геодезическая съ ея кривой равныхъ разстояній (по нашему—дуги геодезической и сферической окружности, полученныя отъ сѣченія шара параллельными плоскостями); въ псевдосферическомъ пространствѣ эту роль играли бы его геодезическія съ ихъ кривыми равныхъ разстояній. (Нужно здѣсь замѣтить, что Рёссель возстаетъ противъ возможности изображеній не-евклидовыхъ отношеній въ евклидовомъ пространствѣ («Essai», гл. 68). Но наши разсужденія ничего не потеряютъ отъ того, что ихъ примутъ условно. Или изображенія не-евклидовыхъ отношеній въ евклидовомъ пространствѣ имѣютъ смыслъ, и тогда дѣйствительны наши сообра-

1) Г. Челпановъ, I. с., т. II, гл. VII заключеніе (стр. 367 и д.).

2) Надо предостеречь читателя, что здѣсь часто приходится переводить не-евклидовыя представленія на евклидовы. Но для читателя, вѣроятно, не представитъ труда опредѣлять настоящій смыслъ этихъ переводовъ.

3) Челпановъ, *ibidem*.

женія; или правъ Рёссель, и тогда не-эвклидовы пространства непредставимы).

Существа сферическаго пространства знали бы идеальныя, не мѣняющія направленія линіи, которыя всегда пересѣкаются, но знали бы и другія линіи—непересѣкающія и обладающія свойствомъ нашихъ параллельныхъ, что если дана прямая и внѣ ея, то черезъ эту точку можно провести только одну линію равныхъ разстояній отъ первой. (Такъ происходило бы и въ псевдосферическомъ пространствѣ.) Сказанныя существа говорили бы, что кратчайшія пересѣкаются въ двухъ точкахъ про тотъ же фактъ представленія, про который мы говоримъ, что дуги большихъ круговъ пересѣкаются въ двухъ точкахъ. Они говорили бы, что прямая и ея линія равныхъ разстояній не пересѣкаются про тотъ же фактъ представленія, про который мы говоримъ: геодезическая линія и сферическая окружность, полученныя отъ сѣченія параллельными плоскостями, не пересѣкаются. Отсюда ясно, что существа кривого пространства имѣли бы лишь иное геометрическое понятіе параллельности, такъ какъ его содержаніемъ является отношеніе двухъ кратчайшихъ; чувственное же представленіе параллельности, содержаніе котораго есть соотношеніе линій равныхъ разстояній, не измѣнилось бы. Слѣдовательно, описаніе Гельмгольца показываетъ лишь возможность существъ съ другими, чѣмъ эвклидовы, понятіями, вѣрнѣе—съ другимъ соотношеніемъ понятій, но не съ иными представленіями, съ иной геометрией, но не съ иной психикой ощущеній.

Наши соображенія приводятъ къ результату, для математиковъ неожиданному. Послѣдніе хотятъ показать, что при однихъ и тѣхъ же геометрическихъ понятіяхъ (прямой, параллельныхъ и др.) возможны разныя геометрическія представленія, что разныя чувственныя представленія координируются однимъ обобщеніемъ ¹⁾, а оказывается, что наоборотъ — при разныхъ геометрическихъ понятіяхъ возможны одинаковыя геометрическія представленія.

Такимъ образомъ изображеніе Бельтрами-Гельмгольцемъ псевдосферическихъ отношеній въ полномъ шарѣ эвклидова пространства не обосновываетъ представимости другихъ пространствен-

¹⁾ Формальнымъ геометрическимъ понятіемъ. См. Каганъ «Очеркъ геометрической системы Лобачевского», стр. 4 и д.

ныхъ отношеній, чѣмъ наши. Доказательство представимости сводится къ тому, что при нашемъ пространственномъ воспріятіи представимы образованія, которыя были бы нормальными при другихъ пространственныхъ отношеніяхъ.

Возьмемъ геометрическое мѣсто прямыхъ, параллельныхъ данной плоскости въ данной точкѣ псевдосферическаго пространства. Въ нашемъ представленіи это геометрическое мѣсто будетъ имѣть видъ конуса съ кривыми образующими, къ которымъ асимптомически приближается параллельная плоскость. Такое образованіе видоизмѣняетъ не отношенія нашего пространства, а лишь образы и понятія, считавшіеся нормальными. Поэтому нельзя согласиться даже съ тѣмъ мнѣніемъ, что «при помощи приѣма, указанного Гельмгольцемъ, мы можемъ достигнуть пониманія псевдосферическихъ пространственныхъ отношеній, но иносказательно, посредствомъ перевода, а не прямо» ¹⁾.

Но положимъ, что представимость иныхъ пространственныхъ отношеній была бы доказана; это ли говорить о конкретной возможности не-эвклидовыхъ пространствъ?

Такая возможность доказывается представимостью измѣненій въ качественной сторонѣ нашего воспріятія, измѣненій не измѣримыхъ, а неразложимыхъ свойствъ пространственной формы.

Надо показать представимость не объектовъ съ иными внутренними мѣровыми отношеніями, чѣмъ евклидовы, а проявленій иного порядка воспріятій. Мы же строимъ объекты не-эвклидова пространства, лишь комбинируя линейныя измѣренія евклидовыхъ объектовъ и не можемъ понять иного пространства въ смыслѣ иной формы или порядка воспріятій.

Въ вопросѣ о возможности не-эвклидовыхъ пространствъ признать доказательную силу уже за фактомъ возможности измѣненныхъ евклидовыхъ отношеній—это сдѣлать ошибку математика, который смѣшалъ бы вариацию какой-либо функціи (интеграла) съ ея дифференціаломъ. Если данная система заключеній справедлива въ предѣлахъ дифференціала функціи, которая мѣняетъ свое значеніе съ значеніемъ произвольныхъ переменныхъ (въ нашей аналогіи—измѣненныхъ пространственныхъ отношеній), то эти заключенія могутъ быть непримѣнимы къ вариации отъ функціи, гдѣ измѣняется самый видъ ея (измѣненной формы воспріятія).

* * *

¹⁾ Челпановъ, I. с., т. II, стр. 369.

Итакъ, аргументъ конкретной возможности не-эвклидовыхъ пространствъ не имѣетъ опоры въ метагеометрическихъ понятіяхъ; ихъ аналитическое содержаніе реализуетъ логически возможное лишь въ системахъ формулъ. Значитъ, аргументирующая сила метагеометрическихъ обобщеній покоится на чистой мыслимости не-эвклидовыхъ пространствъ. Смыслъ послѣдняго аргумента и его логическое безсиліе были показаны; остается выяснить гносеологическій корень этого безсилія.

II.

Если основной аргументъ въ своемъ условіи лишь повторяетъ нѣкоторую логическую дизъюнкцію, то почему такая причина лишаетъ этотъ аргументъ его доказательной силы и ограничиваетъ его приложимость?—Изъ этого вопроса исходитъ дальнѣйшее изложеніе.

* * *

Математическое понятіе пространства есть совокупность свойствъ выраженныхъ въ комплексѣ геометрическихъ аксіомъ и опредѣленій. Обобщеніе этого понятія въ метагеометріи увеличиваетъ его объемъ, отбрасывая признаки, присущіе одной лишь системѣ геометрическихъ отношеній. Такъ какъ обобщеніе оперируетъ здѣсь не опытными понятіями, указанный отрицательный ходъ не имѣетъ математически необходимой границы и, когда на отрицаніи необходимости эвклидовыхъ понятій будетъ построено высшее математическое обобщеніе, понятіе пространства лишится содержанія (пространство съ абсолютными положеніями); объемъ его достигнетъ безконечнаго числа аналитически и логически возможныхъ пространствъ. Но если такой логическій конецъ обобщенія ведетъ къ нелѣпости—пространствамъ перемѣнной кривизны, а съ другой стороны математическія обобщенія изъ возможныхъ многообразій выбираютъ лишь закономерныя и изъ нихъ лишь—постоянной кривизны, то долженъ существовать предѣлъ геометрическаго обобщенія, и оно, кромѣ условія логической возможности, должно удовлетворять еще какому-то условію. Мы покажемъ, что это условіе—гносеологическая возможность или наличность гносеологическаго смысла.

Должна существовать граница для обобщеній математическаго понятія пространства; должна существовать абсолютная часть

геометріи,—наименьшая сумма свойствъ, общихъ возможнымъ системамъ пространственныхъ отношеній,—признаковъ, безъ которыхъ понятіе пространства теряетъ смыслъ. Но существуетъ ли абсолютная часть въ математическомъ смыслѣ?

Совокупность самыхъ общихъ аксіомъ проективной геометріи не можетъ составить абсолютную часть. Этыхъ аксіомъ (по формулировкѣ Ресселя) три ¹⁾.

I. «On peut distinguer différentes parties de l'espace, mais toutes ces parties sont qualitativement semblables et ne distinguent que par le fait immédiat, qu'elles sont situées les unes en dehors des autres» ²⁾.

Но аксіома внѣположности именно благодаря крайней общности заключеннаго въ ней свойства, не выдѣляетъ понятія пространства изъ другихъ многообразій, напр., времени, многообразія одного измѣренія. Чистая форма времени тоже не знаетъ другого различія между своими моментами, кромѣ внѣположности

Свойство безконечной дѣлимости пространства (II аксіома), въ результатѣ котораго получаютъ точки, нули разстоянія, принадлежитъ и времени: въ результатѣ его дѣленія получаютъ нули времени, моменты.

III аксіома,—о томъ, что двѣ точки опредѣляютъ одну фигуру—прямую, три точки—плоскость и т. д., входитъ и въ аксіомы метрической геометріи.

Въ послѣдней абсолютная часть состоитъ изъ трехъ аксіомъ: свободной подвижности, аксіомы разстоянія или прямой линіи и аксіомы необходимости опредѣленнаго числа измѣреній ³⁾. Первая

¹⁾ Russel, Essai, Chapitre III, section A.

²⁾ «Части пространства различимы, но всѣ онѣ качественно сходны и отличаются только тѣмъ непосредственно даннымъ фактомъ, что находятся одна внѣ другой». *ibidem*.

³⁾ Russel, Essai, Chap. III Section B.

Эти же аксіомы выставляетъ Гельмгольцъ въ видѣ необходимыхъ для образованія понятія пространства допущеній, причемъ аксіома разстояній имѣетъ лишь иной видъ. «Допускается существованіе неизмѣняемыхъ системъ точекъ, т. е. между $2n$ координатами каждой пары точекъ твердаго тѣла существуетъ уравненіе, не зависящее отъ движенія тѣла и одинаковое для всѣхъ взаимно совпадающихъ паръ точекъ». «Helmholz, Ueber die Thatsachen der Geometrie» (Wissenschaftliche Abhandlungen, II Band s. 622, въ переводѣ Казанскаго сборника, стр. 86, 87).

Кромѣ указанныхъ трехъ аксіомъ, у Гельмгольца есть еще аксіома мо-

аксіома не имѣетъ математической всеобщности, ибо мыслимы и даже представимы, какъ геометрическія мѣста поверхностей переменнѣй кривизны,—пространства, для которыхъ эта аксіома недѣйствительна. Аксіома прямой линіи не имѣетъ мѣста на сферѣ для геодезическихъ, проведенныхъ между полярными точками ¹⁾. Что же касается аксіомы измѣреній, то представляемое ею свойство при отсутствіи всеобщности у первыхъ двухъ аксіомъ опредѣляетъ пространство лишь какъ функцію опредѣленнаго числа переменныхъ, что опять-таки не отдѣляетъ само по себѣ понятіе пространства отъ понятія другихъ опредѣленныхъ функций, не говоря уже о томъ, что самое понятіе измѣреній держится на условностяхъ (см. дальше III).

Слѣдовательно, аксіомы проеکتивной и метрической геометріи или не имѣютъ математической необходимости и всеобщности, или обладаютъ такою всеобщностью, при которой не могутъ опредѣлять систему свойствъ именно геометрическихъ. Вотъ почему абсолютной части геометріи въ математическомъ смыслѣ не существуетъ ²⁾.

Дальнѣйшее изложеніе покажетъ, что абсолютная часть, которая кладетъ предѣлъ геометрическимъ обобщеніямъ, построеннымъ на чистой возможности не-эвклидовыхъ отношеній, опредѣляется признаками гносеологическими или психологическими,—способностью опредѣлять законъ пространственныхъ воспріятій, а не математическими ³⁾. Поэтому абсолютная часть геометріи

нодроміи, но она содержится въ сущности въ аксіомѣ свободной подвижности (см. Софусъ Ли «Замѣчанія на мемуаръ Гельмгольца», переводъ Казанскаго сборника).

¹⁾ Klein показываетъ, что это обстоятельство зависитъ отъ причины, не связанной непременно съ положительной кривизной сферы («Ueber die sogenannte Nicht-Euclidische Geometrie», II Aufsatz, I, § 6, *Mathematische Annalen*, B. VI, s. 125).

²⁾ Поэтому доведенное до конца обобщеніе сводитъ формальную геометрическую систему на нѣтъ (см. Каганъ, I. с., стр. 4 и д.). Мы придемъ къ пространствамъ, у которыхъ, напр., не будетъ ни равенства по симметріи, ни равенства по совмѣщенію и т. д.

³⁾ Вслѣдствіе этого не совсѣмъ правильно, по-нашему, слѣдующее мнѣніе проф. Челпанова: «Ошибочно было бы думать, что доказательство «представимости» иныхъ пространственныхъ отношеній въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы представляемъ или воображаемъ себѣ наше пространство, есть задача метагеометріи. Для метагеометріи вполне достаточно было бы доказать про-

содержитъ всѣ указанная выше аксіомы метрической геометріи, несмотря на то, что ни одна изъ нихъ не имѣетъ математической необходимости.

Для того же, чтобы установить признаки абсолютной части и связанный съ ихъ существованіемъ смыслъ геометрическихъ обобщеній, необходимы нѣкоторыя подробности теоріи пространственныхъ воспріятій.

* * *

Ученіе о пространственномъ качествѣ, о протяженности сводится въ общихъ чертахъ, какъ извѣстно, къ теоріямъ нативистовъ и генетистовъ. Первые (Штумфъ, Джемсъ, Герингъ и др.) доказываютъ, что пространственное качество непроеизводно, несводимо на болѣе элементарныя части воспріятія или на его механизмъ; генетисты (Вундтъ, Липпсъ, Гельмгольцъ) доказываютъ обратное.

Правда, это различіе точекъ зрѣнія не всегда строго проводится. Напр., одинъ изъ фактовъ, говорящихъ въ пользу непроеизводности протяженнаго качества, — существованіе чисто оптического различія предметовъ малой величины (покоющимся глазомъ) признается даже англійской школой, сторонницей проиеизводности ¹⁾. Точно такъ же Лотце, который стоитъ на генетической точкѣ зрѣнія, въ вопросѣ объективированія, признаетъ первичность самаго пространственнаго порядка ²⁾. Въ этомъ онъ сходится съ нативистомъ Штумфомъ, который доказываетъ, что «въ самихъ ощущеніяхъ долженъ быть данъ ихъ порядокъ, какъ имманентное свойство ³⁾. Штумфъ же тѣмъ фактомъ, что мы можемъ опредѣлить, какому уху принадлежитъ то или другое звуковое ощущеніе, доказываетъ, что протяженность является имманентнымъ моментомъ не однихъ зрительныхъ ощущеній ⁴⁾.

Генетисты противопоставятъ соображеніямъ нативистовъ очень сильную критику—въ ней, по-нашему, вся сила генетистовъ, — но ихъ собственныя положительныя теоріи подвержены критикѣ

стую *допустимость* иныхъ пространственныхъ отношеній (I. с., II, стр. 369)». Во всякомъ случаѣ для *гносеологической* задачи, которую метагеометрія взяла рѣшить, «простая допустимость» недостаточна.

¹⁾ Челпаковъ, I. с., томъ I, стр. 49, 50.

²⁾ Ibidem, стр. 54 и д.

³⁾ Ibidem, стр. 117.

⁴⁾ Tonpsychologie, стр. 51 и д. (Челпановъ. I. с., стр. 113 и д.).

не въ меньшей степени. Такъ, ученіе Вундта рисуетъ процессъ зрительнаго воспріятія, какъ сліяніе системъ мѣстныхъ знаковъ сѣтчатки, непрерывности двухъ измѣреній, съ системой знаковъ двигательныхъ ощущеній, представляющей благодаря градуированію мускульныхъ ощущеній непрерывность одного измѣренія. Созерцаніе пространства есть такимъ образомъ вымѣриваніе системы знаковъ сѣтчатки знаками движенія ¹⁾. Это ученіе подрывается опытами Дове и Геринга, показавшими, что тѣлесность зрительныхъ ощущеній не зависитъ отъ мускульныхъ движеній глаза ²⁾. Геринговы опыты паденія являются сильнымъ аргументомъ нативизма.

Точно такъ же генетисты прекрасно разбираютъ теорію тождества сѣтчатокъ, которой нативисты хотѣли объяснить одиночное видѣніе предметовъ, выставляя противъ этой теоріи явленія бинокулярнаго спора цвѣтовъ и послѣдствія операциі косоглазія. Но когда этими же фактами генетисты (Гельмгольцъ) пытаются доказать, что пространственныя воспріятія, въ данномъ случаѣ фактъ одиночнаго видѣнія, объясняется мускульно осязательнымъ опытомъ, и что каждый глазъ воспринимаетъ разное опредѣленіе мѣста, то Штумфъ изъ того же бинокулярнаго спора цвѣтовъ превосходно выводитъ противоположное заключеніе ³⁾.

Есть еще яркій фактъ, показывающій, по нашему, что пространственныя воспріятія нельзя свести на другіе элементарные психофизиологическіе процессы. Несмотря на прерывность свѣтоощущающихъ элементовъ сѣтчатки, несмотря на существованіе слѣпago пятна, поле зрѣнія непрерывно. Объясненія, предложенныя генетистами Вундтомъ и Гельмгольцемъ ⁴⁾, неудовлетворительны. Если и спорно положеніе, что непрерывность зрительнаго поля не объясняется психофизиологически, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ склониться къ мнѣнію Липпса, что «наполненіе пробѣла зрительнаго поля, соотвѣтствующаго слѣпому пятну, представляется частнымъ случаемъ вездѣ существующаго пространственнаго качества», и что поэтому вопросъ наполненія

¹⁾ Wundt, «Logik», 1 Band s. 512, его же «Очерки психологіи», стр. 87, перев. Паперна.

²⁾ Челпановъ, I. с. с. 307 и д.

³⁾ Ibidem, стр. 269.

⁴⁾ Ibidem, стр. 230, 231.

слѣпого пятна совпадаетъ съ проблемой непрерывности пространства при прерывистости ощущеній ¹⁾. Съ рѣшеніемъ послѣдней проблемы связанъ, по нашему, выходъ изъ спора о производности протяженного качества.

Антиномія, существующая въ общемъ вопросѣ, по которой генетики убѣдительно выясняютъ, что протяженное качество не является такимъ же непосредственнымъ качествомъ, какъ ощущенія, а нативисты показываютъ съ меньшей силой несводимость протяженности на другія начала,—эта антиномія должна, разумѣется, существовать и въ вопросѣ о разложимости качества глубины, о производности третьяго измѣренія.

Генетики Липпсъ и Беркли доказываютъ, что воспріятіе глубины, какъ непосредственное ощущеніе, не можетъ существовать. Логическій доводъ—тогъ, что для оцѣнки измѣренія глубины глазъ долженъ былъ бы видѣть и себя, и предметъ или точку ²⁾. На примѣрѣ двухъ предметовъ, изъ которыхъ болѣе далекій не совсѣмъ закрывается болѣе близкимъ, такъ что видимая часть дальняго предмета кажется въ одной плоскости съ ближнимъ, Липпсъ доказываетъ, что существуетъ не воспріятіе глубины, а знаніе или убѣжденіе, появившееся вслѣдствіе того, что мы имѣли случаи видѣть это измѣряющее глубину разстояніе при другихъ обстоятельствахъ ³⁾.

Психологическимъ доводомъ въ пользу невозможности воспріятія глубины служитъ то соображеніе Lipps'a, что ощущеніе глубины происходило бы благодаря воспріятію пустого междудлежащаго пространства; а это невозможно, такъ какъ послѣднее не есть пространственное качество ⁴⁾.

Критика нативистовъ не менѣе убѣдительна. Ихъ логическіе аргументы противъ производности глубины основаны на томъ положеніи, что генетики плоскую протяженность, отвлеченіе принимаютъ за реальность: сами измѣренія суть въ сущности одна абстракція.

¹⁾ Lipps «Psychologische Studien», s. 43—61 (цитируемъ по Челпанову *ibidem*, стр. 232).

²⁾ На это Cornelius (Челпановъ, *ibidem*, с. 251—252) возражаетъ, что глазъ сравниваетъ положеніе предмета и другой точки собственнаго тѣла, которую онъ видитъ. Но тогда вѣдь глазъ воспринимаетъ не глубину, а обыкновенную линію на плоскости, которую онъ видитъ отъ себя сбоку.

³⁾ Л. с. стр. 83—4.

⁴⁾ Л. с. стр. 69, 70.

Психологическая критика нативистовъ показываетъ, что изъ психофизиологическихъ элементовъ и условій,—въ частности, изъ модификаціи плоской протяженности, изъ вспомогательныхъ мускульныхъ моментовъ и т. д.,—не вывести третьяго измѣренія и вообще объективированія ощущеній. Даже склонные въ нѣкоторыхъ вопросахъ къ генетической точкѣ зрѣнія психологи, если они критически настроены и осторожны въ заключеніяхъ, приходятъ къ тому, что ощущенія мускульныя и осязательныя и всякіе другіе вспомогательные моменты обуславливаютъ, но не являются главной причиной ощущенія глубины ¹⁾).

Но у нативистовъ есть и рядъ положительныхъ доводовъ: они, вопреки результатамъ превосходнаго анализа генетистовъ, на самомъ описаніи подробностей ощущеній глубины очень хорошо выясняютъ, что качество глубины есть непосредственно ощущаемая, неразложимая часть пространственнаго качества ²⁾.

* * *

Анализъ пространственныхъ воспріятій приводитъ по-нашему, къ убѣжденію, что два ряда противорѣчивыхъ фактовъ и началъ, вскрытыхъ обѣими школами, совмѣстимы. Неразложимость пространственнаго качества съ непосредственно ощущаемымъ свойствомъ глубины, непосредственная наличность и неразложимость процесса объективированія ощущеній ³⁾, словомъ—несводимость свойствъ протяженности на другія психофизиологическія начала совмѣщается съ тѣмъ обстоятельствомъ, что существованіе глубины противорѣчиво и непонятно изъ психологическихъ условій, что протяженность не есть сама по себѣ такое же ощущеніе, какъ другія. Какъ возможно такое совмѣщеніе?

То обстоятельство, что самъ пространственный порядокъ и процессъ объективированія ощущеній не сводится къ добавочнымъ условіямъ цвѣтовыхъ ощущеній, должно привести къ непроизводности протяженнаго качества.

¹⁾ Челпановъ, I. с. стр. 326, 327.

²⁾ Джемсъ „Психологія“, перев. Лапшина, 2-ое изд., стр. 30, 271, 282—284.

³⁾ Проф. Челпановъ очень хорошо формулируетъ это положеніе: „Цвѣтовые ощущенія первоначально обладаютъ объективнымъ характеромъ. Если бы они обладали такой субъективностью, какъ чувства, то ни мускульныя чувства, ни какіе-либо добавочные моменты не были бы въ состояніи придать имъ объективный характеръ, точно такъ же, какъ никакія ассоціаціи не въ состояніи чувствамъ придать объективности“ (I. с. стр. 187.)

Если бы эта неприводимость имѣла источникомъ одинъ эмпирической субъектъ, она не могла бы имѣть другого смысла, кромѣ врожденности ¹⁾. Но врожденность эмпирическому субъекту, объясняя происхождение пространственного порядка лишь для личного опыта, необходимо предполагаетъ образование пространственного порядка въ исторіи родового развитія; а это противорѣчитъ неприводимости протяженного качества. Такъ какъ протяженность не можетъ быть и простымъ ощущеніемъ (слѣдствіе критики генетистовъ), необходимо придти къ тому, что неприводимость протяженности имѣетъ не психологическій, а гносеологическій смыслъ: она кроется въ томъ, что пространственный порядокъ есть необходимая форма воспріятія или его законъ, источникомъ котораго является трансцендентальный субъектъ, содержащій условія опыта въ цѣломъ.

Это положеніе кроетъ выходъ изъ описанныхъ выше антиномій, въ частности изъ антиноміи для свойства глубины, по которой превосходныя доказательства неприводимости глубины, данныя Джемсомъ и Штумфомъ, не могутъ побороть критики Беркли и Липпса, основанной на невозможности воспринимать пустое пространство. Въ качествѣ ощущенія, функціи эмпирическаго субъекта съ его психикой и оптическимъ аппаратомъ, пространственное качество могло бы быть лишь цвѣтной плоской протяженностью; въ качествѣ функціи трансцендентальнаго субъекта, который обуславливаетъ форму воспріятія и чистую возможность ощущеній, пространственное качество даетъ смыслъ пустому пространству. Лишь соединеніе обоихъ началъ можетъ обусловить существованіе свойства глубины.

Изслѣдованіе смысла геометрическихъ обобщеній, исходящее изъ опредѣленія пространства, какъ закона воспріятія, т.-е. закона устройства опыта, устанавливаетъ абсолютную часть геометріи, какъ совокупность свойствъ, безъ которыхъ пространство обобщеннаго понятія лишается своего гносеологическаго смысла формы опыта.

¹⁾ Въ этомъ и только въ этомъ случаѣ неприводимость могла бы имѣть значеніе врожденности. Пр. Челпановъ, находя различіе въ этихъ понятіяхъ (1. с. стр. 9), повидимому, не обратилъ вниманія на указанный нами пунктъ.

III.

Математическое обобщеніе имѣетъ ту особенность, что оно не нуждается въ предварительномъ существованіи понятій, которыхъ объединяетъ родовымъ понятіемъ: оно само создаетъ такіе виды и вмѣстѣ съ исходнымъ понятіемъ (предметомъ обобщенія) подводитъ подъ родовое. Образование видовъ происходитъ такимъ путемъ, что одинъ изъ признаковъ предмета обобщенія принимается за переменный, и строятся понятія, возможные при любомъ измѣненіи одного этого признака ¹⁾. Последний является основаніемъ математическаго обобщенія.

Метагеометрическія обобщенія имѣютъ основаніемъ или измѣряемые, метрическіе признаки геометрическихъ образовъ, или проективные. Обобщеніе по первымъ основаніямъ даетъ родовое понятіе протяженнаго многообразія постоянной кривизны n измѣреній, гдѣ каждое измѣреніе есть мнимая, въ частномъ случаѣ—вещественная переменная, принимающая всѣ измѣненія отъ $-\infty$ до $+\infty$. Обобщеніе по проективнымъ признакамъ даетъ родовое понятіе пространства, какъ группы проективныхъ преобразованій.

Метрическіе признаки.

а) *Кривизна.* Въ математическомъ отношеніи мѣра кривизны является единственнымъ метрическимъ признакомъ различія пространствъ постоянной кривизны при одинаковомъ числѣ измѣреній. Если два пространственныхъ образованія, напримѣръ, двѣ поверхности обладаютъ одинаковой мѣрой кривизны, онѣ тождественны, такъ какъ развертываются другъ на друга и выражаютъ свои свойства въ одинаковой геометріи.

Математическое обобщеніе идетъ даже дальше. Въ еще болѣе общей, формальной геометрической системѣ, оно замѣняетъ равенство по совмѣщенію равенствомъ по симметріи ²⁾: считаетъ,

¹⁾ Видомъ такого обобщенія является, напр., математическая индукція, которую математики ошибочно называютъ полной,—заключеніе отъ n случаевъ къ $n+1$ случаю. (Deduction nach exacter Analogie—у Вундта) см. Wundt, Logik, II Band 2 Abs. I cap. 4.

²⁾ Beltrami „Theoria fondamentale degli spazii di curvatura costante“, Annali di Matematica pura ed applicata, serie II, t. II (въ переводѣ казанск. сборн. стр. 46, 47).

напр., тождественными равныя симметричныя фигуры на сферѣ, которыя нельзя совмѣстить движеніемъ, не измѣняющимъ ихъ относительнаго положенія.

Пока этимъ обобщеніямъ придается научная цѣнность, они логически безукоризненны и цѣлесообразны. Поскольку же на нихъ держится аргументація геометровъ въ гносеологическомъ вопросѣ, выставляя ихъ въ качествѣ родовыхъ понятій, эти обобщенія не безупречны.

Что касается образовъ, равныхъ по симметріи, то очевидно, они могутъ считаться тождественными лишь въ математическомъ, а никакъ не въ гносеологическомъ или психологическомъ смыслѣ: есть моментъ, который ихъ отличаетъ, несмотря на полное совпаденіе метрическихъ признаковъ, и этотъ моментъ не поддается математическому опредѣленію.

То же самое съ развертывающимися фигурами. Въ геометрическомъ отношеніи нѣтъ разницы между начерченными на разныхъ поверхностяхъ фигурами, равными по развертыванію, такъ какъ всѣ математическіе признаки и между ними метрической признакъ кривизны совпадаютъ. Межъ тѣмъ указанная фигура не представляютъ тождественныхъ психическихъ фактовъ; въ качествѣ послѣднихъ эти фигуры характеризуются именно общей конфигураціей своихъ точекъ, видомъ изогнутости и положеніемъ всей фигуры, которыя здѣсь вовсе не тождественны.

Различіе тождества геометрическаго и гносеологическаго (или психологическаго) смысла обобщеній сказывается въ слѣдующемъ случаѣ.

Существо одного измѣренія съ несгибающимся туловищемъ хотя бы очень малой, но конечной длины и полевой кривизны, живущее на цилиндрической поверхности, замѣтило бы, что оно можетъ передвигаться лишь параллельно самому себѣ и образующей цилиндра и вслѣдствіе этого создало бы геометрію, лишнюю аксіомы свободной подвижности,—геометрію, совершенно противоположную той, которая должна была бы существовать у данныхъ существъ согласно геометрическому опредѣленію цилиндрической поверхности. Значитъ ли это однако, что такая поверхность есть пространство переменннй кривизны? (Кстати, можно ли поэтому сказать, что представимы пространства переменннй кривизны?) Гносеологическаго смысла такое образованіе не имѣетъ (см. дальше); въ математическомъ отно-

шеніи цилиндрическая поверхность характеризуется постоянной кривизной—нолевой.

Описанное противорѣчіе кроется только въ томъ, что математическое обобщеніе искусственно и нечисто въ гносеологическомъ отношеніи.

Изъ двухъ радіусовъ кривизны главныхъ сѣченій цилиндрической поверхности одинъ равенъ нѣкоторой положительной величинѣ κ , другой—бесконечно большой величинѣ. Поэтому кривизна поверхности въ каждой ея точкѣ равна $\frac{1}{\kappa} \cdot \frac{1}{\infty} = 0$, благодаря чему цилиндрическая поверхность подводится подъ одно обобщеніе съ плоской, что въ чисто математическомъ отношеніи, конечно, совершенно правильно. Но въ сущности, множитель $\frac{1}{\infty} = 0$, обращающій въ нуль мѣру кривизны, и вноситъ въ выраженіе цилиндрической поверхности ту неопредѣленность, благодаря которой эта поверхность, обладая свойствами поверхности нолевой кривизны, въ математическомъ отношеніи не обладаетъ ими въ отношеніи гносеологическомъ, какъ возможная форма внѣшняго опыта или обитаемого пространства. Наше существо испытывало бы нолевую кривизну лишь при передвиженіяхъ параллельно себѣ и образующей; при другихъ передвиженіяхъ оно должно было бы испытывать положительную кривизну, если бѣ могло принимать такія положенія. Конечно, мы желаемъ сказать не буквально, что живое существо можетъ испытывать ту или иную кривизну, а что оно испытывается перемѣны ощущеній, которыя зависятъ отъ перемѣны кривизны.

Но если бы математическое обобщеніе по признаку кривизны и не было нечисто въ указанномъ отношеніи, оно все же ограничено въ другомъ отношеніи.

Это обобщеніе, прія къ логическому предѣлу должно было бы создать высшее понятіе—пространство перемѣнной и абсолютно непостоянной кривизны. Однако обобщеніе безъ всякой математической необходимости останавливается на понятіи пространства постоянной кривизны. Это происходитъ вслѣдствіе постулированія предпосылки возможности измѣренія, заключающей въ себѣ предпосылку свободной подвижности и непрерывности пространства.

Внутреннія мѣровыя отношенія выражаются мѣрой кривизны
Вопросы философіи, кн. 87.

и слѣдовательно даютъ возможность измѣренія, когда пространство непрерывно, и мѣровыя отношенія не зависятъ отъ выбора координатъ. Тогда функціи, опредѣляющія мѣста, имѣютъ производныя по координатамъ; пространство обладаетъ свободной подвижностью ¹⁾.

Но математической необходимости у этихъ предпосылокъ нѣтъ, такъ какъ возможны пространства перемѣнной кривизны (гл. I). Эти предпосылки имѣютъ гносеологическую необходимость и, выражая въ видѣ аксіомы свободной подвижности элементъ абсолютной части геометріи, показываютъ, что абсолютная часть можетъ имѣть только гносеологическій смыслъ (гл. II).

Предпосылка свободной подвижности ограничиваетъ обобщеніе по признаку кривизны.

Необходимость этой предпосылки Рессель считаетъ двоякой: послѣдняя во-первыхъ, обуславливаетъ возможность измѣренія, во-вторыхъ, выражаетъ существенное свойство формы внѣположности (такъ Рессель обобщаетъ понятіе пространства)—относительность всѣхъ положеній въ пространствѣ ²⁾.

Первое обстоятельство само по себѣ не можетъ, по нашему, быть основаніемъ необходимости аксіомы хотя бы потому, что возможны пространства, лишенныя свободной подвижности. Изъ указаннаго обстоятельства вытекаетъ лишь то, что свободная подвижность обуславливаетъ возможность геометріи, но не пространства.

Вторая Ресселева причина тоже не обосновываетъ необходимости аксіомы съ достаточной силой. Помимо того, что Рессель выводитъ всѣ свойства формы внѣположности подчасъ одной діалектикой, само понятіе формы внѣположности слабо рисуетъ психологическое или гносеологическое начало, изъ котораго вытекало бы необходимая относительность положеній.

О томъ, что было бы, если бы пространство не было гомогенно, Рессель говоритъ: «L'espace ne serait pas plus passif, il exercerait une action définie sur les choses, et nous devrions nous accommoder à la notion de points marqués dans l'espace vide, ces points étant marqués, non par les corps qui les occupent, mais

¹⁾ Helmholtz „Wissenschaftliche Abhandlungen“ II Band, s. 621, 622, Riemanns „Gesammelte Werke“ s. 280 u. w.

²⁾ Essai sur les fondements de la géométrie, § 157 и предыдущіе.

par leurs effets sur tous les corps qui peuvent de temps en temps les occuper. Mais ce manque d'homogénéité et de passivité est absurde; puisque l'espace est une forme d'extériorité, il ne peut admettre que des positions relatives et non absolues, et il doit être complètement homogène d'un bout à l'autre» ¹⁾).

Но почему бы положеніямъ въ пространствѣ и не оказывать вліянія на предметы? Въ чемъ абсурдность этого предположенія?

Рессель очень хорошо доказываетъ, что, желая сдѣлать измѣненіе въ пространствѣ, лишенномъ свободной подвижности, мы впадаемъ въ *regressus in infinitum* ²⁾. Онъ прекрасно описываетъ геометрическіе абсурды, вытекающіе изъ отсутствія свободной подвижности, но въ объясненіи причины этихъ абсурдовъ онъ лишь приближается къ источнику необходимой гомогенности пространства, все не попадая въ настоящую точку.

Пространство, лишенное относительности положеній, не имѣло бы смысла закона воспріятій или формы опыта (гл. II). Отсутствіе гомогенности пространства, его переменная или абсолютно непостоянная кривизна имѣла бы тотъ смыслъ, что законъ воспріятія можетъ быть неопредѣленнымъ, можетъ даже измѣняться въ любой моментъ.

Это положеніе есть психологическій и гносеологическій абсурдъ, потому что законъ воспріятія, какъ чистая форма опыта во 1-хъ, служитъ проявителемъ всякаго измѣненія, во 2-хъ, не вкладывая въ представленія никакого матеріальнаго содержанія, одинаково приложимъ къ нимъ, одинаковымъ образомъ связываетъ ихъ. Только въ этомъ лежитъ источникъ необходимости свободного передвиженія и постулируемыхъ имъ непрерывности пространства и дифференцируемости функций мѣстъ.

Изложенныя соображенія приводятъ къ такому слѣдствію:

Гносеологическій предѣлъ обобщенія по признаку кривизны показываетъ, что въ вопросѣ объ апріорности аксіомъ и воз-

¹⁾ „Пространство не было бы пассивно. Оно производило бы на вещи опредѣленное дѣйствіе, и мы должны были бы сообразоваться съ положеніями, данными въ пустомъ пространствѣ, не по предметамъ, которые ихъ занимаютъ, а по дѣйствіямъ, которыя эти положенія оказываютъ на предметы, ихъ занимающіе. Но это отсутствіе гомогенности и пассивности нелѣпо. Поскольку пространство есть форма вѣѣполжности, оно допускаетъ положенія только относительныя и должно быть гомогенно отъ одного конца до другого“, I. c. § 145.

²⁾ I. c. § 146.

возможности иныхъ геометрическихъ системъ рѣшающимъ началомъ является не математическая, а гносеологическая возможность послѣднихъ, наличность въ нихъ гносеологическаго смысла. Вслѣдствіе этого математическое обобщеніе, не представляя высшаго родового понятія въ гносеологическомъ отношеніи, не можетъ служить основаніемъ той аргументаціи, что, если мыслимы не-эвклидовы системы геометрическихъ отношеній, то наши геометрическія понятія не имѣютъ необходимости. Это относится, какъ мы увидимъ, къобобщеніямъ и по другимъ признакамъ.

3) *Измѣренія*. Обобщеніе понятія пространства по этому признаку даетъ родовое понятіе n разъ протяженнаго многообразія, гдѣ измѣренія являются комплексными переменными, такъ что положеніе въ этомъ пространствѣ опредѣляется функцией $\psi(x_1, x_2, \dots, x_{n-1}, x_n)$, гдѣ величины принимаютъ произвольно всѣ значенія отъ $+\infty$ до $-\infty$. Такъ какъ это высшее обобщеніе имѣетъ одну аналитическую цѣнность, достаточно рассмотретьъ менѣе общее понятіе многообразія съ вещественными измѣреніями. Оно является результатомъ заключенія отъ n случаевъ къ $n+1$, и опять важно установить гносеологическій смыслъ этого обобщенія.

Анализъ пространственныхъ воспріятій показалъ уже, что протяженное качество — неразложимо. Прямымъ слѣдствіемъ этого является то, что понятіе измѣренія представляетъ нѣчто условное, искусственное, одно отвлеченіе. Относительно свойствъ пространства измѣренія занимаютъ такое же положеніе, какъ система координатъ относительно геометрическихъ свойствъ. Поэтому возможно, что употребительныя измѣренія замѣнимы другими, иного числа и характера, и что употребляемое нами число и видъ измѣреній лишь съ наибольшимъ удобствомъ устанавливаютъ отношенія въ нашемъ пространствѣ. Поэтому въ извѣстномъ смыслѣ правы тѣ математики, которые показываютъ, что если бы за элементъ многообразія принимать не точку, а форму, зависящую отъ произвольнаго числа параметровъ, то наше пространство можно было бы представить себѣ въ видѣ многообразія произвольнаго числа измѣреній (Плюккеръ) ¹⁾. Но то, что

¹⁾ См. Klein «Betrachtungen über neueste geometrische Forschungen, § 5 прим., 4 (перев. въ Извѣстіяхъ Казанскаго математ. о-ва, т. V), а также отзывъ Клейна о работѣ Софуса Ли (тѣ же «Извѣстія», т. VIII, стр. 7).

измѣренія являются моментомъ, образованнымъ одной рефлексіей, устанавливающей отношенія, нисколько не отзывающейся на гносеологическомъ смыслѣ измѣреній. Они все-таки могутъ закрѣплять хотя косвенно—не въ прямомъ выраженіи, но съ той же силой достовѣрности свойства пространства, которыя не зависятъ отъ измѣреній,—точно такъ же какъ инвариантъ, выражающій разстояніе двухъ точекъ $\Omega (x', y', z'; x'', y'', z'')$ не зависитъ отъ выбора системы координатъ.

Примѣнивъ сказанное къ взаимнымъ отношеніямъ двухъ- и трехъ-мѣрнаго пространства, легко видѣть, что трехмѣрное пространство не можетъ быть обобщеніемъ или родовымъ понятіемъ для поверхности. Во 1-хъ, понятіе поверхности есть чистое отвлеченіе. Во 2-хъ, математическое опредѣленіе поверхности, какъ двумѣрнаго пространства, не выдерживаетъ критики въ психологическомъ и гносеологическомъ отношеніи, и слѣдовательно между поверхностью и пространствомъ въ гносеологическомъ смыслѣ нѣтъ того же соотношенія, что между многообразіями двухъ и трехъ измѣреній.

Опредѣливъ понятіе геодезической на сферѣ, условія подвижности на ней, понятіе сферическаго угла, какъ части сферы, заключенной между двумя геодезическими и т. д., можно было бы вывести сферическую геометрію, не пользуясь ни однимъ стереометрическимъ представленіемъ, вслѣдствіе чего сфера, по мнѣнію математиковъ, является пространствомъ двухъ измѣреній ¹⁾. Но, спрашивается, воспріятіе сферы, какими бы математическими путями ни развивали ея свойства, лишилась бы отъ этого необходимыхъ элементовъ формы воспріятія, неразложимаго протяженнаго качества, могло ли бы безъ послѣднихъ существовать? Соображенія Штумфа, по нашему прекрасно показывають, что поверхность плоская или кривая имѣетъ необходимое отношеніе къ пространству ²⁾. Поэтому, геометрія каждой поверхности можетъ быть построена независимо отъ третьяго измѣренія ³⁾, но психологія поверхности не можетъ быть такъ построена.

Поверхность въ гносеологическомъ отношеніи можетъ быть лишь предметомъ воспріятія и, какъ такая, облекается въ не-

1) Каганъ «Очеркъ geometr. системы Лобачевского», стр. 44, 45.

2) Челпановъ, I. с., I томъ, стр. 253 и д.

3) Каганъ, I. с., стр. 45.

разложимую пространственную форму, но какъ самостоятельная форма воспріятія невозможна. Стереометрической моментъ не прибавляется къ протяженному качеству, а есть именно то, что дѣлаетъ изъ протяженности форму воспріятія, т.-е. пространство.

Выше было показано, что свободная подвижность есть необходимое проявленіе закона воспріятія. Но такъ какъ существуютъ поверхности съ абсолютными положеніями (напр., однополостнаго гиперболоида), поверхность не обладаетъ необходимо свойствомъ подвижности, и это опять-таки служитъ косвеннымъ доказательствомъ тому, что законъ воспріятія имѣетъ лишь стереометрическое проявленіе.

Слѣдовательно, поверхность въ гносеологическомъ отношеніи не можетъ быть пространствомъ; поэтому общее понятіе n -мѣрнаго многообразія теряетъ гносеологическій смыслъ въ случаѣ двухъ измѣреній. А такъ какъ наши соображенія можно было примѣнить и къ пространству одного измѣренія, линіи и нуля измѣреній, точкѣ, то и эти два случая многообразія теряютъ смыслъ.

Эти факты сами по себѣ достаточно говорили бы за то, что обобщеніе на основаніи математической индукціи, не можетъ имѣть цѣны въ гносеологическомъ вопросѣ; сохраненіе свойствъ предмета обобщенія, какъ математическаго понятія, не можетъ поручиться за сохраненіе существенныхъ свойствъ психическаго образованія.

Но понятіе многообразія, которое должно установить равновозможность и равноправіе всѣхъ случаевъ многообразія съ числомъ измѣреній—отъ нуля до безконечности, теряетъ гносеологическій смыслъ не только въ случаѣ одного, двухъ и нуля измѣреній: этого смысла лишены и случаи безконечно большаго числа измѣреній.

Необходимость конечнаго числа измѣреній Рассель опять-таки обосновываетъ тѣмъ, что безъ этого немислима установка отношеній ¹⁾. Это доказываетъ, что конечное число измѣреній есть предпосылка лишь геометріи, а не опыта, и нисколько не доказываетъ апіорности аксіомы. Необходимость этой предпосылки основана на томъ, что законъ воспріятія не можетъ быть неопредѣленнымъ.

¹⁾ Essai, § 158.

Итакъ, существуетъ предѣлъ для обобщенія по признаку измѣреній, предѣлъ, въ которомъ нѣтъ математической необходимости.

Но если частые случаи многообразія—при $n = 0$; $n = 1$; $n = 2$; $n = \infty$ не имѣютъ смысла пространства, гносеологически неравноправны съ случаемъ трехъ измѣреній, то нельзя поручиться, что другой случай конечнаго числа измѣреній, кромѣ трехъ, имѣетъ гносеологическій смыслъ. Это говорить за то, что три измѣренія пространства могутъ быть необходимостью; во всякомъ случаѣ не математическая возможность другого числа измѣреній опровергаетъ эту необходимость. Поэтому мы несогласны съ взглядомъ, который въ аксіомѣ измѣреній считаетъ ея часть, говорящую о трехъ измѣреніяхъ, одного опытнаго происхожденія ¹⁾.

Третье измѣреніе и измѣреніе вообще есть лишь въ рефлексіи отдѣлимый признакъ пространства. И если условность измѣреній заключается только въ томъ, что они закрѣпляютъ свойства пространства не прямо, то измѣренія являются показателемъ, знакомъ закона воспріятія, его проявленіемъ и этимъ закономъ связываются, какъ координаты связываются инвариантомъ. Вслѣдствіе этого необходимость трехъ измѣреній должна идти изъ того же начала, откуда необходимость опредѣленнаго числа измѣреній: изъ неизмѣннаго закона воспріятія. Законъ воспріятія, имѣющій форму пространства, связываетъ свои проявленія трехмѣрной формой.

γ) *Разстояніе*. Обобщеніе по этому признаку основано на обобщеніи понятія прямой, какъ геодезической. И здѣсь обобщеніе идетъ математической индукціей отъ пространства двухъ измѣреній ко многимъ измѣреніямъ. Въ элементъ разстоянія между двумя точками вводятъ любое число измѣреній, благодаря чему получается формула элемента разстоянія для многомѣрнаго пространства $ds = R \sqrt{\frac{d_x^2 + d_{x1}^2 + \dots + d_{xn}^2}{\chi}}$, гдѣ R

постоянная. Геодезическія линіи—кратчайшія между двумя точками, какъ извѣстно, даютъ варіаціи интеграла, гдѣ подынтегральной функціей является написанное выраженіе, нулевое значеніе

$$\delta \int \sqrt{\frac{d_x^2 + d_{x1}^2 + \dots + d_{xn}^2}{\chi}} = 0$$

¹⁾ I. c. § 159.

Развитіе этого выраженія опредѣляетъ свойства многомѣрнаго пространства постоянной кривизны ¹⁾. Итакъ, обобщеніе по признаку разстоянія идетъ опять-таки отъ прямой на поверхности къ прямой въ пространствѣ.

Въ предыдущемъ отрывкѣ было уже показано, что лишь въ математическомъ отношеніи многообразіе двухъ измѣреній можетъ считаться видомъ пространства, что оно, нуждаясь для своего воспріятія въ элементахъ трехмѣрнаго пространства, не имѣетъ гносеологическаго равноправія съ послѣднимъ. Поэтому, рассматриваемое обобщеніе, имѣя своимъ предметомъ прямую двумѣрнаго пространства, уже по одному тому, что построено на математической индукціи, не выдерживаетъ критики. Но кромѣ этого, понятіе прямой или разстояніе, будучи функціей отъ закона воспріятія, должно, во 1-хъ, быть предпосылкой воспріятія, во 2-хъ, имѣть смыслъ лишь тотъ, который оно получаетъ отъ дѣйствующаго закона воспріятія—эвклидова пространственнаго порядка.

Первое положеніе выясняется изъ критики взгляда эволюціонистовъ на прямую, какъ на гипотетическое понятіе, существовавшееся благодаря опыту. Это объясненіе, какъ показываетъ проф. Челпановъ, содержитъ кругъ. «Для того, чтобы по теоріи эволюціонистовъ—мы могли производить отвлеченіе, отбрасывать то, что мѣшаетъ совершенству идеи прямой линіи, мы уже должны имѣть идею совершенной прямой» ²⁾. Почти то же доказываетъ Вундтъ: «Der Gedanke der lagebestimmenden Verbindung zweier Punkte ein Postulat unseres Denkens ist, keine wirkliche Vorstellung» ³⁾.

Понятіе прямой должно а priori создаваться благодаря тому, что является функціей отъ закона воспріятія. Но въ такомъ случаѣ понятіе прямой не можетъ содержать свойства, которыя противорѣчатъ не только закону воспріятія вообще, но даже дѣйствующему. Межъ тѣмъ математическое понятіе пространства, обобщая прямую, какъ геодезическую, приводитъ къ такому противорѣчію.

¹⁾ Beltrami, *Theoria fondamentale*, I. с. стр. 232, 233.

²⁾ Челпановъ, I. с., т. II, стр. 207.

³⁾ «Понятіе опредѣляющей положеніе связи двухъ точекъ есть постулатъ нашего мышленія, а не дѣйствительное представленіе», *Logik*, II Band, s. 128, 129.

Прежде всего обобщеніе приходитъ къ сферическому пространству, гдѣ между полярными точками существуетъ безчисленное множество кратчайшихъ разстояній. Это гносеологическій абсурдъ. Взаимное положеніе двухъ точекъ, которое ничѣмъ другимъ, кромѣ разстоянія не можетъ опредѣляться, допускало бы тогда безчисленное множество соотношеній. Это значило бы, что законъ воспріятія можетъ быть неопредѣленнымъ.

Рессель, желающій соединить несоединимое—высшее математическое обобщеніе съ гносеологическимъ смысломъ, испытываетъ, конечно, сильныя мученія отъ того, что сферическое пространство вопреки его аксіомѣ метрической геометріи допускаетъ не одно разстояніе между нѣкоторыми точками. Но объясненіе, которымъ онъ хочетъ примирить оба обстоятельства, по нашему, такъ негодно, что не стоить его приводить (см. Essai, § 169 и др.). Что же касается основанія, изъ котораго Рессель выводитъ необходимость аксіомы разстоянія, мы должны сдѣлать тѣ же замѣчанія, какъ выше (III, а, §).

Второе изъ упомянутыхъ противорѣчій—конечность прямой эллиптическаго пространства и, слѣдовательно, замкнутость послѣдняго. Это тоже гносеологическій абсурдъ, ибо законъ воспріятія, какъ чистая дѣятельность, не имѣетъ ограниченія и долженъ создавать положенія, ни въ какомъ отношеніи не исчерпаемая и вѣчно взаимно относительныя. Въ эвклидовомъ пространствѣ всѣ положенія относительны взаимно и въ цѣломъ. Въ эллиптическомъ же пространствѣ всѣ положенія взаимно относительны, но въ цѣломъ абсолютны, такъ какъ положеніе точки на прямой хотя безграничной, но конечной не можетъ считаться относительнымъ.

Итакъ, обобщеніе по признаку разстоянія тоже ограничивается гносеологически необходимой предпосылкой, что двѣ точки имѣютъ единственное соотношеніе, ихъ разстояніе, — предпосылкой, не имѣющей математической необходимости.

Проективные признаки.

Обобщеніе по этимъ признакамъ основано на принципѣ проективной геометріи, по которому геометрическіе объекты тождественны, когда они получаютъ взаимнымъ проектированіемъ, не

измѣняющимъ ихъ свойствъ (свойствъ, лишь въ смыслѣ геометріи положенія).

Относительно этого обобщенія приходится повторить все, что было сказано выше. Здѣсь опять-таки можно было бы показать, что проективныя сопряженія суть объекты, тождественные лишь въ математическомъ отношеніи, что на проективномъ соотвѣтствіи можно основать лишь искусственное и гносеологически нечистое обобщеніе, на которомъ не можетъ держаться аргументація въ гносеологическомъ вопросѣ.

Во-вторыхъ, обобщеніе по проективнымъ признакамъ тоже имѣетъ предѣлъ.

Результатъ этого обобщенія есть родовое понятіе группы преобразованій (коллинеаций), которая обладаетъ тѣмъ свойствомъ, что соединеніе любыхъ двухъ преобразованій даетъ преобразование, входящее въ группу. Въ это понятіе входятъ всѣ группы линейныхъ преобразованій и между ними—группы проективныхъ сопряженій, имѣющихъ инвариантъ, на примѣръ, главная группа, которая не измѣняетъ разстоянія (отношенія къ бесконечно удаленнымъ мнимымъ круговымъ точкамъ)¹⁾. Послѣдній случай есть въ математическомъ отношеніи частный случай, а въ гносеологическомъ отношеніи—общій. Ибо, какъ это видно изъ предыдущаго (III γ), существованіе указаннаго инварианта есть условіе опредѣленности закона воспріятія, т.-е. его существованія. Безъ возможности преобразованій, не измѣняющихъ разстояній, пространство теряетъ смыслъ формы воспріятія.

Такимъ образомъ понятіе пространства, какъ группы, даже при обобщенномъ понятіи разстоянія—отношенія къ нѣкоторому коническому сѣченію, которое и само-то не выдерживаетъ гносеологической критики, даже такое обобщеніе имѣетъ предѣлъ.

Признакъ послѣдняго заключается не только въ указанномъ ограниченіи, но и въ самомъ опредѣленіи пространства, какъ группы.

Математики говорятъ: «Пространство есть группа». Это неправильно, потому что мыслимо пространство непостоянной кривизны, гдѣ соединеніе двухъ любыхъ преобразованій не всегда дастъ члена группы. Значитъ, математикамъ слѣдовало сказать «пространство *должно* быть группой». Но такъ какъ въ этомъ

¹⁾ См. Klein, Nichteuccl. Geomet., „Mathematische Annalen“, B. VI, S. 121.

нѣтъ математической необходимости, то должна быть гносеологическая необходимость: она заключается въ томъ, что пространство, лишь будучи группой, имѣетъ смыслъ закона воспріятія, неизмѣнно одинаково связывающаго представленія.

Такъ какъ разсматриваемое обобщеніе является излюбленнымъ доводовъ математиковъ въ пользу ученія о равноправіи разныхъ геометрическихъ системъ, интересно сдѣлать слѣдующее замѣчаніе.

Пуанкаре спрашиваетъ, что представляютъ собой гипотезы о существованіи группы перемѣщеній, не измѣняющихъ разстоянія: «Факты ли это, полученные изъ опыта, или сужденія аналитическія или синтетическія а priori?», и отвѣчаетъ отрицательно на эти три вопроса. «Если бы эти гипотезы были фактами опыта и наблюденія, то геометрія подлежала бы постоянному пересмотру и не была бы наукой точной; если бы это были синтетическія апіорныя сужденія, а тѣмъ болѣе аналитическія, то невозможно было бы отрѣшиться отъ нихъ и на ихъ отрицаніи ничего нельзя было бы построить ¹⁾».

Во 1-хъ, отъ этихъ гипотезъ можно отрѣшиться и на ихъ отрицаніи построить систему логически и аналитически возможнаго, т.-е. реализовать второй членъ дизъюнкціи, первымъ членомъ которой является положительное утвержденіе (гл. I α , β). Во 2-хъ, эти гипотезы—по Пуанкаре,—аксіомы—по нашему опредѣляютъ свойства неизмѣнной формы опыта, поэтому онѣ могутъ быть фактами опыта и наблюденія, и однако геометрія отъ этого не подлежитъ пересмотру ²⁾. Такимъ образомъ сильная на видъ дизъюнкція Пуанкаре нисколько не доказываетъ того, что онъ думалъ ею доказать: что выборъ геометрической системы основанъ лишь на удобствѣ ея примѣненія къ нашему пространству.

IV.

Обобщеніе понятія пространства есть нѣкоторое логическое умноженіе, такъ какъ оно выдѣляетъ изъ всѣхъ терминовъ, входящихъ въ классъ, ихъ общіе признаки; результатъ этого—абсолютная часть геометріи.

Математическая логика показываетъ, что логическое умноже-

¹⁾ «Объ основныхъ гипотезахъ геометріи» (Казан. Сбор., стр. 121).

²⁾ Аналогичныя соображенія относительно ариеметики см. въ ст. «Къ вопросу объ основаніяхъ ариеметики» Л. Саминскаго § 7, 8 и др. («Вопросы Философіи», кн. 82).

ніе (какъ и другая прямая операція—ариѳметическое умноженіе) всегда выполнимо, причѣмъ его результатъ не можетъ быть полевого значенія.

Но умноженіе всѣхъ возможныхъ терминовъ, входящихъ въ классъ математическаго пространства, даетъ нуль, такъ какъ нѣтъ ни одного свойства, общаго возможнымъ геометріямъ. Свободная подвижность и существованіе группы преобразованій не имѣетъ мѣста въ пространствѣ непостоянной кривизны, свойства кратчайшей не существуетъ для пространства положительной кривизны, свойства конечнаго числа измѣреній для n —краткаго многообразія при $n = \infty$. Но если умноженіе терминовъ класса математическаго пространства невозможно, не имѣетъ смысла, такой классъ невозможенъ. Это происходитъ отъ того, что существуютъ члены этого класса, взаимно исключаются.

Эти соображенія возвращаютъ насъ къ началу настоящей работы (гл. I), объясняя, почему аргументъ чистой мыслимости не имѣетъ силы. Предложеніе «если возможны инья пространственные отношенія, то наши не имѣютъ необходимости» есть предложеніе съ переменнымъ терминомъ «пространство». И то обстоятельство, что нѣкоторые члены этого класса термина исключаютъ другъ друга, необходимо приводитъ къ тому, что указанное предложеніе содержитъ одну лишь логическую дизъюнцію. Оно въ сущности равно такому предложенію: «Такъ какъ математически возможно пространство съ данными свойствами и со свойствами, исключаящими данныя, то наши геометрическія отношенія не необходимы». Значитъ аргументъ мыслимости есть предложеніе съ переменнымъ терминомъ пространства; это предложеніе станетъ опредѣленнымъ, когда замѣнятъ переменный терминъ постояннымъ. И такъ какъ именно математическое понятіе пространства, устанавливая по необходимости равноправіе всѣхъ своихъ видовъ, и дѣлаетъ предложеніе мыслимости неопредѣленнымъ, то вмѣсто математическаго долженъ быть подставленъ другой терминъ пространства.

Мы показали, что абсолютная часть геометріи, которая получается путемъ обобщенія (логическаго умноженія возможныхъ понятій пространства), что эта абсолютная часть существуетъ лишь по гносеологической необходимости. Съ какой бы стороны ни вели математическое обобщеніе, мы всегда натываемся на гносеологически необходимое свойство, которое ограничиваетъ обобщеніе. За этимъ предѣломъ математическое по-

нтіе лишается общаго смысла, а математическое обобщеніе общей аргументирующей силы. Обобщеніе по признаку свободной подвижности ограничивается необходимостью постоянной кривизны, обобщеніе по признаку измѣреній—необходимостью конечнаго числа ихъ, по разстоянію—необходимымъ существованіемъ единственнаго разстоянія между двумя точками, по проективнымъ признакамъ—необходимымъ существованіемъ инварианта проективныхъ преобразованій.

Разъ математическое обобщеніе ограничивается гносеологическимъ началомъ, то вмѣсто перемѣннаго термина въ предложеніе мыслимости надо подставить не математическое, а гносеологическое понятіе пространства, какъ закона воспріятія. Противъ необходимости эвклидовыхъ понятій можетъ говорить возможность иного закона воспріятія, а не возможность иныхъ системъ геометрическихъ отношеній.

Гносеологическое ученіе могло бы поэтому изслѣдовать вопросъ объ апіорности эвклидовыхъ познаній средствами одной психологіи и гносеологіи. Но, разумѣется, математическое обобщеніе силой аналитической и геометрической иллюстраціи, ясныхъ построеній и могучаго анализа, которые въ совершенствѣ даны одной математикѣ, могутъ сообщить теоріи познанія подробности, которыя ускользнули бы, быть можетъ, отъ отвлеченной критики разума.

Во всякомъ же случаѣ напрасно думаютъ, что гносеологическій вопросъ объ апіорности эвклидовыхъ понятій по своей природѣ разрѣшается математическимъ обобщеніемъ. Математики должны были бы сказать себѣ то, что часто повторяютъ другимъ,—слова Бельтрами: «Se la dimostrazione è stata concepita in vista di una determinata categoria di enti, senza che in essa siano state effettivamente introdotte quelle determinazioni che individuano la categoria stessa in confronto di una categoria piu estesa, è chiaro che le conseguenze della dimostrazione acquistano una generalita piu grande di quella che si cercava ¹⁾».

Л. Саминскій.

¹⁾ «Если доказательство было сдѣлано по отношенію къ нѣкоторой категоріи вещей и при этомъ не были введены опредѣленія, которыя выдѣляютъ эту категорію изъ болѣе обширнаго класса, то ясно, что заключенія доказательства получаютъ общность большую, чѣмъ искомая».

«Saggio di interpretazione и т. д.», I. с., стр 286.

О законѣ непрерывности.

Natura non facit saltus—это одно изъ тѣхъ положеній, въ которое крѣпко вѣритъ современное естествознаніе.

Безспорно, что эта вѣра или, что то же, недоувѣріе къ кажущимся скачкамъ въ ходѣ явленій оказала безцѣнный услуги наукѣ. Дѣйствительно, очень часто непрерывное теченіе явленій представлялось намъ прерывистымъ только вслѣдствіе того, что не всѣ его стадіи проходили черезъ наше сознаніе.

Лейбницъ ¹⁾, которому принадлежитъ открытіе закона непрерывности, предлагаетъ имъ руководиться въ метафизическихъ и естественно - научныхъ изслѣдованіяхъ. «Замѣчая, — говоритъ онъ, — нечувствительную постепенность въ частяхъ мірозданія, начиная съ человѣка до самыхъ низшихъ частей, на основаніи правила аналогіи, мы должны считать вѣроятнымъ существованіе той же постепенности и выше насъ внѣ сферы нашего наблюденія и этотъ родъ вѣроятности, — заключаетъ Лейбницъ, — есть великое основаніе разумныхъ гипотезъ».

Законъ непрерывности можетъ быть строго формулированъ въ двухъ слѣдующихъ постулатахъ: первый относится къ изслѣдованію группы неизмѣнныхъ объектовъ, второй — къ изслѣдованію измѣненій во времени и въ пространствѣ.

I. Наблюдая въ объектахъ *ABC*... нѣкоторый признакъ *a*, имѣющей послѣдовательно значенія

$$a > b > c, \dots,$$

мы должны предполагать существованіе объектовъ *A'B'C'*..., признаки которыхъ имѣютъ значенія *a'b'c'*..., промежуточные между (*a b*) (*b c*), сколь бы малы ни были эти промежутки.

¹⁾ Nouveaux Essais sur l'entendement humain. Livre. IV. Chapitre XVI. § 12.

Собирая, напримѣръ, въ рошѣ листья и размѣщая ихъ въ рядъ по ихъ длинѣ, я убѣжденъ въ томъ, что, продолжая сборъ листьевъ, я заполню промежутки въ томъ ряду.

Зная двухъ сильныхъ людей, изъ которыхъ A побѣждаетъ B , я убѣжденъ въ существованіи гдѣ-нибудь третьяго C , который какъ A , побѣждаетъ B и, какъ B , побѣждается самъ A .

II. Наблюдая при различныхъ значеніяхъ одного признака x объекта A : $x_1 x_2 \dots$ измѣненіе другого y , послѣдовательныя значенія котораго:

$$y_1 > y_2 > y_3 \dots,$$

мы должны предполагать въ промежуткахъ $(x_1 x_2)$ $(x_2 x_3) \dots$ такія значенія $x' x'' \dots$, для которыхъ y имѣетъ значенія $y' y'' \dots$, заключающіяся въ промежуткахъ: $(y_1 y_2)$ $(y_2 y_3) \dots$, сколь бы ни были малы эти промежутки.

Такъ, напримѣръ, при различномъ количествѣ топлива, моя печь развиваетъ различную температуру. При x_1 пудахъ топлива температура y_1 , при x_2 она возросла до y_2 , но внѣ сомнѣнія, мнѣ удастся положить столько топлива, чтобы температура была больше y_1 и меньше y_2 .

Частными случаями постулата II-го являются два слѣдующихъ:

IIa. Наблюдая въ различные моменты времени $t_1 t_2$ измѣненіе a признака объекта A , послѣдовательныя значенія котораго

$$a_1 > a_2 > a_3 \dots,$$

мы должны предполагать въ промежуткахъ $(t_1 t_2)$ $(t_2 t_3) \dots$ моменты $t' t'' \dots$, для которыхъ a имѣетъ значенія: $a' a'' \dots$, промежуточные между $(a_1 a_2)$ $(a_2 a_3) \dots$, сколь бы малы ни были эти промежутки.

IIb. Наблюдая въ различныхъ точкахъ $x_1 x_2 \dots$ измѣненіе признака объекта A , значенія котораго послѣдовательно:

$$a_1 > a_2 > a_3 \dots,$$

мы должны предполагать на разстояніяхъ $(x_1 x_2)$ $(x_2 x_3) \dots$ точки $x' x'' \dots$, для которыхъ a имѣетъ значенія $a' a'' \dots$, промежуточные между $(a_1 a_2)$ $(a_2 a_3) \dots$, сколь бы малы ни были эти промежутки.

Математическая формулировка этихъ законовъ будетъ слѣдующая:

I) Область измѣненія признаковъ объектовъ непрерывна.

II) Всѣ законы природы выражаются непрерывными функциями, въ частности, непрерывными функциями отъ

II) а времени,

II) б координатъ въ пространствѣ.

Положеніе II а ясно сознается Лейбницемъ, который выводитъ изъ него необходимость существованія безсознательной психической дѣятельности, заполняющей разрывы между сознательными актами.

Положеніе II б смутно сознается Декартомъ, утверждающимъ невозможность существованія пустого пространства.

Но уже здѣсь возникаютъ возраженія противъ универсальности закона непрерывности.

При принятіи гипотезы безсознательной психической дѣятельности достигается непрерывность психической дѣятельности, но фактъ прерывности сознательной дѣятельности остается на лицо.

Что же касается до утверждаемаго на основаніи закона непрерывности пустого пространства, то Ньютоновская физика и атомистическая теорія окончательно насъ разубѣдили въ этомъ.

Вопреки положенію II б представляется слѣдующая альтернатива:

Или, признавая единство матеріи, признать пустое пространство, т.-е. разрывы между ея отдѣльными частями, атомами или молекулами.

Или же, признавая различные роды матеріи, на примѣръ, эфиръ и собственно матерію, признать промежутки между частями первой заполненными второй.

Послѣдняя гипотеза будетъ аналогична теоріи безсознательнаго мышленія въ психической дѣятельности.

Въ обѣихъ гипотезахъ мы идемъ въ разрѣзъ съ выше формулированнымъ закономъ непрерывности.

Многіе другіе примѣры изъ естествознанія говорятъ тоже противъ универсальнаго значенія закона непрерывности.

Сила природы, обратно пропорціональная квадрату разстоянія, выражается функцией непрерывной для всѣхъ значеній разстоянія, кромѣ равнаго нулю, когда она обращается въ безконечность. Будемъ мѣнять уголъ отклоненія въ выраженіи времени, потребнаго для отклоненія маятника на этотъ уголъ. Дойдя до извѣстной величины, мы получимъ для времени уже мнимое значеніе, т.-е. функция, выражающая время, претерпѣваетъ разрывъ.

Самъ Лейбницъ утверждаетъ, что разрывы въ природѣ лишь одна видимость.

«Все въ природѣ,—утверждаетъ онъ ¹⁾,—идетъ постепенно, а не скачками, и это правило относительно измѣненій является частью моего закона непрерывности. Но красота природы, требующая различающихся впечатлѣній, требуетъ видимости скачковъ или, такъ сказать, музыкальные интервалы въ явленіяхъ и соединяетъ вмѣстѣ различныя ступени. Такъ, хотя въ нѣкоторомъ мірѣ и могутъ обрѣтаться виды, промежуточные между человѣкомъ и животнымъ и, повидимому, гдѣ-нибудь находятся разумныя животныя, за нами слѣдующія,—природа сочла лучшимъ отдѣлить ихъ отъ насъ, чтобы дать намъ безъ помѣхъ превосходство на нашемъ земномъ шарѣ».

Но если согласиться съ Лейбницемъ, что въ естественныхъ наукахъ разрывъ можетъ быть только видимостью, въ метафизическихъ и теологическихъ изслѣдованіяхъ мы должны признать хотя бы одинъ разрывъ между высшей изъ монадъ слѣдующей за монадой монадъ, т.-е. Богомъ и этой послѣдней.

Такимъ образомъ:

Функции, выражающія законы природы, не для всѣхъ значеній переменныхъ непрерывны.

Но мы можемъ также прибавить:

Область измѣненія переменныхъ не всегда непрерывна.

Нѣкоторые признаки предметовъ, напримѣръ, температура не можетъ быть ниже извѣстнаго предѣла (—273°).

Кромѣ того нѣкоторые признаки объекта могутъ опредѣляться только цѣлыми числами, числами однородныхъ объектовъ, агрегатъ которыхъ представляетъ данный объектъ. Въ этомъ случаѣ законы измѣненія другихъ признаковъ могутъ выражаться функциями отъ переменнаго, переходящаго только черезъ цѣлыя значенія. *Natura facit saltus*—природа дѣлаетъ скачки, но эти скачки рѣдкое исключеніе изъ общаго правила.

Функции, выражающія законы природы, непрерывны за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ значеній ихъ. Такія функции представляютъ предметъ изслѣдованія Математическаго Анализа, почему онѣ называются аналитическими функциями.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ слѣдующей формулировкѣ

¹⁾ Oeuvres de Leibniz. Nouveaux Essais sur l'entendement humain. Livre IV. Chap. XVI. S. 12.

закона непрерывности, принадлежащей Н. В. Бугаеву ¹⁾, подвергнутому остроумной критикѣ законъ непрерывности.

Законы природы выражаются аналитическими функциями.

Научное мировоззрѣніе, основанное на этомъ законѣ, справедливо названо Н. В. Бугаевымъ *аналитическимъ*. Это направленіе до сихъ поръ сказывалось во всѣхъ областяхъ знанія, всякое измѣненіе въ природѣ разсматривалось имъ, какъ результатъ ничтожныхъ измѣненій во времени безъ рѣзкихъ и сильныхъ переворотовъ. Если въ иныхъ случаяхъ трудно было избѣгнуть признанія крупныхъ переворотовъ въ сравнительно короткое время, то эти перевороты признавались за особые исключенія изъ общаго правила.

Лучшимъ выразителемъ этого направленія является эволюціонная теорія Дарвина: происхожденіе высшихъ видовъ изъ нисшихъ при помощи ряда ничтожныхъ измѣненій ихъ признаковъ подѣйствиемъ естественнаго подбора и борьбы за существованіе. Конечно, этотъ законъ не является научнымъ доказательствомъ теоріи Дарвина, но все-таки положеніе: «*natura non facit saltus*» представляетъ своего рода философскій аргументъ въ ея пользу, можетъ служить лишней причиною пристрастія къ ней.

Въ томъ же направленіи идетъ и современная геологія, признающая медленное и постепенное теченіе геологическихъ процессовъ въ противоположность прежнимъ теоріямъ катаклизма.

Горячимъ защитникомъ этого направленія и непреложности закона непрерывности является Дюрингъ, авторъ *Философіи Дѣйствительности* ²⁾.

«Если настоящее дѣлается мѣриломъ прошедшаго и будущаго и если настоящій способъ дѣйствія силъ въ природѣ представляетъ единственный образецъ для всѣхъ дѣйствій, то мировыхъ катастрофъ въ точномъ смыслѣ слова нѣтъ».

Во всякомъ физическомъ процессѣ природы эпоха, за которой наступаетъ перемѣна въ свойствахъ процесса, готовится посредствомъ медленнаго постепеннаго повышенія въ количественныхъ переходахъ».

Съ односторонностью аналитическаго направленія въ наукѣ вступаетъ въ борьбу Московская Философско-Математическая

¹⁾ Н. В. Бугаевъ. Математика и научно-философское мировоззрѣніе. „Вопросы Философіи и Психологіи“, 1898 г., книга V (45), стр. 697.

²⁾ Cursus der Philosophie. Leipzig 1875. S. 93—94.

школа ¹⁾ съ покойнымъ Н. В. Бугаевымъ во главѣ. Ей представляется возможнымъ и необходимымъ соединить это направленіе съ другимъ, съ направлениемъ *аритмологическимъ*, признающимъ возможность выраженія нѣкоторыхъ законовъ природы числовыми функциями. Въмѣсто того, чтобы считать разрывы только исключеніями изъ общаго правила, она справедливо признаетъ въ иныхъ случаяхъ ихъ общимъ правиломъ. Она указываетъ, что не всякому отношенію атомныхъ вѣсовъ двухъ химическихъ элементовъ соотвѣтствуетъ существующее соединеніе, а только нѣкоторому опредѣленному конечному числу его значеній. Не всякому атомному вѣсу отвѣчаетъ химическій элементъ. Не всякое сочетаніе звуковъ производитъ гармонію, а только тоны, въ которыхъ высоты звуковъ находятся въ опредѣленныхъ соотношеніяхъ.

Не опредѣляются ли всѣ эти законы числовыми функциями и не представляютъ ли они случаи, гдѣ примѣненіе аналитическихъ функций для ихъ объясненія является невозможнымъ?

При такомъ взглядѣ, не отказываясь окончательно отъ аналитическаго объясненія явленій, мы можемъ предполагать существованіе и такихъ явленій, при которыхъ этотъ взглядъ можетъ быть признанъ несостоятельнымъ. Независимо отъ опытныхъ данныхъ, подтверждающихъ или опровергающихъ теорію Дарвина, мы должны отказаться отъ пристрастія къ ней, къ которому призываетъ насъ принципъ «*Natura non facit saltus*», такъ какъ въ иныхъ случаяхъ природа совершаетъ скачки черезъ рядъ промежуточныхъ значеній между значеніями нѣкоторой числовой функции.

Желаніе Философско-Математической школы вселить въ науку вѣру въ возможность числовыхъ соотношеній между различными элементами природы идетъ дальше Химіи и теоріи Дарвина.

Такъ В. Г. Алексѣевъ ²⁾ видимо желаетъ видѣть эту аритмологическую закономерность и въ исторіи, дѣлая намекъ на нѣкоторые числовые законы въ исторіи. Н. В. Бугаевъ ³⁾ дѣлаетъ

¹⁾ Такъ называетъ П. А. Некрасовъ то направленіе, основанное на идеяхъ Бугаева, къ которому принадлежатъ Бугаевъ, Некрасовъ, Алексѣевъ и другіе мыслители математики.

²⁾ В. Г. Алексѣевъ. Математика, какъ основаніе критики научно-философскаго мировоззрѣнія. Юрьевъ. 1903 г., стр. 25.

³⁾ Бугаевъ. Математика и научно-философское міросозерданіе „Вопросы Философій и Психологій“, книга 45.

возраженія противъ детерминизма, предполагая въ психическихъ явленіяхъ возможность систематическихъ разрывовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что къ этому новому направленію, которое можетъ быть названо возродившимся пиагорействомъ, приводитъ столько же желаніе подвести неподдававшіяся до сихъ поръ математическому изслѣдованію явленія, какъ и желаніе нанести ударъ принципамъ позитивнаго знанія, выступившимъ противъ дорогихъ сердцу изслѣдователя идеаловъ, желаніе, по выраженію Н. В. Бугаева, «уничтожить опасность съ этической и эстетической точекъ зрѣнія» аналитическаго міровоззрѣнія.

Московская Философско-Математическая школа вѣрится, что аритмологическое направленіе убьетъ и детерминизмъ и эволюціонную теорію Дарвина и желѣзную законмѣрность социальныхъ явленій, сдѣлаетъ волю человѣка свободной, человѣка оторветъ отъ нисшихъ формъ и промежутки между клочками природы, доступными изслѣдованію науки, заполнить предметами вѣры. Вѣра въ возможность этой побѣды красной нитью проходитъ черезъ всѣ сочиненія Бугаева, Алексѣева и Некрасова.

«Съ вопросами аритмологическими,—говоритъ Н. В. Бугаевъ,—часто связываются самые возвышенные интересы человѣка. Философъ не можетъ отказаться отъ нихъ во имя односторонняго аналитическаго міровоззрѣнія. Цѣлесообразность и гармонія не могутъ быть выброшены за бортъ изъ истиннаго научно-философскаго міросозерцанія. При изученіи явленій природы слѣдуетъ также съ ними считаться. Аритмологическое міросозерцаніе указываетъ, что цѣлесообразность также играетъ роль въ мировыхъ явленіяхъ. Оно приводитъ къ убѣжденію, что добро и зло, красота, справедливость и свобода не только иллюзіи, созданныя воображеніемъ человѣка. Оно убѣждаетъ насъ, что корни ихъ лежатъ въ самой сущности вещей, въ самой природѣ мировыхъ явленій, что они имѣютъ не фиктивную, а реальную подкладку. Аритмологическое міросозерцаніе не принуждаетъ насъ понимать теченіе событій только въ ихъ роковой и необходимой послѣдовательности. Оно освобождаетъ насъ отъ фатализма».

Намъ кажется весьма сомнительнымъ такое чудотворное значеніе аритмологическаго направленія. Столь ненавистный Н. В. Бугаеву и В. Г. Алексѣеву детерминизмъ состоитъ въ законмѣрности психическихъ явленій, которыя вовсе не устраняются замѣной непрерывныхъ функций числовыми. Я буду одинаково

несвободенъ, заставлятъ ли меня непрерывно двигаться по дорогѣ или перескакивать съ одного камня на другой.

Аритмологъ можетъ оказаться такимъ же детерминистомъ, какъ аналитикъ, при чемъ именно детерминизмъ аритмолога долженъ быть по преимуществу названъ фатализмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, по его мнѣнію, его поступки опредѣляются не только мотивами, зависящими отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и его собственной природы, прежними его хотѣніями и дѣйствіями, но еще какими-то фатальными аритмологическими законами.

Можно, напримѣръ, представить себѣ аритмолога, который будетъ утверждать, что желаніе сдѣлать какой-либо добрый поступокъ у него по непремѣнному аритмологическому закону должно являться въ четные дни недѣли.

Онъ можетъ вообразить еще цѣлую массу такихъ законовъ, можетъ, наконецъ, признать свою волю вполне опредѣляемой совокупностью такихъ законовъ. Не будетъ ли такой детерминизмъ большимъ фатализмомъ, чѣмъ, напримѣръ, детерминизмъ Вундта, строго проводящій разницу между механической причинностью и психической мотиваціей.

Приверженцы аритмологическаго направленія стараются убѣдить въ его истинности двоякими путями:

1) указывая на рядъ явленій, въ которыхъ можно предвидѣть аритмологическіе законы и

2) указывая, что принятіе этого направленія приводитъ насъ къ религіознымъ и нравственнымъ понятіямъ, полезнымъ для жизни въ противоположность тѣмъ, которые создаетъ аналитическое направленіе.

Но при этомъ только аргументы перваго рода могутъ имѣть значеніе. Что касается до аргументовъ втораго рода, то, во-первыхъ, какъ мы уже выше замѣтили, сомнительно, что аритмологическое воззрѣніе можетъ дать для защиты религіозныхъ и нравственныхъ идеаловъ больше чѣмъ аналитическое, если эти идеалы ставить, какъ Н. В. Бугаевъ, въ зависимости отъ рѣшенія проблемы о свободѣ воли, во-вторыхъ, если бы это и удалось, все-таки оставалось бы недоказаннымъ, что истинное знаніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе полезное. Намъ представляется что философу слѣдуетъ брать себѣ примѣромъ ту самую математику, къ содѣйствію которой обращается Н. В. Бугаевъ въ своихъ умозрѣніяхъ. Развѣ, опредѣляя площадь квадрата, мы должны

при выборѣ для нея формулы, руководиться ея полезностью, а не выбирать просто ту, которая истинна? Развѣ для Геометріи имѣеть значеніе то, что эта формула можетъ насъ убѣдить въ томъ, что принадлежащее намъ поле меньше, чѣмъ мы предполагали раньше къ нашей гордости и удовольствію?

Что же касается до примѣровъ, приводимыхъ въ пользу аритмологическаго воззрѣнія, то можно также усумниться въ ихъ убѣдительности. Изъ того, что химическіе элементы могутъ соединяться въ опредѣленныхъ пропорціяхъ, вытекаетъ ли, что эти пропорціи должны опредѣляться числовой функціей? При рѣшеніи нѣкоторой математической задачи мы получаемъ 4 рѣшенія; вытекаетъ ли отсюда, что при рѣшеніи ея мы пользовались числовыми функціями, что полученный результатъ опредѣляется, какъ числовая функція заданныхъ величинъ? Гораздо естественнѣе ожидать, что мы обычными путями т.-е. пользуясь только аналитическими функціями рѣшили это уравненіе и получили четыре рѣшенія.

При рѣшеніи механической задачи объ опредѣленіи положенія равновѣсія системы точекъ или тѣла мы получили 4 рѣшенія для разстоянія одной изъ точекъ системы отъ начала координатъ; философу аритмологу едва ли умѣстно было бы вводить здѣсь числовыя функціи. Пользуясь законами Механики, выражаемыми исключительно аналитическими функціями, мы составили бы уравненіе 4-ой степени, откуда и получили бы 4 рѣшенія.

Во всѣхъ примѣрахъ, которые приводятся аритмологами, мы имѣемъ дѣло съ явленіями равновѣсія, не менѣе подчиненными закономерности, чѣмъ явленія движенія.

Сомняваясь въ возможности введенія въ естественныя науки числовыхъ функцій, мы тѣмъ не менѣе раздѣляемъ взглядъ московской Философско-Математической школы, что существуютъ явленія, въ которыхъ правиломъ является не непрерывность, а разрывъ. Въ этомъ именно и состоитъ по нашему мнѣнію заслуга покойнаго Н. В. Бугаева.

Ошибки современнаго *естественно-научнаго міровоззрѣнія слѣдуетъ искать не въ примѣненіи исключительно аналитическихъ функцій, а въ одностороннемъ пристрастіи къ эволюціи, въ желаніи видѣть непрерывные переходы тамъ, гдѣ имѣетъ мѣсто только явленіе равновѣсія и ея нарушеніе.*

Уничтоженіе этихъ ошибокъ даетъ не соединеніе аналитиче-

скаго направленія съ аритмологическимъ, а динамическаго воззрѣнія съ статическимъ. То, что мы разсматривали, какъ непрерывное движеніе въ одномъ направленіи, мы должны разсматривать, какъ рядъ скачковъ черезъ положенія равновѣсія.

Такимъ образомъ ошибка не въ примѣненіи ненадлежащаго типа функций, а въ ненадлежащемъ способѣ ихъ примѣненія. Формулировка закона непрерывности Бугаева остается въ силѣ, но должна быть дополнена слѣдующимъ образомъ.

Законы природы выражаются аналитическими функциями въ слѣдующемъ смыслѣ:

1) *Дается уравненіе, составленное при помощи аналитическихъ функций, рѣшеніями котораго будутъ нѣкоторые признаки объектовъ*

2) *или же одинъ признакъ задается въ аналитической функции отъ другихъ.*

При истинномъ синтезѣ динамическаго и статическаго міровоззрѣній мы должны отказаться отъ слишкомъ оптимистическаго и самодовольнаго взгляда на устойчивость мірозданія, по которому все и всегда обстоитъ благополучно, такъ какъ возможныя измѣненія всегда будутъ ничтожно малы. Не будемъ обѣщать вмѣстѣ съ Дюрингомъ, что «если бы въ самомъ дѣлѣ планеты когда-либо прикоснулись къ солнцу, то поперечники ихъ орбитъ измѣнялись бы понемногу и постоянно, такъ что мыслимо даже постоянное приспособленіе къ новымъ обстоятельствамъ живущихъ на этихъ планетахъ организмовъ... 1)

Не будемъ улетать на планеты, которыя должны обратиться въ газъ отъ такихъ катастрофъ, какъ взрывъ водорода на принадлежащемъ ему солнцѣ, которымъ, напримѣръ, объясняется появленіе нѣкоторыхъ новыхъ звѣздъ, не будемъ искать примѣровъ и на нашемъ земномъ шарѣ, гдѣ въ нѣсколько часовъ подъ вулканической лавой гибнутъ цвѣтущіе города и деревни.

Намъ кажется, что уже одна жизнь человѣческая опровергаетъ эту непрерывную приспособляемость къ обстоятельствамъ, и горе и болѣзнь, подступая къ человѣку неслышными шагами, хватаютъ его сразу за горло и проявляютъ не большую предупредительность къ своей жертвѣ, чѣмъ Везувій къ Помпѣѣ.

Аритмологическое міровоззрѣніе подвергаетъ критикѣ эволюціонную теорію Дарвина и даетъ новые аргументы въ пользу

1) Cursus der Philosophie. Leipzig. 1875. S. 92—93.

старой теоріи неизмѣнности видовъ¹⁾. При переходѣ отъ одного вида къ другому существуетъ возможный при этомъ міровоззрѣніи скачокъ. Вся эта совокупность отдѣленныхъ другъ отъ друга животныхъ видовъ существуетъ или вѣчно, или съ момента созданія ихъ Творцомъ.

Во взглядахъ защитниковъ неизмѣнности видовъ, видъ разсматривается, какъ устойчивое равновѣсіе. Равновѣсіе можетъ быть двухъ родовъ. Въ то время, какъ въ неустойчивомъ равновѣсіи малѣйшія отклоненія приводятъ къ полному его нарушенію, въ устойчивомъ—они влекутъ за собой возвращеніе системы къ первоначальному положенію.

Относя видъ къ равновѣсію этого послѣдняго рода, мы получаемъ возможность ничтожныхъ отклоненій отъ нормальнаго вида, но такихъ, послѣ которыхъ видъ стремится возвратиться къ своей первоначальной формѣ. Такія отклоненія не отрицаются и нѣкоторыми защитниками неизмѣнности видовъ.

Въ то время, какъ ничтожныя отклоненія приводятъ устойчивую систему въ прежнее положеніе, болѣе крупныя могутъ ее совершенно вывести изъ равновѣсія или привести къ новому положенію равновѣсія. Переходъ отъ одного вида къ другому, этотъ *saltus* совершается самой природой и представляетъ просто переходъ отъ одного положенія равновѣсія къ другому. Непрерывное измѣненіе видовъ должно быть замѣнено прерывистымъ рядомъ скачковъ черезъ рядъ единственно возможныхъ формъ. Этотъ, именно, взглядъ и проводится въ теоріи гетерогенезиса Коржинскаго и другихъ, защищаемой Гартманомъ въ его знаменитой критикѣ Дарвинизма, по мнѣнію котораго всѣ факторы измѣненія видовъ, отличаемые Дарвиномъ: борьба за существованіе и естественный подборъ, въ состояніи произвести лишь ничтожныя отклоненія, не могуція произвести прогрессивное развитіе видовъ. Крупныя же измѣненія признаковъ слѣдуетъ искать въ перерожденіяхъ зародыша.

«Измѣняемость, производимая естественнымъ подборомъ, говоритъ Гартманъ, не можетъ быть названа *расширеніемъ* въ безконечность, напротивъ того, заслуживаетъ опредѣленія *колебательнаго качанія вокругъ центра—нормальнаго типа*».

Естественный подборъ сводится только къ удержанію вида на

¹⁾ П. А. Некрасовъ. Московско-философская мат. школа, стр. 59.

высотѣ достигнутаго равновѣсія въ приспособленіи. Генетическое превращеніе одного типа въ другой въ большинствѣ и притомъ наиболѣе важныхъ случаяхъ совершается не путемъ постепеннаго измѣненія, а скачками, гетерогеннымъ зарожденіемъ при помощи закономѣрно развивающейся метаморфозы.

Такимъ образомъ здѣсь измѣненіе признаковъ вида представляетъ не сумму ничтожно малыхъ измѣненій черезъ длинный рядъ поколѣній, а скачокъ, совершаемый при одномъ переходѣ отъ родителей къ ребенку.

Подобнаго рода теоріи (мутационная теорія де Фриза и теорія гетерогенезиса Коржинскаго) неправильно называются В. Г. Алексѣевымъ *аритмологическими*. Если бы возможно было здѣсь примѣненіе математическихъ функцій, то эти функціи были бы отнюдь не числовыми, а тѣми же самыми аналитическими функціями, которыя мы встрѣчаемъ въ каждой задачѣ Статики.

Замѣтимъ, что и возрѣнія Тейхмюллера противъ Дарвинизма, водятся только къ возраженіямъ противъ непрерывнаго развитія.

«Непрерывные и незамѣтные переходы, цитируетъ Алексѣевъ Тейхмюллера, возможны только тамъ, гдѣ не имѣемъ дѣла съ системами и гдѣ разсматриваемые элементы трактуются только по ихъ абсолютной, а не относительной величинѣ, какъ напримѣръ, падающія капли постепенно выдалбливаютъ углубленія въ камнѣ, но, если падаютъ на негашеную известь, то на ряду съ механическимъ дѣйствіемъ, производятъ также и химическое, которое подлежитъ объясненію изъ другого закона. Даже въ чисто физической области можно указать качественныя точки, напр., въ кристаллизациі непрерывное убываніе теплоты дѣйствуетъ при образованіи льда не непрерывно, а скачкообразно».

Эти *качественныя* точки Тейхмюллера это тѣ точки, въ которыхъ отъ Динамики мы должны обратиться къ Статикѣ.

Какія силы заставляютъ производить при развитіи видовъ существенныя и важныя для послѣдняго отклоненія—этотъ вопросъ выходитъ за предѣлы настоящей статьи. Мы только указываемъ на общую схему эволюціи видовъ.

Существуютъ положенія устойчиваго равновѣсія, около которыхъ происходятъ колебанія, которыя, возрастая подъ дѣйствіемъ нѣкоторыхъ силъ, главнымъ образомъ проявляющихся при началѣ формированія особи, могутъ достигнуть размѣровъ, при

которыхъ равновѣсіе нарушается или переходитъ въ другую форму устойчиваго равновѣсія.

Та же схема годится и для историческихъ событій, въ которыхъ не всегда можетъ быть усмотрѣна непрерывная эволюція. Въ своихъ дѣйствіяхъ государства или общественныя группы консервативны въ томъ смыслѣ, что всѣ новыя созидаемыя ими законоположенія не выходятъ изъ нѣкоторыхъ границъ, опредѣляемыхъ основными законами и обычаями и разрушеніе которыхъ грозитъ гибелью тѣхъ формъ, въ которыхъ они существуютъ. Всѣ отклоненія отъ этихъ формъ обычно приводятъ ихъ къ первоначальному положенію устойчиваго равновѣсія. Исторія и этнографія даютъ намъ примѣры инертности обычаевъ и законовъ въ особенности при нисшихъ стадіяхъ культуры, характернымъ выраженіемъ которыхъ является видѣнная въ Бубастѣ Діодоромъ Сицилійскимъ колонна, на которой было начертано: «Я Изида, царица сей страны, воспитанница Гермеса, я установила законы, которые ничто не можетъ измѣнить».

«Какъ отдѣльный индивидуумъ,—замѣчаетъ Ломброзо,—такъ въ особенности общество инертно въ своихъ взглядахъ, оно боится всего новаго, мизонензмъ это одно изъ характерныхъ свойствъ нормальной жизни»¹⁾. Ренанъ нашель, что въ Сириі тѣ же права и обычаи, которые господствовали во время Великой Имперіи. Дореволюціонный періодъ характеризуется возрастаніемъ отклоненій отъ прежнихъ формъ. Подъ дѣйствіемъ экономическихъ и идеологическихъ факторовъ общая воля все дальше и дальше отклоняется отъ косныхъ привычекъ, увлекая за собой консервативные элементы. При достиженіи этими отклоненіями извѣстныхъ границъ становятся возможными два исхода: или гибель государства, или внезапный переходъ его къ новымъ столь же устойчивымъ, какъ и первоначальная формамъ. Исторія государства есть исторія революцій, между краткими періодами которыхъ тянутся длинные періоды застоя.

Подобный скачкообразный прогрессъ замѣчается не только въ развитіи политическихъ формъ государства, но и въ научномъ, нравственномъ и религіозномъ развитіи человѣчества.

Въ психическомъ ростѣ человѣка при переходѣ его черезъ различ-

¹⁾ *Ломброзо и Ляски. Политическая преступность и революція, часть I, глава I.*

ные возрасты жизни мы видимъ то же развитіе скачками. Въ теченіе довольно длиннаго періода ребенокъ играетъ все въ тѣ же игры и какъ сравнительно кратокъ тотъ промежутокъ времени, въ который онъ переселяется изъ міра дѣтской фантазіи въ реальный міръ!

Если внѣшнія обстоятельства играютъ болѣе или менѣе важную роль въ созданіи характера человѣка, то дѣйствіе ихъ должно представляться въ слѣдующемъ видѣ: въ тусклой и однообразной въ своемъ нормальномъ теченіи жизни отдѣльные событія мало и на короткое время мѣняютъ отдѣльныя черты человѣческаго характера, жизненная неприятность превращаетъ веселаго человѣка въ меланхолика, но время возвращаетъ ему прежнюю веселость и въ душѣ восстанавливается прежнее равновѣсіе. Когда же на жизненномъ небосклонѣ раздражается настоящая гроза, тогда гнѣвъ, печаль или безмѣрная радость доводятъ душу до крайнихъ границъ напряженія, для которыхъ представляется только слѣдующая альтернатива: или гибель, разрушеніе въ видѣ сумашествія, смерти, или перерожденіе характера, какъ это произошло съ апостоломъ Павломъ, св. Августиномъ и другими.

Сознательная жизнь—это теченіе представленій, начинающееся съ внезапнаго появленія какого-либо ощущенія или представленія и прерываемое другими болѣе сильными теченіями, всплывающими изъ нѣдръ бессознательной души. Эта прерывность сознательной жизни находитъ себѣ объясненіе въ смыслѣ статическаго воззрѣнія.

На такой именно точкѣ зрѣнія стоитъ Авенаріусъ, по взглядамъ котораго сознательный актъ является только переходомъ отъ одного положенія устойчиваго равновѣсія къ другому. Явленіе, начинающее фізіологическій жизненный рядъ, есть нарушеніе какой-либо изъ частныхъ нервныхъ системъ одного элемента всей нервной системы организма, грозящей ея жизни, явленіе завершающее рядъ—это реакція, приводящая эту систему къ первоначальному положенію или къ дегенерации этой системы въ другую.

Въ этомъ случаѣ, когда отклоненія или жизнеразности достигаютъ размѣровъ, грозящихъ жизни не только частной, но и центральной нервной системѣ, сознательный актъ служитъ для устраненія этой жизнеразности и соотвѣтственно или возвращаетъ систему въ первоначальное положеніе, или переводитъ ее въ новое положеніе устойчиваго равновѣсія.

Аналогичный этому взглядъ на явленія сознанія проводить въ своей психофизикѣ Делбефъ, по которому, съ точки зрѣнія физиологической: «чувствованіе есть нарушеніе равновѣсія».

«Организмъ,—говоритъ Делбефъ ¹⁾,—подобенъ эластичному тѣлу, молекулы котораго способны различно располагаться между нѣкоторыми границами, но предоставленныя самимъ собѣ, возвращаются въ свое прежнее положеніе.

Графически всякое измѣненіе y въ зависимости отъ x можетъ быть представлено, какъ движеніе точки по нѣкоторой кривой, если за y принимать одну координату точки, т.-е. разстояніе ея отъ одной изъ двухъ взаимно перпендикулярныхъ прямыхъ, а за x другую координату. Такимъ образомъ можно представлять развитіе различныхъ способностей индивидуума, общественной группы или, наконецъ, всего человѣчества.

При признаніи закона непрерывности эта кривая должна быть непрерывной, а при формулировкѣ Н. В. Бугаева аналитической кривой. Всякое возрастаніе мы можемъ представлять въ конкретной формѣ движенія различныхъ элементовъ, образующихъ систему. Такимъ представленіемъ и соотвѣтствующимъ языкомъ пользуются, когда говорятъ о движеніи науки, искусства и т. д.

Пользуясь этимъ языкомъ и резюмируя теперь все вышесказанное, мы можемъ утверждать, что *ошибка аналитическаго воззрѣнія состоитъ не въ пренебреженіи числовыми функціями, а въ ошибочномъ взглядѣ на нѣкоторыя явленія, какъ на поступательное непрерывное движеніе элементовъ въ то время, какъ они представляютъ только рядъ скачковъ черезъ положенія равновѣсія.*

Но было бы [также односторонне предполагать, что всякое движеніе идетъ скачками.

Общая схема для изслѣдованія явленія должна дать слѣдующіе элементы:

- 1) находящіеся въ непрерывномъ движеніи;
- 2) колеблющіеся около положенія устойчиваго равновѣсія;
- 3) неподвижные, эти элементы могутъ находиться въ положеніи неустойчиваго равновѣсія.

Подъ эту схему подходитъ слѣдующій конкретный примѣръ. Вѣтеръ гонитъ по землѣ осенніе листья. Листья—это элементы второго рода—поддуваемые вѣтромъ, скачутъ по землѣ. Воздухъ,

¹⁾ *Delboeuf*. Elements de psychophysique, p. 148.

находящійся въ непрерывномъ движеніи, это элементъ перваго рода; наконецъ, неподвижная земля—элементъ третьяго рода.

Обычную погрѣшность міровоззрѣнія слѣдуетъ искать въ упущеніи изъ виду элементовъ второй категоріи. Но было бы также ошибкой односторонняго статическаго воззрѣнія строить міръ только на элементахъ второго и третьяго рода. Ошибочнымъ было бы міровоззрѣніе, въ которомъ бы міръ разсматривался, какъ рядъ колебаній около положеній равновѣсія.

При такомъ міровоззрѣніи возрастаніе отклоненій отъ положенія равновѣсія, влекущее скачокъ отъ одного положенія равновѣсія къ другому, оставалось бы неразъясненнымъ. Всегда мы должны предполагать элементы непрерывно прогрессирующіе и именно эти элементы, неизмѣнно связанные съ другими, колеблющимися около положенія равновѣсія, заставляютъ возрастать колебанія послѣднихъ и доводятъ ихъ до размѣровъ, приводящихъ ихъ въ новое положеніе равновѣсія, или мы должны признать непрерывно дѣйствующую силу, увеличивающую отклоненія колеблющихся элементовъ. Такъ при движеніи по землѣ листьевъ мы должны признать вѣтеръ и воздухъ въ непрерывномъ движеніи. Въ исторической эволюціи, въ дѣйствительности, усматриваются элементы непрерывно прогрессирующіе въ то время, какъ другіе находятся въ колебаніи. Въ то время, какъ наши формы общежитія колеблются въ тѣсныхъ границахъ, нашъ умъ и чувствительность непрерывно прогрессируютъ.

Если въ заслугу Авенаріусу можетъ быть поставлена оригинальная идея разсматривать явленія сознанія съ статической точки зрѣнія, то, съ другой стороны, нельзя не усмотрѣть односторонности, состоящей въ исключеніи элементовъ перваго рода нашей схемы. Состоятъ ли всѣ явленія сознанія въ одномъ возвращеніи къ первоначальному положенію равновѣсія? Нѣтъ, и Авенаріусъ находитъ возможной дегенерацію системъ, переходъ къ новымъ положеніямъ равновѣсія. А если это такъ, то не слѣдуетъ ли искать этому объясненія въ элементахъ непрерывно-прогрессирующихъ или въ непрерывно-дѣйствующей силѣ?

Не находятъ ли всѣ эти явленія объясненія въ томъ, что къ принципу самосохраненія долженъ быть прибавленъ другой принципъ, который можетъ находиться съ первымъ въ антагонизмѣ? Стараясь всѣ явленія психической жизни объяснить изъ принципа самосохраненія всего организма или частныхъ нервныхъ си-

стемъ, не уподобляемся ли мы физиологу, который, признавъ функцію питанія, упустилъ бы изъ виду непрерывный ростъ организма? Невозможность подвести всѣ явленія психической жизни подъ односторонній принципъ самосохраненія въ особенности ясно сознавъ величайшими современными индивидуалистами: Ницше и Гюйо.

Правда, философія Ницше беретъ начала въ философіи Шопенгауэра и эволюціонной теоріи Дарвина, но въ послѣднихъ стадіяхъ своего развитія она уже становится къ нимъ во враждебное отношеніе.

Пессимизмъ и аскетизмъ Шопенгауэра исчезаетъ передъ вѣрою въ явленіе сверхчеловѣка. Принципъ непрерывности развитія отвергается признаніемъ внезапнаго обращенія человѣка въ сверхчеловѣка черезъ уничтоженіе человѣческой морали, борьба за существованіе уже не главный факторъ эволюціи, ведущій отъ нисшихъ формъ черезъ человѣка къ сверхчеловѣку, самосохраненіе уже не представляетъ единственную цѣль индивидуума. Ницше отмѣчаетъ новый двигатель, это стихійное стремленіе къ проявленію своего могущества, стремленіе, которое можетъ встать въ противорѣчіе съ сохраненіемъ цѣлости индивидуума.

Еще яснѣе сознается недостатокъ одного принципа самосохраненія Гюйо, который отмѣчаетъ въ человѣкѣ стремленія, идущія въ разрѣзъ съ эгоизмомъ, по мнѣнію котораго наши нравственныя дѣйствія имѣютъ своимъ источникомъ стремленіе нашей души къ болѣе интенсивной и экстенсивной жизни, стремленіе, ведущее насъ къ риску и къ самопожертвованію.

Итакъ, выраженіе: «Природа не дѣлаетъ скачковъ», мы замѣняемъ слѣдующимъ:

Природа дѣлаетъ скачки не видимые, а дѣйствительные. Мы видимъ преимущественно тѣ элементы ея, которые инертны ко всякому движенію и которые, принявъ положеніе устойчиваго равновѣсія, съ упорствомъ ея сохраняютъ. Но въ то же время невидимыя намъ силы совершаютъ непрерывную работу, до поры не вліяющую на перемѣну положенія инертныхъ элементовъ и только въ моментъ достиженія извѣстныхъ границъ выводящую ихъ изъ положенія равновѣсія для разложенія или приведенія въ новое устойчивое равновѣсіе.

Д. Мордухай-Болтовской.

Новая теорія познанія.

(По поводу книги Н. Лоссака Обоснованіе интуитивизма. Спб. 1906).

Сочиненіе Н. О. Лоссака «Обоснованіе интуитивизма» представляет въ высшей степени оригинальное изслѣдованіе, ставящее задачей полную переоцѣнку всѣхъ цѣнностей въ гносеологіи, ниспроверженіе существующихъ взглядовъ на познавательные процессы и установленіе по отношенію къ нимъ совѣсть новыхъ точекъ зрѣнія. Авторъ скромно называетъ свою теорію пропедевтической; это не помѣшало ему тѣснѣйшимъ образомъ связать съ ней чрезвычайно своеобразное метафизическое и психологическое міросозерцаніе. Онъ примыкаетъ къ тенденціямъ такъ называемой имманентной философіи, принявшей въ послѣднее время столь разнообразныя формы въ Германіи; онъ думаетъ, что вся познаваемая дѣйствительность имманентно присутствуетъ въ человѣческомъ познавательномъ процессѣ, но это убѣжденіе, повидимому, долженствующее склонять мысль къ предположеніямъ субъективнаго идеализма, соединяется у него съ рѣзко сформулированнымъ *реализмомъ* не только въ современномъ, но и въ средневѣковомъ значеніи этого понятія. Черезъ это даже наиболѣе простыя правила логики и наиболѣе элементарные процессы мысли обращаются для него въ очень трудныя проблемы, при рѣшеніи которыхъ онъ обнаруживаетъ очень широкую философскую начитанность, несомнѣнное глубокомысліе и изысканную тонкость пріемовъ аргументаціи.

Въ своемъ введеніи авторъ начинаетъ съ литературнаго и даже патетическаго изображенія своей тоски по безконечной широтѣ жизни и по такому знанію, которое постигаетъ вплоть до глубочайшихъ изгибовъ внутреннюю жизнь міра (стр. 1, 2). Существующія теоріи познанія, сводящія непосредственный че-

ловѣческой опытъ къ совокупности личныхъ индивидуальныхъ состояній, не удовлетворяютъ его, и онъ ставитъ себѣ задачу построить такую теорію знанія, которая не опиралась бы ни на какія другія теоріи и предпосылки, а начиналась бы прямо съ анализа дѣйствительныхъ переживаній въ данный моментъ (стр. 10). Онъ полагаетъ, что всѣ ранѣе возникшія гносеологическія направленія уклонялись отъ этого пути и непременно исходили изъ какихъ-нибудь догматическихъ предпосылокъ. Чтобы доказать правильность такого взгляда онъ подвергаетъ суровой критикѣ гносеологическія воззрѣнія докантовскаго эмпиризма (гл. I первой части) и докантовскаго рационализма (гл. II). Въ основаніи выводовъ того и другого авторъ видитъ опредѣленную догматическую предпосылку, состоящую въ заранѣе сдѣланномъ признаніи совершенной обособленности Я отъ не-Я, субъекта отъ объекта, во взглядѣ на познаніе, какъ на процессъ трансцендентный, отличный отъ познаваемой дѣйствительности, существующей внѣ его и независимо отъ него. Допустимъ такую внѣшность познанія познаваемымъ вещамъ и мы тотчасъ же попадемъ въ цѣлый рядъ неразрѣшимыхъ противорѣчій; тогда всякое знаніе есть копированіе вещей, отъ него отдѣльныхъ. Но какъ объяснить и обосновать такое копированіе? Эмпиристы ссылаются на воспріятія нашихъ чувствъ, въ которыхъ отражается внѣшній міръ, потому что онъ вызываетъ ихъ своимъ воздѣйствіемъ. Но какъ установить соотвѣтствіе между нашими ощущеніями и внѣшними вещами, какъ, пользуясь только перемѣнами въ насъ, опредѣлить то, что внѣ насъ, окружающую насъ матеріальную природу и міръ чужого сознанія? Всѣ попытки въ этомъ родѣ, по мнѣнію автора, кончались всегда неудачею. Послѣдовательнымъ выводомъ эмпиризма является неограниченный скептицизмъ Юма. Можно ли заключать отъ явленій въ насъ къ свойствамъ внѣшняго міра, какъ ихъ причины? Такой путь очень ненадеженъ: одно и то же дѣйствіе можетъ вызываться разными причинами (стр. 31). Можно сказать больше: самая идея о не-Я не могла бы въ насъ возникнуть, если бы наши познавательные акты имѣли только субъективную природу. Идея не-Я можетъ получиться въ нашемъ умѣ лишь при томъ условіи, что въ насъ дано специфическое непосредственное переживаніе не-Я. Безъ такого переживанія міръ былъ бы для насъ закрытъ.

Не въ лучшемъ положеніи по отношенію къ вопросу о реальности нашего знанія находится докантовскій рационализмъ (гл. II). Его смѣлые выводы о достовѣрности знанія опираются на шаткія метафизическія утвержденія правдивости Бога, установленной гармоніи и т. п. Рационалисты полагаютъ, что все наше знаніе развивается изнутри, помощью присущихъ нашему сознанію врожденныхъ идей; тѣмъ глубже пропасть, которую они вырываютъ между познающею мыслью и познаваемой дѣйствительностью.

Нужно признать, что уже эти соображенія автора вызываютъ нѣкоторыя серьезныя недоумѣнія; невольно поднимается вопросъ: ясно ли формулирована догматическая предпосылка разсматриваемыхъ философскихъ направленій и *одинакова ли* она у эмпириковъ и рационалистовъ? Я понимаю, что по отношенію къ окказионалистамъ, Лейбницу, въ извѣстномъ смыслѣ къ Спинозѣ можно утверждать, что они учили о полной раздѣльности *Я* и *не-Я*: они не признавали никакой связи между состояніями того и другого, а только совпаденіе; они категорически доказывали, что познающій духъ совершенно закрытъ для какихъ бы то ни было прямыхъ воздѣйствій изъ матеріальнаго міра. Тутъ можно говорить о всецѣлой обособленности. Но примѣнима ли такая характеристика къ теоріямъ эмпириковъ? Вѣдь авторъ самъ вторую предпосылку докантовскаго эмпиризма выражаетъ такъ: «опытъ есть результатъ дѣйствія *не-Я* на *Я*». Развѣ это то самое, что предполагаютъ сейчасъ названные рационалисты? Не противоположны ли, наоборотъ, это взгляды? Какъ говорить о совершенной обособленности бытія вещей, если онѣ оказываютъ другъ на друга непосредственное дѣйствіе? Можно ли вообще абсолютно отграничить *существованіе* отъ *дѣятельности*? Наконецъ, разъ познающій субъектъ и познаваемый объектъ имѣютъ бытіе самостоятельное (а г. Лосскій, какъ реалистъ, твердо стоитъ на этомъ), то какъ мыслить конкретное присутствіе объекта въ субъектѣ, если совсѣмъ отказаться отъ логической категоріи дѣйствія? Все это вопросы серьезные, и авторъ напрасно обошелъ ихъ. Вся сила его аргументаціи противъ эмпиристовъ сосредоточивается въ той общей мысли, что отъ явленій въ насъ нельзя заключать къ качествамъ внѣшняго міра, какъ ихъ причины. Наиболѣе принципиальное выраженіе получаетъ это доказательство на стр. 31: «одно и то же дѣйствіе можетъ при-

чиняться различными причинами». Читатель невольно соглашается съ этимъ аргументомъ, но это лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не дочелъ книги г. Лосскаго до конца. Какъ же авторъ не замѣтилъ, что онъ уже не имѣетъ права прибѣгать къ подобнымъ соображеніямъ? На стр. 312—321 своего труда онъ тонко и остроумно доказываетъ полную правомѣрность заключеній отъ дѣйствія къ причинѣ и подвергаетъ уничтожающей критикѣ законъ *множественности причинъ*. Лично я не во всемъ согласенъ съ его выводами, но все же считаю эти страницы лучшими во всемъ сочиненіи. Но если онъ правъ, тогда объяснять невольное тяготѣніе докантовскихъ эмпиристовъ къ скептицизму изъ невозможности заключать отъ дѣйствій къ причинамъ, очевидно, не имѣетъ никакого смысла.

Обратимъ вниманіе еще на другую сторону вопроса. Если бы развитіе скептицизма въ докантовской философіи находилось въ исключительной зависимости отъ предположенія обособленности познающей мысли отъ дѣйствительнаго міра, тогда, казалось бы, этотъ скептицизмъ долженъ былъ бы возникать тѣмъ скорѣе и и облекаться въ тѣмъ болѣе рѣшительныя формы, чѣмъ болѣе была бы подчеркнута такая обособленность. Между тѣмъ въ исторіи философіи мы наблюдаемъ какъ разъ обратное. Ни Декартъ, ни окказіоналисты, ни Спиноза, ни Лейбницъ до скептицизма не доходили и до конца дней остались при своей вѣрѣ въ неограниченную мощь человѣческаго разума. Напротивъ, Локкъ, признававшій взаимную обособленность субъекта и объекта лишь въ очень смягченной формѣ непосредственнаго взаимодействія между ними, настойчиво доказывалъ ограниченность нашихъ познавательныхъ силъ; Берклей, еще далѣе двинувшій философскую мысль въ сторону скептицизма, совсѣмъ никакой обособленности между познающими Я и внѣшнимъ міромъ не признавалъ, потому что въ его глазахъ для матеріальныхъ вещей *быть* значить *восприниматься сознаніемъ* (*esse est percipi*). Едва ли также можетъ быть рѣчь о какой-нибудь метафизической обособленности познающаго субъекта отъ познаемаго міра у Д. Юма, вообще уклонявшагося отъ метафизическихъ предположеній и не признававшаго независимой субстанціальности ни въ насъ, ни внѣ насъ; и все таки Юмъ остается самымъ отважнымъ и послѣдовательнымъ скептикомъ во всей исторіи новой философіи. Не указываетъ ли все это вмѣстѣ, что въ развитіи скептицизма идеѣ обособленности мысли отъ познаваемыхъ ве-

шей или идеѣ *трансцендентнаго знанія* вовсе не принадлежит той рѣшающей роли, какую предполагает авторъ. Къ ней по малой мѣрѣ должно присоединиться еще что-то. Къ разсмотрѣннымъ предпосылкамъ докантовскаго эмпиризма авторъ прибавляетъ еще третью, которую формулируетъ такъ: ощущенія суть *мои субъективныя состоянія сознанія* (стр. 16). Къ этой предпосылкѣ я присоединилъ бы еще одну, по моему мнѣнiю, гораздо болѣе важную и гораздо болѣе говорящую. Я выразилъ бы ее такъ: *наше мышленіе и наше познаніе во всѣхъ своихъ процессахъ представляютъ лишь различныя комбинаціи отдѣльныхъ субъективныхъ состояній и не могутъ быть ни чѣмъ другимъ*, (при чемъ у очень многихъ представителей этого направленія отдѣльныя субъективныя состоянія толкуются именно какъ ощущенія). Уже у Локка умственные процессы сводятся къ сложеніямъ и разложеніямъ комплексовъ простыхъ идей. Берклей, наперекоръ своему строго положительному и религіозному міросозерцанію, оказался вдохновителемъ величайшихъ скептиковъ, благодаря своей чисто номиналистической теоріи познанія, занимающей столь видное мѣсто въ его общей философской системѣ. Наконецъ, Юмъ принципиально усвоивъ номинализмъ Берклея, единственный двигатель мыслительныхъ дѣйствій указалъ въ механизмѣ законовъ ассоціаціи представлений. Каждый такой шагъ все болѣе суживалъ области постижимаго и все глубже понижалъ цѣну продуктовъ умственнаго творчества. Тутъ дѣло не въ томъ, приписывалось ли качествамъ отдѣльныхъ ощущеній субъективное или объективное значеніе: не будемъ забывать, что Берклей между міромъ идей и міромъ матеріальной дѣйствительности не дѣлалъ никакого различія, и что Юмъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ признается предвосхитителемъ воззрѣній современнаго эмпириокритицизма. Важно то, что познаніе въ его цѣломъ у докантовскихъ эмпиристовъ все болѣе превращается въ чисто субъективную игру. Пускай наши ощущенія по своему содержанію обладаютъ абсолютною реальностью; если Юмъ правъ, они намъ все-таки не открываютъ ни своихъ внутреннихъ связей, ни своихъ всеобщихъ отношеній, и всѣ обобщенія о нихъ оказываются только плодомъ субъективной привычки. Я хочу этимъ сказать, что неизбежность скептицизма во всѣ времена коренилась прежде всего въ общихъ взглядахъ на внутреннюю природу познанія, а никакъ не въ рѣшеніи частной метафизической

проблемы объ отношеніи нашего субъекта къ объекту въ немъ самомъ, особенно когда этому рѣшенію даютъ такую въ сущности неопредѣленную формулу, какую мы находимъ у г. Лоскаго.

Всѣмъ этимъ очень подрываются дальнѣйшіе выводы, которые авторъ дѣлаетъ въ слѣдующей главѣ. Онъ разсуждаетъ такъ: чтобы избавиться отъ всѣхъ противорѣчій, нужно отказаться отъ предположенія объ обособленности между *Я* и *не-Я* и отъ взгляда на познаніе, какъ на процессъ трансцендентный по своему происхожденію или значенію (стр. 61). Нѣтъ знанія трансцендентнаго, оно всегда представляетъ изъ себя имманентный процессъ; то, къ чему оно относится, лежитъ не внѣ его, а присутствуетъ въ немъ самомъ и притомъ не въ копіи, а въ оригиналѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы и не сомнѣваемся, что дѣло обстоитъ именно такъ: когда объектомъ знанія является какое-нибудь внутреннее, субъективное переживаніе, напримѣръ, чувство гнѣва, мы ясно понимаемъ, что оно находится въ нашемъ сознаниі, а не внѣ его. Однако то же самое относится и къ воспріятіямъ такъ называемаго внѣшняго міра,—и въ нихъ объектъ знанія долженъ быть имманентенъ процессу знанія (стр. 67). Какъ же это возможно? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, авторъ обращается къ изслѣдованію нашихъ понятій объ *Я* и *не-Я*. По его мнѣнію, возникновеніе этихъ понятій коренится въ нѣкоторомъ первичномъ фактѣ, который состоитъ въ томъ, что одни переживанія сознаются мною какъ *мои*, другія какъ *данныя мнѣ*. Такъ гнѣвъ, усиліе что-нибудь вспомнить и т. п. я сознаю какъ мое, какъ элементы моего *Я*, напротивъ, видимую мною бѣлую стѣну я признаю за нѣчто мнѣ данное и относящееся къ міру *не-Я*. Переживанія *мои* и переживанія, *данныя мнѣ*, могутъ очень разнообразно сплетаться между собою въ жизни нашего сознаниа, но все же это не мѣшаетъ ихъ непосредственно очевидному, изначальному и качественному различію. А изъ этого вытекаетъ очень важный выводъ: *не-Я* не есть что-либо отдѣльное отъ *Я*, оно дано въ его же переживаніяхъ; человеческое сознание содержитъ въ себѣ не только субъектъ, въ немъ столь же прямо присутствуетъ объектъ. Шаръ, мною видимый, вовсе не есть только представленіе въ моемъ сознаниі, внѣ котораго находится еще дѣйствительный шаръ; воспринимаемый шаръ и есть именно часть міра *не-Я*. «Знаніе о внѣшнемъ мірѣ, что

касается близости къ объекту, ничѣмъ не отличается отъ знанія о внутреннемъ мірѣ» (стр. 81). Другими словами, *Я* и *не-Я* совершенно объединены между собою и жизнь внѣшняго міра дана познающему *Я* такъ же непосредственно, какъ и процессъ его собственной внутренней жизни. Такое непосредственное сознаніе внѣшняго міра есть *интуиція* или *мистическое воспріятіе* (стр. 82).

Несомнѣнно, въ сейчасъ изложенномъ разсужденіи мы имѣемъ у автора богатый послѣдствіями логическій скачокъ: *не-Я* въ смыслѣ моихъ чувственныхъ воспріятій, которыя дѣйствительно имманентны моимъ познавательнымъ процессамъ (напр., видимая мною бѣлая стѣна въ самомъ дѣлѣ неотдѣлима отъ моихъ зрительныхъ актовъ), — безмолвно и безъ всякихъ объясненій отождествляется съ *не-Я* въ смыслѣ независимаго отъ насъ и всякимъ нашимъ воспріятіемъ предшествующаго внѣшняго матеріальнаго міра. Даже странно видѣть, какъ могъ такой тонкій мыслитель, какъ Н. О. Лосскій, до такой степени обмануться одинаковостью слова, могущаго однако обозначать самыя разнообразныя вещи: *не-Я* — терминъ очень широкій, обнимающій въ себѣ неограниченное множество мыслимыхъ значеній. Напримѣръ, мое представленіе о книгѣ г. Лосскаго, согласно его терминологіи, конечно относится къ области *не-Я*, потому что оно мнѣ дано моимъ чтеніемъ и служитъ объектомъ моей мысли и моей оцѣнки, и про это представленіе съ основаніемъ можно сказать, что оно неотдѣлимо отъ моихъ умственныхъ актовъ и, стало быть, имманентно моему познавательному процессу. Но вѣдь къ сферѣ *не-Я* для меня относится и собственное представленіе г. Лосскаго о своей книгѣ; про это его представленіе можно ли утверждать, что оно неотдѣлимо отъ моего сознанія и всецѣло имманентно моимъ познавательнымъ актамъ? Я могу не только не соглашаться съ представленіемъ г. Лосскаго о его произведеніи, но могу и не знать хорошенько, какъ именно онъ смотритъ на свой трудъ. И во всякомъ случаѣ я совсѣмъ ничего не знаю о представленіи объ его книгѣ какаго-нибудь мнѣ незнакомаго ея читателя въ Тамбовѣ или въ Харьковѣ. Не ясно ли, что если мое представленіе о книгѣ г. Лосскаго имманентно моему познанію, то представленіе о ней самого г. Лосскаго, а тѣмъ болѣе представленіе тамбовскаго или харьковскаго незнакомца для моего

познанія самымъ очевиднымъ образомъ *трансцендентны*? Какъ же всѣ эти случаи сливать въ одно только потому, что всѣ ихъ можно обозначить однимъ и тѣмъ же словомъ *не-Я*? Если бы г. Лосскій стоялъ на почвѣ субъективно-идеалистическаго солипсизма, тогда, конечно, онъ имѣлъ бы полное право заключать отъ имманентности его сознанию его чувственныхъ воспріятій къ имманентности его сознанию всего внѣшняго міра: это была бы даже тавтологія. Вѣдь тогда весь міръ для него являлся бы только его единоличнымъ представленіемъ. Но г. Лосскій менѣе всего солипсистъ: онъ заявляетъ рѣшительное притязаніе на оправданіе строго реалистическаго взгляда на вещи. Міръ для него вполне независимая и въ себѣ существующая среда въ которой даны самыя разнообразныя одушевленныя существа. Чтобы о такомъ мірѣ утверждать, что онъ неотдѣлимо присутствуетъ въ сознаніи каждой изъ одушевленныхъ тварей и весь имъ открытъ въ своей интимѣйшей сути, для этого нужны были бы какіе-нибудь болѣе убѣдительные аргументы, а никакъ не простая ссылка на возможность для этихъ тварей назвать словомъ *не-Я* не только нѣкоторыя изъ своихъ психическихъ переживаній, но и всю окружающую ихъ вселенную. Чтобы убѣдиться, что подобная аргументація въ самомъ дѣлѣ заставляетъ желать очень многого, попытаемся облечь разсужденіе автора въ строгую силлогистическую форму. Ходъ мысли получится такой: то, что дано нашему сознанию, имманентно познавательному процессу; то, что дано нашему сознанию, есть *не-Я*; слѣдовательно, всякое *не-Я* имманентно познавательному процессу. Но возьмемъ примѣръ другого силлогизма: то, что я, вижу, красно; то, что я вижу, крыша; слѣдовательно, всѣ крыши красны. Чѣмъ это второе умозаключеніе по своему формальному строенію хуже перваго? Вѣдь они оба совершенно одинаково нарушаютъ правила о силлогизмахъ третьей фигуры.

Я потому такъ подробно остановился на разбираемомъ мѣстѣ книги г. Лосскаго, что оно представляетъ единственную попытку положительнымъ образомъ обосновать излюбленный тезисъ автора, потомъ постоянно повторяемый на всемъ протяженіи его труда: познаваемый міръ имманентенъ процессу знанія; онъ непосредственно открытъ ему не только въ своемъ бытіи, но и въ своемъ внутреннемъ единствѣ и во всѣхъ своихъ связяхъ (стр. 285). Этотъ тезисъ даетъ основной тонъ всѣмъ раз-

сужденіямъ и выводамъ автора. А между тѣмъ мы сейчасъ видѣли, насколько онъ мало доказанъ. Онъ представляетъ собою предвзятую предпосылку теоріи, которая главною своею задачею ставила быть свободной отъ всякихъ предпосылокъ.

Эта предпосылка, принятая авторомъ во всей серьезности и со всѣми послѣдствіями, повергаетъ его въ рядъ затрудненій, и дальнѣйшее его изложеніе въ наибольшей своей долѣ сводится къ попыткамъ ихъ устраненія, далеко не всегда яснымъ и удачнымъ. Прежде всего изъ предположенія о нашемъ непосредственномъ воспріятіи внѣшней дѣйствительности въ ней самой, какъ она есть, съ неизбѣжною вытекаетъ *наивный реализмъ*, т.-е. признаніе всѣхъ ощущаемыхъ свойствъ вещей за ихъ реальныя, собственныя свойства. А противъ такого признанія стоитъ слишкомъ хорошо обоснованное и физикой, и физиологіей, и психологіей ученіе о субъективности нашихъ ощущеній. Какъ выходитъ авторъ изъ этого затрудненія? Его соображенія по этому вопросу отличаются краткостью, неясностью и нѣкоторою половинчатостью. Онъ находитъ выходъ изъ всѣхъ противорѣчій въ различеніи двухъ сферъ чувственно-воспринимаемаго: *внѣтѣлесной* и *внутритѣлесной*. Онъ думаетъ, что содержаніе ощущеній не есть процессъ, совершающійся въ объектѣ, напр., запахъ вовсе не заключается въ ландышѣ,—ощущеніе есть процессъ, происходящій *въ тѣмъ* познающаго субъекта (стр. 83); ощущенія несомнѣнно принадлежатъ къ міру *не-Я*, но это *внутритѣлесный міръ* челоуѣка. Что же касается вещей внѣ нашего организма, то въ нихъ мы непосредственно воспринимаемъ только ихъ субстанціальность, активность, связь между составляющими ихъ элементами, но не болѣе того. Авторъ не хочетъ замѣтить какъ мало вяжется его толкованіе съ предположеніемъ о непосредственной наличности въ нашемъ сознаніи всѣхъ воспринимаемыхъ вещей вообще; вѣдь тогда непосредственное воспріятіе не выходитъ за предѣлы нашего собственного организма. Оказывается, что о внѣтѣлесномъ мірѣ мы знаемъ только самыя общія его качества, и авторъ нигдѣ не показываетъ, какъ мы можемъ ихъ воспринимать прямо, если все данное въ ощущеніяхъ принадлежитъ къ внутритѣлесной сферѣ. Правда, авторъ смѣло утверждаетъ, что если даже закрыть глаза, закупорить уши, произвести полную безчувственность нашей кожи, мы вовсе этимъ не устранимъ въ себѣ сознанія наличности внѣшнихъ

вещей,—но такое утверждение нельзя не признать совершенно голословнымъ. Самая ссылка на закрытые глаза и закупоренныя уши его крайне возмущаетъ, какъ аргументъ очень грубый; но не самъ ли авторъ виноватъ, что ему нечего отвѣтить даже на самые грубые и элементарные аргументы? Едва ли лучше обоснована у автора непосредственная наличность въ сознаниіи интuitивныхъ процессовъ: онъ не дѣлаетъ никакой попытки объяснить тотъ убійственный для него фактъ, что о процессахъ внутри нашего организма и даже въ элементахъ нашей нервной системы мы непосредственно знаемъ еще гораздо меньше, чѣмъ о событіяхъ въ окружающемъ мірѣ. До понятій о нервахъ и нервныхъ клѣткахъ мы дошли путемъ окольного изслѣдованія надъ внѣшними намъ объектами (животными и трупами людей), но прямо ихъ въ себѣ мы никогда не усматриваемъ. Одинаково неясно, какимъ образомъ ощущенія могутъ совершаться въ тѣлѣ и что подъ этимъ надо понимать? Если во внѣшней природѣ, самой по себѣ, никакихъ чувственныхъ качествъ нѣтъ (между тѣмъ авторъ, хотя и колеблясь, склоняется къ этому мнѣнію), тогда ихъ, казалось бы, не должно было получаться и въ нашемъ тѣлѣ, которое есть только часть природы.

Такимъ образомъ интуитивизмъ автора остается невыясненнымъ и недосказаннымъ. Онъ едва ли выигрываетъ отъ того, что авторъ признаетъ свое направленіе *мистическимъ* (стр. 99) и отождествляетъ интуитивизмъ съ *мистическимъ эмпиризмомъ*. Его побудила къ этому аналогія: мистики признаютъ наличность реальности Бога въ сознаниіи, а онъ признаетъ наличность внѣшнихъ вещей въ сознаниіи. Онъ забываетъ однако, что мистики, признавая непосредственно данную реальность Бога, къ реальности матеріальнаго міра относятся обыкновенно довольно отрицательно и склонны признавать ее за иллюзію; въ этомъ отношеніи они слишкомъ часто являлись провозвѣстниками философскаго субъективнаго идеализма. Поэтому, называя свой взглядъ мистическимъ, авторъ едва ли даетъ ему подходящую характеристику.

Несмотря на свой смутный и противорѣчивый обликъ, интуитивизмъ автора служитъ ему непоколебимымъ критеріемъ для произнесенія самаго суроваго суда надъ всей прошлой исторіей человѣческой мысли. Совершенно осудивъ эмпиризмъ и раціонализмъ въ ихъ докантовской формѣ, онъ въ четвертой главѣ

первой части приступаетъ къ безошадной критикѣ теоріи познания Канта (стр. 105—150), пытаясь въ ней выдѣлить ея догматическія предпосылки. Нужно сказать, что эта глава едва ли не лучшая въ разбираемомъ сочиненіи. Если отвлечься отъ предвзятыхъ взглядовъ автора, въ ней мы имѣемъ глубоко обдуманый, оригинальный, иногда блестяще изложенный анализъ Кантава ученія. Освѣщеніе, которое онъ даетъ этому ученію, быть можетъ, иногда односторонне, но въ немъ очень много вѣрнаго и отдѣльныя замѣчанія автора нерѣдко полны остроумія. Вообще, эта глава представляетъ наилучшее свидѣтельство недоужинныхъ философскихъ талантовъ автора и его выдающейся философской учености. Не менѣе интересна слѣдующая глава—«Ученіе о непосредственномъ воспріятіи транссубъективнаго міра въ философіи XIX вѣка» (стр. 151—205), хотя она вызываетъ противъ себя уже больше упрековъ. Въ ней авторъ пытается ознакомить читателя съ своими предшественниками въ его интуитивистическомъ воззрѣніи на познание. Но при этомъ онъ почему-то страннымъ образомъ ограничиваетъ свою задачу только XIX столѣтіемъ. Благодаря этому обстоятельству, онъ совсѣмъ не упоминаетъ о шотландской философіи здраваго смысла, представляющей несомнѣнное предвосхищеніе его собственныхъ взглядовъ на непосредственное воспріятіе внѣшнихъ вещей. На такое игнорированіе авторъ имѣлъ тѣмъ менѣе права, что все міросозерцаніе шотландскихъ философовъ идетъ явно въ разрѣзъ съ предвзятымъ мнѣніемъ автора о распредѣленіи всей докантовской философіи на два направленія: индивидуалистическій эмпиризмъ, какъ онъ его понимаетъ, и догматическій рационализмъ. Ничего не упоминаетъ авторъ и о весьма интересныхъ формахъ философіи непосредственной вѣры въ Германіи. За то въ число своихъ предшественниковъ онъ помѣщаетъ такія имена, которыя вызываютъ удивленіе, если имѣтъ въ виду, что въ первой части своего труда онъ пытается формулировать и обосновать только свой тезисъ о непосредственномъ воспріятіи внѣшняго міра въ его независимой отъ насъ реальности. Его въ этомъ случаѣ, повидимому, смутила уже указанная раньше неясность термина «мистическій»; поэтому къ своимъ предшественникамъ онъ причисляетъ всѣхъ корифеевъ нѣмецкой идеалистической метафизики, называя ихъ мистическими рационалистами, такъ какъ они признавали въ разумѣ

непосредственную интуицію абсолютнаго начала вещей. Черезъ это среди предшественниковъ г. Лосскаго оказывается даже Фихте старшій, хотя онъ никакого независимаго внѣшняго міра не признавалъ.

Въ первой части своего изслѣдованія авторъ работаетъ надъ сравнительно легкой и благодарной задачей: онъ пытается показать, что познающій субъектъ и познаваемый объективный міръ не раздѣлены какой-нибудь непроходимой пропастью и что въ нашемъ непосредственномъ воспріятіи внѣшняго намъ дано само оно, какъ дѣйствительный факторъ познавательнаго процесса. Правда, авторъ даетъ этому положенію очень радикальную и притомъ довольно неясную метафизическую и психологическую постановку, но все же въ немъ, самомъ по себѣ взятомъ, еще не заключается ничего эксцентричнаго. Миѣ кажется даже, что этотъ тезисъ, если его освободить отъ явныхъ преувеличеній, внесенныхъ въ него авторомъ, содержитъ важную истину, сознанную и признанную очень многочисленными предшественниками г. Лосскаго въ рѣшеніи этого вопроса. Но авторъ, отстаивая занятую имъ радикальную позицію, не ограничивается только оправданіемъ этого тезиса хотя бы въ той исключительной формѣ, которую онъ ему придалъ. Онъ идетъ гораздо дальше: онъ, какъ мы уже знаемъ, защищаетъ болѣе общій тезисъ о всецѣлой имманентности всякому познавательному процессу *всей* той дѣйствительности, которая въ немъ познается. Трансцендентнаго знанія нѣтъ, но это авторъ понимаетъ не въ смыслѣ *ограниченія* нашего познанія имманентными переживаніями познающаго духа, какъ это дѣлаютъ субъективисты и скептики всѣхъ оттѣнковъ, онъ, наоборотъ, толкуетъ это положеніе въ смыслѣ реальной абсолютности и безконечности знанія. Въ этомъ онъ и усматриваетъ переворотъ, внесенный имъ въ теорію знанія. Весь міръ во всемъ разнообразіи его содержанія и во всей его абсолютной реальности и самостоятельности внутренне присущъ познавательному процессу и даже нигдѣ не данъ внѣ этого процесса, хотя это все-таки не мѣшаетъ ни его реальности, ни его самобытности. Не только нѣтъ трансцендентнаго знанія, но нѣтъ ничего и трансцендентнаго знанію (см., напр., стр. 238).

Оправданію и всестороннему развитію этого парадоксальнаго и по существу весьма темнаго взгляда на человѣческое познаніе

посвящена вторая часть книги г. Лосского. По содержанию своему она гораздо труднее первой, ее изложение очень отвлеченно и нервно схоластично; оно утомляет обилием неожиданных и недоговоренных парадоксов, оно очень страдает от совершенного отсутствия наглядных примѣров именно тамъ, гдѣ въ нихъ чувствуется особенно настоятельная нужда.

Ставъ на свою совѣсть необычайную точку зрѣнія, авторъ сразу наталкивается на цѣлый рядъ крайне замысловатыхъ проблемъ. Передъ нимъ поднимаются вопросы, весьма простые по существу, но трудно разрѣшимые при его взглядѣ. Если миръ данъ въ познавательномъ процессѣ съ самаго начала, со всѣми своими свойствами, отношеніями и связями, то въ чемъ же можетъ заключаться дѣятельность познания, чего ей искать и почему мы можемъ впасть въ заблужденіе? Если все познаваемое дано въ познавательномъ процессѣ въ своемъ оригиналѣ, а не въ копіи, и налицо въ этомъ процессѣ присутствуетъ, то какъ возможно познание прошлыхъ событій, которыхъ уже нѣтъ? Если вещи реально присутствуютъ въ познающей мысли, то какъ возможны *всеобщія* сужденія, относящіяся къ неограниченному множеству фактовъ настоящихъ, прошедшихъ и будущихъ? Если всѣ связи между явленіями дѣйствительности открыты намъ непосредственно, то зачѣмъ мы прибѣгаемъ къ косвеннымъ логическимъ приемамъ установленія этой связи, каковы индукція и дедукція? Какое реальное значеніе логическихъ законовъ тождества и противорѣчія и т. д.?

Разсматривая эти вопросы, авторъ пускается въ очень тонкія логическія изслѣдованія, имѣющія однако по большей части лишь условную цѣну въ виду ихъ явно предвзятой задачи. Первый вопросъ о роли познания при предполагаемой наличности въ немъ всего міра разрѣшается авторомъ довольно благополучно ссылкой на различіе между субъективной и объективной стороной въ познаниі: дѣйствительность дана первоначально сознанию въ видѣ индифференцированной, безформенной массы переживаній, познание возникаетъ только чрезъ дифференцированіе этой массы (стр. 103). Въ связи съ этимъ находится ученіе г. Лосского о сужденіи, какъ дифференцированіи переживаній путемъ сравненія (стр. 206—236). Нѣкоторыя соображенія автора въ этомъ отдѣлѣ его труда оригинальны и интересны напр. по вопросу объ аналитическихъ и синтетическихъ сужденіяхъ (стр. 217—218).

Совѣмъ иначе обстоитъ дѣло со вторымъ вопросомъ: какъ, положимъ, возможно, что событіе, случившееся въ 1902 году присутствуетъ въ сужденіи, высказанномъ въ 1907 году? Или обращаясь къ отношеніямъ въ пространствѣ: «если событіе, о которомъ я говорю, произошло въ Парижѣ, то какимъ образомъ оно можетъ быть наличнымъ въ актахъ сужденія, высказанныхъ о немъ въ Петербургѣ» (стр. 247)? Какъ же разрѣшаетъ авторъ эти довольно естественныя недоумѣнія? Станнымъ образомъ онъ ихъ *не разрѣшаетъ совѣмъ*. Онъ говоритъ только, что у нихъ нѣтъ солидной опоры, что они берутъ начало въ ходячихъ чувственныхъ представленіяхъ о времени и пространствѣ и что эти представленія нуждаются въ глубокомъ преобразованіи. Читатель ждетъ отъ автора попытки совершить такое преобразование, но къ его удивленію г. Лосскій заявляетъ, что это вовсе не его дѣло: онъ пишетъ по теоріи знанія, а ученіе о пространствѣ и времени относится къ области онтологіи; онтологія пускай и показываетъ, какъ это возможно, что событія прошлаго, съ одной стороны навѣки сойдя со сцены, съ другой стороны остаются навѣки наличными (стр. 248). Автора ни мало не заботятъ соображенія о томъ, что онтологія ничего подобнаго еще не показала, а пожалуй и не покажетъ; что едва ли онъ имѣлъ право въ теоретико-познавательное изслѣдованіе вводить онтологическія предположенія, по отношенію къ которымъ не установлено даже ихъ простой мыслимости,—при томъ вводить какъ нѣчто достовѣрное, потому что, если ихъ отвергнуть, отъ теоріи автора не останется ничего; что наконецъ именно для него, какъ сторонника наивнаго реализма въ ученіи о чувственномъ воспріятіи, труднѣе, чѣмъ для кого-нибудь другого, надѣяться на слишкомъ глубокія преобразования въ понятіяхъ пространства и времени: вѣдь онъ долженъ вѣрить прямымъ показаніямъ непосредственнаго чувственного опыта; а этотъ опытъ довольно убѣдительно свидѣтельствуетъ, что прошлое уже прошло и Парижъ не въ Петербургѣ.

Не менѣе своеобразно рѣшаетъ авторъ вопросъ о возможности всеобщихъ сужденій. Принадлежащее очень многимъ сужденіямъ свойство всеобщности авторъ считаетъ однимъ изъ самыхъ загадочныхъ (стр. 249) и предлагаетъ для его объясненія весьма рѣшительное средство: надо вернуться къ реализму схоластиковъ; надо признать, что общее обладаетъ такимъ же въ себѣ реальнымъ бытіемъ, какъ и индивидуальное, надо понять, что

различныя обособленныя другъ отъ друга явленія въ пространствѣ и времени составляютъ одинъ предметъ и въ дѣйствительности и въ мышленіи (стр. 260). «Такъ какъ актъ мысли, высказывающей общее сужденіе: всякое S есть P, единъ, такъ какъ истина заключается въ наличности бытія въ сужденіи, то S, о которомъ говорится въ общемъ сужденіи, должно быть въ различныхъ случаяхъ не численно различнымъ, а однимъ и тѣмъ же S, составляющимъ *тождественную* основу многого» (стр. 250). Какъ это однако возможно и почему? Какимъ образомъ, напримѣръ, различные люди составляютъ совсѣмъ одинъ предметъ и не только въ отвлеченной мысли, а въ самой дѣйствительности? Отъ рѣшенія этого принципиальнаго вопроса авторъ опять сурово отказывается: это дѣло вовсе не его, а чьей-то будущей онтологіи, которая должна превратить вещи очень трудно мыслимыя въ ясныя, незыблемыя истины. Однако въ этомъ вопросѣ авторъ все же нѣсколько болѣе щедръ и снисходителенъ къ читателямъ, чѣмъ въ вопросѣ о познаніи прошло-го: вопросу объ отношеніи индивидуальнаго и общаго онъ даже посвящаетъ цѣлую главу (стр. 254—283); въ ней онъ подвергаетъ очень тонкой, хотя далеко не отчетливой критикѣ теоріи номинализма и концептуализма; онъ доказываетъ въ ней далѣе, что умъ нашъ всего болѣе способенъ мыслить представленія и понятія средней общности, тогда какъ чисто индивидуальное и наиболѣе общее оказываются двумя крайностями, мало доступными для мысли. Авторъ не хочетъ замѣтить несомнѣнной шаткости этого аргумента: вѣдь изъ него только слѣдуетъ, что въ отдѣльныхъ вещахъ наша мысль легче замѣчаетъ ихъ сходныя признаки, нежели совсѣмъ индивидуальныя, а никакъ не то, что объектомъ мысли являются не отдѣльныя вещи, а какое-то универсальное, независимо отъ мысли реальное бытіе.

Я не буду останавливаться на четвертой главѣ второй части изслѣдованія автора, въ которой онъ излагаетъ свои методологическія взгляды. Въ слѣдующихъ здѣсь выводахъ авторъ нерѣдко обнаруживаетъ несомнѣнную тонкость логическаго анализа, но все же они имѣютъ мало безотносительной цѣны, будучи построены въ виду предвзятыхъ и недоказанныхъ предположеній. Исключеніе можно сдѣлать только для оригинальнаго и глубоко продуманнаго разсужденія автора о правомѣрности умозаключеній отъ слѣдствій къ основаніямъ (стр. 312—321): оно сохраня-

еть свое значеніе и убѣдительность помимо всякихъ гипотетическихкихъ предпосылокъ.

Въ окончательномъ результатѣ концепція міра, построенная авторомъ во второй части его сочиненія, оказывается неузнаваемо другою сравнительно съ тѣмъ, что онъ утверждаетъ о немъ въ своей первой части. Въ первой части онъ защищаетъ абсолютную реальность чувственно воспринимаемаго міра и въ этомъ отношеніи его взглядъ ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ точки зрѣнія такъ называемаго наивнаго реализма. Во второй части онъ уже является отважнымъ проповѣдникомъ реализма схоластическаго: онъ провозглашаетъ абсолютную реальность, независимую отъ мысли, всего, что когда-нибудь мыслится, всѣхъ абстракцій, всѣхъ отвлеченныхъ понятій разсудка. При томъ онъ эту реальность понимаетъ, какъ нѣчто вѣчное, неизмѣнное и нераздѣльно единое: пространственныя и временныя отношенія кажутся ему обманчивою чувственною видимостью; самый законъ тождества изъ формально логическаго превращается у него въ реальный и метафизическій принципъ вѣчной неотмѣнимости дѣйствительности (стр. 251). Въ послѣднемъ выводѣ получается что-то очень близкое къ элейскому идеализму древности. И авторъ совѣмъ не желаетъ замѣтить, что эти два пониманія міра не только діаметрально противоположны, но что они исключаютъ другъ друга. Вѣдь еще Парменидъ съ Зенономъ знали, что между этими взглядами приходится сдѣлать выборъ и что нельзя вѣрить свидѣтельству чувствъ, если вѣришь въ неотмѣнимую тождественность, вѣчность и нераздѣльность существующаго. Во всякомъ случаѣ на авторѣ лежала обязанность показать логическую со-вмѣстимость реализма наивнаго съ реализмомъ схоластическимъ. Показалъ ли ее гдѣ-нибудь авторъ? Онъ и не подумалъ объ этомъ. Мы уже видѣли, что онъ всѣ подобныя задачи возлагаетъ на многострадальную онтологию будущаго.

Изъ всего сказаннаго, мнѣ кажется, ясно, въ чемъ состоитъ основная ошибка автора. Онъ задался цѣлью писать гносеологическое, даже пропедевтическое только изслѣдованіе; а на самомъ дѣлѣ онъ рѣшаетъ чисто онтологическую проблему, даже цѣлый рядъ онтологическихъ проблемъ. Правда, рѣчь идетъ о человѣческомъ знаніи, но авторъ обсуждаетъ его со стороны его метафизической природы и ставитъ вопросъ объ отношеніи нашего Я и нашей познающей мысли къ трансубъективному міру

въ его абсолютной реальности, въ его внутреннихъ связяхъ, въ истинныхъ соотношеніяхъ его процессовъ и явленій. Что изслѣдованіе о нашемъ Я и о не-Я, какъ транссубъективномъ мірѣ, относится вовсе не къ гносеологіи, самъ авторъ утверждаетъ положительнымъ образомъ (стр. 104): гносеологія должна бы только «изслѣдовать обработку объектовъ знанія и отношеніе объектовъ знанія къ процессу знанія» (тамъ же). Въ такомъ превращеніи гносеологической задачи въ несомнѣнно метафизическую еще не было бы большой бѣды, если бы авторъ понялъ и оцѣнилъ вытекающія изъ него методологическія послѣдствія и сдѣлалъ свое изслѣдованіе тѣмъ, чѣмъ оно въ такомъ случаѣ должно быть: всестороннимъ изслѣдованіемъ онтологическихъ условій познанія во всей широтѣ этого понятія. Между тѣмъ онъ поступилъ какъ разъ наоборотъ: въ мнимо гносеологическомъ характерѣ своей задачи онъ увидѣлъ полное извиненіе для того, чтобы никакихъ онтологическихъ проблемъ не рѣшать, а предоставить ихъ рѣшеніе кому-то другому. Результатъ получился довольно странный—все его сочиненіе представило длинный рядъ загадочныхъ, иногда очень парадоксальныхъ утвержденій, по отношенію къ которымъ не показано даже ихъ логической мыслимости. Мы находимъ въ книгѣ автора очень увѣренно сформулированную метафизическую теорію основныхъ устоевъ бытія и знанія, но читатель не встрѣчаетъ въ ней никакихъ дѣйствительныхъ доказательствъ этой теоріи.

Въ самомъ дѣлѣ, единственное доказательство въ пользу мнѣній автора, о которомъ еще можно говорить серьезно, заключается у него въ *опроверженіи* другихъ гносеологическихъ теорій. Однако, доказательство отъ противнаго есть очень почтенный пріемъ въ математикѣ, но едва ли имъ можно ограничиться въ философіи въ виду чрезвычайной сложности ея задачъ и въ виду неограниченнаго разнообразія ея возможныхъ построеній. Критика ранѣе высказанныхъ взглядовъ представляетъ весьма хорошій подготовительный путь къ выработкѣ собственныхъ воззрѣній, освѣщая еще незатронутыя стороны проблемы и убѣждая читателя, что предлагаемое рѣшеніе вопроса возникло не случайно, но едва ли такая критика можетъ сполна замѣнить собою положительное обоснованіе какой бы то ни было философской теоріи. Обращать несостоятельность другихъ теорій въ исчерпывающее доказательство исключительной истинности за-

щищаемой теоріи можно развѣ лишь при соблюденіи слѣдующихъ условій: 1) когда для опредѣленія состоятельности или несостоятельности философскихъ ученій прилагается критерій столь же безспорный, какъ аксіомы математики; 2) когда мы можемъ быть увѣрены, что не только всѣ исторически существующія рѣшенія даннаго вопроса, но и вообще всѣ мыслимыя его рѣшенія были приняты во вниманіе; 3) когда по отношенію къ теоріи, претендующей на исключительную достовѣрность, показаны ея логическая мыслимость, ея внутренняя вѣроятность и ея совершенная достаточность для всесторонняго разрѣшенія данной проблемы. Какъ ни трудны подобныя условія сами по себѣ, мнѣ все-таки кажется, что въ нихъ заключается *minimum* научныхъ требованій, которые въ этомъ случаѣ можно предъявить.

Выполнилъ ли авторъ эти требованія? Изъ предыдущаго ясно, что объ этомъ не можетъ быть никакой рѣчи. Какимъ мотивомъ руководствуется онъ, чтобы осудить гносеологическія теоріи эмпиризма, рационализма и критической философіи? Только тѣмъ, что онѣ не обосновываютъ достовѣрнаго знанія вещей въ ихъ абсолютной реальности и даже невольно склоняютъ мысль къ скептицизму. Но развѣ существованіе абсолютнаго знанія міра есть такая безспорная вещь? И развѣ принципиально уничтожена возможность скептической точки зрѣнія на познаніе? Вѣдь все это нужно доказать, а какъ это сдѣлать безъ положительныхъ гносеологическихъ изслѣдованій раньше всякихъ историческихъ оцѣнокъ. Можно ли далѣе сказать, что *всѣ* возможныя рѣшенія проблемы авторомъ имѣлись въ виду? Мнѣ кажется, и на это онъ не можетъ предъявлять ни малѣйшей претензіи. Какъ мы уже видѣли, онъ не исчерпалъ даже исторически существующихъ формъ рѣшенія вопроса и ограничился въ этомъ отношеніи довольно случайнымъ обзоромъ. Въ особенности странно, что онъ ни разу не спросилъ себя, нельзя ли для оправданія знанія ограничиться меньшими и не столь парадоксальными допущеніями. Вѣдь были у него предшественники, которые признавали непосредственное воспріятіе нашего сознающаго я въ его внутренней дѣйствительности, признавали и прямое воспріятіе реальности внѣшняго міра поскольку онъ соприкасается съ нами; нерѣдко они допускали и непосредственное воспріятіе абсолютнаго, поскольку оно есть внутренняя основа всего дѣйствительнаго, а стало быть и нашего познающаго субъекта. Но они не думали

при этомъ, что въ каждомъ актѣ нашей мысли налично и въ оригиналѣ присутствуетъ вся вселенная въ ея абсолютной реальности, со всѣми наполняющими ее вещами въ ихъ разнообразныхъ связяхъ и процессахъ. Они удовлетворялись болѣе скромнымъ предположеніемъ: они соглашались, что знаніе есть прежде всего усмотрѣніе различій и отношеній въ непосредственно данномъ, но они полагали, что въ этомъ непосредственно данномъ есть и такія стороны, которыхъ нѣтъ смысла ограничивать только областью нашихъ психическихъ переживаній и въ которыхъ, напротивъ, нашъ умъ невольно постигаетъ ихъ универсальное значеніе, подобно тому, какъ геометръ на основаніи одного конкретнаго рисунка доходить до самыхъ общихъ истинъ о всякомъ пространствѣ. Отчего авторъ совсѣмъ не остановился на этомъ взглядѣ, допускающемъ всевозможныя варіаціи и преобразованія, но отрицающемъ противоестественный союзъ реализма непосредственныхъ воспріятій съ реализмомъ средневѣковой схоластики,— по крайней мѣрѣ, совсѣмъ не пытался дать оцѣнку его правомѣрности? Помѣшала ли ему его неутолимая жажда новыхъ путей и его замѣтное пренебреженіе къ тому, что возникало въ философіи раньше его? Не даромъ его такъ глубоко оскорбляютъ возраженія, опирающіяся на общепринятыя взгляды и истины, оскорбляютъ до полнаго нежеланія что-нибудь на нихъ отвѣтить. Какъ бы то ни было, онъ далеко не далъ исчерпывающей и объективной картины всѣхъ существующихъ и возможныхъ рѣшеній поставленной имъ трудной проблемы. Наконецъ, что касается третьяго изъ указанныхъ мною требованій, мы уже знаемъ, что авторъ не показалъ даже простой мыслимости проповѣдуемой имъ гипотезы, а предоставилъ это слѣлать онтологіи будущаго.

Какой же окончательный судъ можно произнести надъ изслѣдованіемъ г. Лосскаго? Онъ, очевидно, очень много надъ нимъ работалъ, выказалъ несомнѣнную ученость, проницательность, тонкость и даже глубину мысли. И все-таки иногда кажется, что онъ напрасно потратилъ свой трудъ, что онъ сразу сбился съ дороги и надѣлалъ такихъ методологическихъ промаховъ, которые обращали въ ничто все его колоссальное предпріятіе. Такой приговоръ однако едва ли будетъ справедливымъ, и во всякомъ случаѣ онъ будетъ одностороннимъ. Значительное извиненіе для г. Лосскаго заключается въ самой грандіозности

его задачи: онъ хотѣлъ заново построить всю теорію знанія, совершивъ радикальную переоцѣнку всѣхъ ранѣе установившихся философскихъ принциповъ. Сколько разъ раньше его и философы болѣе геніальные, чѣмъ онъ, провозглашали, что они окончательно рѣшили проблему знанія, а эта проблема попрежнему продолжала стоять предъ человѣческой мыслью. Въ оцѣнкѣ своего дѣла они ошибались, и для холоднаго критическаго анализа теперь легко услѣдить, въ чемъ заключались логическіе промахи въ ихъ построенияхъ. Означаетъ ли это, что трудъ ихъ пропалъ напрасно и что они ничего не внесли въ исторію философіи? Нужно помнить и то, что логическія ошибки г. Лосскаго далеко не всегда его личныя ошибки: онъ примыкаетъ къ очень распространенному и популярному философскому движению и его способъ разсуждать въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ является типическимъ для этого движенія. Разнообразные представители эмпириокритицизма и имманентной философіи, когда они оправдываютъ наивный реализмъ и наличность внѣшняго міра въ познавательномъ процессѣ, разсуждаютъ едва ли лучше г. Лосскаго и во всякомъ случаѣ разсуждаютъ въ одномъ родѣ съ нимъ. Значитъ ли это, что они не могутъ или не хотятъ разсуждать логично? По-моему, это значитъ только, что преслѣдуемая ими задача неразрѣшима. Вносить ли сочиненіе г. Лосскаго что-нибудь новое и важное въ русскую философскую литературу? Я не колеблюсь отвѣчаю: да. Онъ съ удивительною смѣлостью пытается до самыхъ радикальныхъ послѣдствій возрѣніе, которое съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все болѣе широкія права гражданства. Пускай взгляды г. Лосскаго неправильны, тѣмъ лучше, что они до конца высказаны. Мнѣ кажется, что книга г. Лосскаго представляетъ серьезное предостереженіе для всякаго, кто захочетъ безоглядно вступить на его путь, и въ этомъ ея крупное значеніе. Я уже не говорю о несомнѣнныхъ достоинствахъ и талантахъ автора, какъ критика чужихъ учений: его критическій анализъ всегда отличается продуманностью, утонченностью и выдающеюся оригинальностью. Какъ мы уже видѣли, главную ошибку автора составляетъ его методъ постоянныхъ апелляцій къ онтологіи будущаго, но эту ошибку нетрудно исправить. Для этого ему только необходимо немедленно приступить къ разработкѣ тѣхъ онтологическихъ положеній, на которыя опираются всѣ его выводы. Это долженъ сдѣ-

латъ онъ самъ, а не ждать чьихъ-то чужихъ рѣшеній. Я никакъ не надѣюсь, чтобы ему удалось оправдать свои онтологическіе принципы въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ ихъ сейчасъ выставилъ. Многое въ нихъ придется смягчить, иное и совсѣмъ выкинуть. Черезъ это и заключенія, къ которымъ онъ пришелъ, пожалуй, потерпятъ существенныя перемѣны. Но этого нечего бояться: все же лишь въ результатѣ такой завершающей и обосновывающей работы сѣмена разсѣянныхъ въ его сочиненіи оригинальныхъ идей дадутъ свой настоящій и *хорошій* плодъ.

Л. Лопатинъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи.

Васманнъ Эрихъ. Итоги сравнительной психологіи. Перев. съ нѣм. В. Караваева, съ дополненіемъ переводчика—зоопсихологическіе взгляды В. Вагнера. Кіевъ, 1906. Ст. XIV+524. Ц. 3 р. 50 к.

Вахтеровъ В. П. Предметный методъ обученія. Москва, 1907. Ст. 181+14. Ц. 50 к.

Его-же. Спорные вопросы образованія. Москва, 1907. Ст. 61+14. Ц. 25 к.

Денисюкъ, Н. Критическая литература о произведеніяхъ А. Н. Островскаго. Вып. II, III, IV. Москва, 1906—1907. Вып. II, ст. 377. Ц. 1 р. 25 к. Вып. III, ст. 392. Ц. 1 р. 50 к. Вып. IV, ст. 423. Ц. 1 р. 50 к.

Джемсъ Макъ - Конней. Три тайны духа святого. Перев. съ франц. А. Д. Рычковой-Зацѣпиной. Москва, 1906. Ст. 20. Ц. 15 к.

Землевладѣлица—а. Открытое письмо. Въ Союзъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства. «Объ аграрныхъ вопросахъ». Москва, 1906. Ст. 7. Ц. 7 к.

Сестра—а. Открытое письмо. Къ выборамъ въ Государственную Думу. Москва, 1906. Ст. 6. Ц. 15 к.

Мельниковъ, Н. К. (Сибирякъ). Два міра. (Къ вопросу объ отдѣленіи церкви отъ государства). Берлинъ, 1907. Ст. IV+53. Ц. 90 к.

Овсянико-Нуликовскій, Д. Н., проф. Гоголь. Изд. «Свѣточъ» подъ ред. С. А. Венгерова. Спб. Ц. 1 р. Ст. 231.

Отзывъ наиболѣе распространенныхъ финляндскихъ газетъ. По поводу преступнаго распространенія нелѣпыхъ слуховъ «о вооруженіи Финляндіи». Спб. 1907. Ст. 25.

Рычкова-Зацѣпина, А. Д. «Духъ, душа и тѣло». Изъ «Книги Началь». Москва, 1906. Ст. 16. Ц. 15 к.

Ея-же. «Оправданіе зла». Изъ «Книги Началь». Москва, 1906. Ст. 15. Ц. 15 к.

Ея-же. «Законъ и беззаконіе». Изъ «Книги Началь». Москва, 1906. Ст. 21. Ц. 15 к.

П о л е м и к а.

Милостивый Государь

Господинъ редакторъ,

Позвольте Васъ просить дать мѣсто въ «Вопросахъ Философіи и Психологіи» моей замѣткѣ.

Въ 84-й книгѣ этого журнала, въ статьѣ «Кризисъ современнаго правосознанія» П. И. Новгородцевъ, касаясь Наказовъ 1789 г., ссылается на мою книгу «Идея народовластія и французская революція» и приводитъ оттуда одно мѣсто цѣликомъ. Глава моей книги, откуда заимствовано приведенное мѣсто, посвящена разбору Наказовъ, составленныхъ избирателями трехъ сословій Генеральныхъ Штатовъ; я указывалъ въ ней на то, что составители Наказовъ, исходя изъ идеи *нации*, впадали въ противорѣчіе между собою и съ самой идеей, такъ какъ они, говоря отъ имени *нации*, на самомъ дѣлѣ старались вложить въ предполагаемую *національную волю* лишь *свою* собственную сословную программу. По этому поводу у меня сказано: «Всѣ эти избиратели забыли о существенномъ значеніи монархіи въ ея идеальномъ смыслѣ, забыли о томъ, что народъ имѣетъ въ монархѣ постояннаго, стоящаго выше сословій и партій представителя національной воли». На основаніи этого мѣста П. И. Новгородцевъ приписываетъ мнѣ *феодалный романтизмъ*. Что значитъ это выраженіе? Слово *феодалный* имѣетъ опредѣленный историческій и техническій смыслъ и можетъ относиться лишь къ эпохѣ феодализма или къ ея пережиткамъ. Хотя я въ юности и наслаждался романомъ Вальтера Скотта—*Айвенго*, но я даже и тогда не имѣлъ желанія жить во времена Ричарда-Львиное сердце, а тѣмъ менѣе способенъ теперь мечтать о возвращеніи къ той эпохѣ. При томъ въ осужденномъ моимъ критикомъ мѣстѣ рѣчь идетъ вовсе не о феодализмѣ, а о *монархіи*. Такъ неужели же П. И. Новго-

родневъ считаетъ монархію *феодальнымъ* учрежденіемъ? При господствѣ феодализма въ средніе вѣка и монархія прониклась феодальнымъ характеромъ, но потомъ именно монархія начала борьбу съ феодализмомъ и создала современное *антифеодальное* государство. Очевидно, что объ *этой* монархіи шла рѣчь въ вышеприведенномъ мѣстѣ, такъ какъ къ слову монархія тамъ же прибавлено опредѣленіе («въ ея идеальномъ смыслѣ»), т.-е. какъ власти независимой отъ сословій и преслѣдующей обще-государственныя и національныя цѣли.

Мало того, въ указанномъ моимъ критикомъ мѣстѣ не только нѣтъ *феодальной* романтизма, а вообще нѣтъ и тѣни *романтизма*. То, въ чемъ П. И. Новгородцевъ усматриваетъ романтизмъ, составляло основу политической теоріи и практической дѣятельности величайшаго сподвижника французской революціи—Мирабо, котораго никто еще не выдавалъ за романтика. Мирабо считалъ необходимымъ, чтобы правительство стало во главѣ совершавшагося тогда переворота, и желалъ, чтобы французская монархія вышла изъ революціи не ослабленной, а укрѣпленной. Уже въ самомъ началѣ революціи, когда она еще не успѣла проявить своего анархическаго характера, онъ отстаивалъ абсолютное *вето* короля и говорилъ, что предпочелъ бы жить въ Константинополѣ, чѣмъ въ Парижѣ подъ властью *неограниченнаго* Народнаго Собранія. Исторія оправдала его взглядъ на дѣло, такъ какъ народовластіе дало Франціи лишь безвластіе и анархію, затѣмъ якобинскую тиранію и, наконецъ, военную диктатуру Наполеона. Неправыми же оказались передъ судомъ исторіи послѣдователи теоріи Руссо и чистаго народовластія. Главному изъ нихъ, Сіесу, скоро пришлось притаиться, чтобы не погибнуть подъ управленіемъ полномасштабнаго Конвента и, начавъ *за здравіе*, этотъ проповѣдникъ народовластія окончилъ *за упокой*, провозгласивши на мѣсто принципа народнаго самодержавія новый противоположный принципъ—*la confiance vient d'en bas, le pouvoir vient d'en haut*, т.-е. требуя довѣрія снизу, а власти сверху.

Я не сталъ бы возражать противъ смѣшного упрека въ феодальномъ романтизмѣ, если бы это касалось только меня лично или исторіи французской революціи, которая достаточно краснорѣчиво говоритъ сама за себя. Но мы переживаемъ подобную же эпоху и намъ можетъ грозить подобное и даже худшее зло, чѣмъ то, которое обрушилось на французовъ въ концѣ XVIII в.,

если мы повторимъ ихъ политическія заблужденія. Теоретическое обсужденіе идеи народовластія очень интересный предметъ; практическое же ея осуществленіе весьма сложная проблема. И это ея осуществленіе отнюдь не облегчится предразсудкомъ о несовмѣстимости дѣйствительной монархіи съ свободой народа—особенно тамъ, гдѣ монархическая идея глубоко вошла въ правосознаніе народа и гдѣ ея исчезновеніе изъ этого правосознанія искоренить въ немъ всякое представленіе о правѣ и власти. Это будетъ тогда уже не «патріархальнымъ романтизмомъ» Руссо, о которомъ говоритъ П. И. Новгородцевъ, а господствомъ *анархическаго* романтизма или просто дикой анархіи.

В Герье.

Московское Психологическое Общество.

Протоколъ годичнаго распорядительнаго собранія 24 марта 1907 года.

Засѣданіе было открыто въ 9 ч. вечера, въ залѣ Правленія университета, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ Общества: А. Н. Бернштейна, Н. П. Корелиной, Ѡ. Е. Рыбакова и В. М. Хвостова.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Л. М. Лопатинъ сообщилъ о кончинѣ дѣйствительныхъ членовъ Общества: В. А. Гольцева, Ѡ. А. Савей-Могилевича, Н. И. Шишкина и В. Я. Цингера. По предложенію предсѣдателя собраніе почтило память почившихъ вставаніемъ.

2) Былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

3) Секретарь Общества Н. Д. Виноградовъ доложилъ отчетъ о состояніи Общества за истекшій годъ.

4) Въ связи съ прочитаннымъ отчетомъ собраніе по вопросу о преміи Д. А. Столыпина сдѣлало слѣдующее постановленіе: просить комиссію по присужденію преміи разобрать документы по учрежденію преміи, пригласить въ свое засѣданіе компетентнаго юриста съ тѣмъ, чтобы такимъ путемъ рѣшить вопросъ о порядкѣ измѣненія условій полученія преміи.

5) Секретарь редакціи журнала «Вопросы Философіи» Н. П. Корелина доложила отчетъ казначея Общества и отчетъ по изданію журнала за истекшій годъ.

6) Обсуждался планъ занятій на текущее полугодіе. А. Н. Бернштейнъ сообщилъ, что д-ръ Ю. В. Каннабихъ желаетъ про-

читать рефератъ подъ заглавіемъ: «Къ вопросу о свободѣ воли». Рѣшено назначить засѣданіе съ упомянутымъ рефератомъ на 31 марта. А. Н. Бернштейнъ выразилъ желаніе прочитать въ первой половинѣ мая рефератъ на тему: «Экспериментально-психологическая методика распознаванія душевныхъ болѣзней».

Засѣданіе было закрыто въ 10¹/₂ ч. вечера.

Отчетъ о состояніи Московскаго Психологическаго Общества за время отъ 11-го марта 1906 года по 28-е марта 1907 года.

Составъ Общества.

Въ отчетномъ году въ составѣ Общества произошли слѣдующія измѣненія: скончались:—почетный членъ Э. фонъ-Гартманъ, дѣйствительные члены—К. М. Быковскій, Л. Е. Оболенскій, В. А. Гольцевъ, О. А. Савей-Могилевичъ, В. Я. Цингеръ, Н. И. Шишкинъ, избрана въ дѣйствительные члены—М. К. Морозова. Къ 24 марта 1907 года Общество состояло изъ 19 почетныхъ членовъ, 7 членовъ-учредителей, 152 дѣйствительныхъ членовъ, 22 членовъ-соревнователей и 7 членовъ-корреспондентовъ, а всего изъ 200 лицъ.

Совѣтъ Общества.

Совѣтъ Общества, избранный въ годичномъ засѣданіи 11 марта 1906 года, состоялъ въ отчетномъ году изъ слѣдующихъ лицъ: председателя профессора Л. М. Лопатина, товарища председателя проф. В. П. Сербскаго, кандидата товарища председателя проф. кн. Е. Н. Грубецкого, секретаря приватъ-доцента Н. Д. Виноградова, товарища секретаря приватъ-доцента А. Н. Бернштейна, кандидата товарища секретаря Н. П. Коремной, казначея Н. А. Абрикосова, товарища казначея приватъ-доцента А. С. Бѣлкина, кандидата товарища казначея приватъ-доцента С. А. Суханова, библіотекаря—Ю. И. Айхенвальда, редакторовъ «Трудовъ Общества»—Н. А. Иванцова и Г. А. Рачинскаго; членами ревизионной комиссіи были приватъ-доценты: Н. В. Давыдовъ, Д. В. Викторовъ и П. В. Тихомировъ.

Дѣятельность Общества.

1) *Засѣданія.* Въ теченіе отчетнаго года Общество имѣло всего два засѣданія: одно годичное распорядительное и одно

очередное. Въ послѣднемъ былъ прочитанъ и подвергнутъ обсужденію докладъ сторонняго посѣтителя *А. Н. Шукарева* на тему: «Энергетическія основанія закона Вебера-Фехнера и динамика памяти».

2) Журналъ *Вопросы Философіи и Психологіи* издавался въ отчетномъ году подъ редакціей Л. М. Лопатина, въ составъ редакціоннаго комитета входили кромѣ того слѣдующія лица: Ю. И. Айхенвальдъ, А. Н. Бернштейнъ, А. С. Бѣлкинъ, Н. Д. Виноградовъ, Б. К. Млодзѣвскій, П. И. Новгородцевъ, Г. А. Рачинскій, В. П. Сербскій и Н. А. Умовъ.

3) Премія *Д. А. Столыпина*. Срокомъ для представленія сочиненій на премію Д. А. Столыпина было назначено 1 января 1906 года. Такъ какъ къ тому времени не было представлено сочиненій, то, согласно постановленію годичнаго распорядительнаго собранія отъ 11 марта 1906 года, комиссія по присужденію преміи въ настоящее время занята выработкою проекта ходатайства объ измѣненіи условій преміи.

Секретарь **Н. Виноградовъ.**

Отчетъ казначея Психологическаго Общества за 1906 годъ. (22 годъ).

Поступило:

Остатокъ отъ п./г.	4095 р. 89 к.
Членскихъ взносов	135 " — "
За продажу изданій Общества .	1270 " 17 "
Пособіе отъ университета . . .	200 " — "
	<hr/>
	5701 р. 06 к.

Выдано:

На засѣданія, вѣнки и пр. . . .	35 " — "
„ почтов., телегр. и разѣздн. . .	6 " 33 "
„ канцеляр., типогр. и наградн. .	55 " 31 "
„ книги и журналы для библіотеки	87 " 88 "
Въ контору журнала «Вопросы Философіи и Психологіи» . .	5409 " — "
	<hr/>
	5593 р. 52 к.
Остатокъ въ приходо-расходной кассѣ	<hr/>
	107 р. 54 к.

Состояніе капиталовъ Психологическаго Общества.*Къ 1 января 1907 года:*

Въ прихода-расходной кассѣ	107 р. 54 к.
Въ конторѣ журнала «Вопросы Фи- лософіи и Психологіи»	2473 „ 08 „
На текущ. сч. у Юнкеръ и К ^о	129 „ 58 „
На вклады въ Моск. Учетн. банкѣ по билету за № 41132. Капиталь и проценты преміи Д. А. Столы- пина	1621 „ 71 „
	<u>4331 р. 91 к.</u>

**Списокъ членовъ Психологическаго Общества, состоящаго при
Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, по 1-ое мая
1907 года.**

Почетные члены:

1. Герье, Владиміръ Ивановичъ.
2. Звѣревъ, Николай Андреевичъ (членъ-учредитель).
3. Каринскій, Михаилъ Ивановичъ.
4. Ключевскій, Василій Осиповичъ.
5. Кони, Анатолій Ѳедоровичъ.
6. Мержеевскій, Иванъ Павловичъ.
7. Струве, Генрихъ Егоровичъ.
8. Толстой, гр., Левъ Николаевичъ.
9. Вундтъ, Вильгельмъ (Германія).
10. Гефдингъ, Гаральдъ (Данія).
11. Джэмсъ, Уильямъ (С. Америка).
12. Паульсенъ, Фридрихъ (Германія).
13. Рибо, Томасъ (Франція).
14. Рише, Шарль (Франція).
15. Фишеръ, Куно (Германія).
16. Фулье, Альфредъ (Франція).
17. Целлеръ, Эдуардъ (Германія).

Члены-учредители:

18. Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ, проф. Моск. унив.
19. Ковалевскій, Максимъ Максимовичъ, членъ-корреспондентъ
Академіи Наукъ.
20. Колоколовъ, Георгій Евграфовичъ, } профессора Московск.
21. Миллеръ, Всеволодъ Ѳедоровичъ, } университета.

22. Муромцевъ, Сергѣй Андреевичъ, профессоръ Императорскаго лицея.
23. Фортунатовъ, Филиппъ Ѳедоровичъ, академикъ Имп. Акад. Наукъ.
24. Чупровъ, Александръ Ивановичъ, докторъ политической экономіи.

Дѣйствительные члены:

25. Абрикосовъ, Алексѣй Алексѣевичъ.
26. Абрикосовъ, Николай Алексѣевичъ.
27. Айхенвальдъ, Юлій Исаевичъ.
28. Андреевъ, Константинъ Алексѣевичъ, проф. Моск. унив.
29. Анри, Викторъ.
30. Аппельротъ, Германъ Германовичъ, адъюнктъ - профессоръ сельскохозяйственнаго института.
31. Баженовъ, Николай Николаевичъ, докторъ медицины.
32. Балталонъ, Цезарь Павловичъ, преподаватель средн. учебн. заведеній.
33. Бартеневъ, Юрій Петровичъ.
34. Басистовъ, Алексѣй Павловичъ, магистрантъ философіи.
35. Бачинскій, Алексѣй Осиповичъ, преподав. средн. учебн. заведеній.
36. Безобразова, Марья Владиміровна, д-ръ философіи Бернскаго университета.
37. Безобразовъ, Павелъ Владиміровичъ.
38. Бернштейнъ, Александръ Николаевичъ, психіатръ.
39. Боборыкинъ, Петръ Дмитріевичъ, писатель.
40. Бобровъ, Евгений Александровичъ, профессоръ Варшавскаго университета.
41. Боткинъ, Яковъ Алексѣевичъ, психіатръ.
42. Брунь, Михаилъ Исакиевичъ, присяжн. повѣрен.
43. Брюхатовъ, Левъ Дмитріевичъ, преподав. средн. уч. завед.
44. Булгаковъ, Сергѣй Николаевичъ, профессоръ Моск. унив.
45. Бѣлинъ, Алексѣй Сергѣевичъ, прив.-доц. Москов. унив.
46. Вагнеръ, Владиміръ Александровичъ, докторъ зоологіи.
47. Васильевъ, Александръ Васильевичъ, проф. Казанск. унив.
48. Введенскій, Александръ Ивановичъ, проф. Спб. унив.
49. Введенскій, Алексѣй Ивановичъ, проф. Московск. духовн. академіи.

50. **Вентцель**, Константинъ Николаевичъ.
51. **Веселовскій**, Алексѣй Николаевичъ, докторъ всеобщей литературы.
52. **Вернадскій**, Владиміръ Ивановичъ, проф. Моск. унив.
53. **Вешняковъ**, Ѳедоръ Владиміровичъ.
54. **Викторовъ**, Давидъ Викторовичъ, прив.-доц. Моск. унив.
55. **Випперъ**, Робертъ Юрьевичъ, проф. Моск. унив.
56. **Викторскій**, Сергѣй Ивановичъ, прив.-доц. Моск. унив.
57. **Виноградовъ**, Николай Дмитріевичъ, прив.-доц. Моск. унив.
58. **Виноградовъ**, Павелъ Гавриловичъ, проф. Оксфордск. унив.
59. **Вульфбертъ**, Антонъ Карловичъ.
60. **Вырубовъ**, Григорій Николаевичъ, писатель.
61. **Гамбаровъ**, Юрій Степановичъ.
62. **Ганнушкинъ**, Петръ Борисовичъ, психіатръ.
63. **Герасимовъ**, Осипъ Петровичъ, товарищъ Министра Народн. Просвѣщенія.
64. **Гиацинтовъ**, Владиміръ Егоровичъ, прив.-доц. Моск. унив.
65. **Гиляровъ**, Алексѣй Никитичъ, проф. Кіевск. унив.
66. **Голицынъ**, кн., Борисъ Борисовичъ, академикъ Имп. Акад. Наукъ.
67. **Горбовъ**, Николай Михайловичъ.
68. **Гротъ**, Константинъ Яковлевичъ, проф. Петерб. унив.
69. **Горская**, Зинаида Степановна.
70. **Гуторъ**, Василій Петровичъ.
71. **Давыдовъ**, Николай Васильевичъ, предсѣдатель Московскаго окр. суда.
72. **Данилевскій**, Василій Яковлевичъ, проф. Харьк. унив.
73. **Де-Роберти**, Евгенийъ Валентиновичъ, писатель.
74. **Дерюжинскій**, Владиміръ Ѳедоровичъ, редакторъ журнала Министерства Юстиціи.
75. **Джонстонъ**, Вѣра Владиміровна.
76. **Дриль**, Дмитрій Андреевичъ, докторъ уголовного права.
77. **Елеонскій**, Николай Александровичъ, священ., профессоръ Москов. университета.
78. **Ефименко**, Александра Яковлевна, писательница.
79. **Жуковскій**, Николай Егоровичъ, проф. Моск. унив.
80. **Занцевичъ**, Константинъ Петровичъ, присяжн. повѣрен.
81. **Зеленогорскій**, Ѳедоръ Александровичъ, проф. Харьковскаго университета.
82. **Зерновъ**, Дмитрій Николаевичъ, проф. Моск. унив.

83. **Зографъ**, Николай Юрьевичъ, проф. Моск. унив.
84. **Зыновъ**, Владиміръ Павловичъ, прив.-доц. Моск. унив.
85. **Ивановскій**, Владиміръ Николаевичъ, прив.-доц. Казанск. унив.
86. **Иванцовъ**, Николай Александровичъ.
87. **Иванюковъ**, Иванъ Ивановичъ, д-ръ политической экономіи.
88. **Казанскій**, Александръ Павловичъ, проф. Новорос. унив.
89. **Камаровскій**, гр., Леонидъ Алексѣевичъ, проф. Моск. унив.
90. **Карѣевъ**, Николай Ивановичъ, д-ръ всеобщей исторіи
91. **Колубовскій**, Яковъ Николаевичъ, преподаватель педагогич. курс. въ Петербургѣ.
92. **Конисси**, Даниилъ Павловичъ.
93. **Корелина**, Надежда Петровна, секретарь редакціи «Вопросовъ Фил. и Псих.».
94. **Корниловъ**, Александръ Александровичъ, прив.-доц. Моск. университета.
95. **Коробкинъ**, Ѳедоръ Семеновичъ, препод. средн. учебн. зав.
96. **Коршъ**, Ѳедоръ Евгеньевичъ, проф. Моск. унив., академикъ Имп. Академ. Наукъ.
97. **Котляревскій**, Сергѣй Андреевичъ, прив.-доц. Моск. унив.
98. **Ланге**, Николай Николаевичъ, проф. Новорос. унив.
99. **Ланнъ**, Фердинандъ, лекторъ Моск. унив.
100. **Лапшинъ**, Иванъ Ивановичъ, прив.-доц. Спб. унив.
101. **Лопатинъ**, Левъ Михайловичъ, проф. Моск. унив.
102. **Лосскій**, Николай Онуфріевичъ, прив.-доц. Спб. универс.
103. **Любавскій**, Матвѣй Кузьмичъ, проф. Моск. унив.
104. **Лютославскій**, Викентій Францевичъ.
105. **Мальшинъ**, Александръ Ивановичъ, психіатръ.
106. **Мамуна**, гр., Иванъ Андреевичъ, врачъ.
107. **Масарикъ**, Ѳома Осиповичъ, проф. Чешскаго универс. въ Прагѣ.
108. **Мензбиръ**, Михаилъ Александровичъ, проф. Моск. унив.
109. **Милюковъ**, Павелъ Николаевичъ, магистръ русск. исторіи.
110. **Минцловъ**, Рудольфъ Рудольфовичъ.
111. **Млодзѣвскій**, Болеславъ Корнеліевичъ, проф. Моск. унив.
112. **Мокіевскій**, Павелъ Васильевичъ, докт. мед.
113. **Морозова**, Маргарита Кирилловна.
114. **Мороховецъ**, Левъ Захаровичъ, проф. Моск. унив.
115. **Некрасовъ**, Павелъ Алексѣевичъ.
116. **Немировичъ-Данченко**, Владиміръ Ивановичъ, писатель.

117. **Новгородцевъ**, Павелъ Ивановичъ, директоръ Коммерческаго Института.
118. **Огневъ**, Иванъ Флоровичъ, проф. Моск. унив.
119. **Охоровичъ**, Юліанъ, д-ръ медицины.
120. **Первовъ**, Павелъ Дмитріевичъ, препод. средн. учебн. завед.
121. **Петровскій**, Александръ Григорьевичъ, врачъ.
122. **Плевако**, Федоръ Никифоровичъ, присяжн. повѣрен.
123. **Поповъ**, Иванъ Васильевичъ, проф. Моск. духовн. акад.
124. **Поржезинскій**, Викторъ Карловичъ, проф. Моск. унив.
125. **Постовскій**, Николай Павловичъ, психіатръ.
126. **Преображенскій**, Петръ Васильевичъ, прив.-доц. Моск. унив.
127. **Пржевальскій**, Владиміръ Владиміровичъ.
128. **Радловъ**, Эрнестъ Львовичъ, профессоръ философіи въ училищѣ Правовѣдѣнія.
129. **Рачинскій**, Григорій Алексѣевичъ.
130. **Ржондновскій**, Николай Ивановичъ.
131. **Розановъ**, Матвѣй Ниѣаноровичъ, прив.-доц. Моск. унив.
132. **Россолимо**, Григорій Ивановичъ, прив.-доц. Моск. унив.
133. **Ротъ**, Владиміръ Карловичъ, проф. Моск. унив.
134. **Рузскій**, Николай Виттовичъ, прив.-доц. Моск. унив.
135. **Рутковскій**, Л. В., прив.-доц. Спб. унив.
136. **Рыбаковъ**, Федоръ Егоровичъ, д-ръ медицины.
137. **Савинъ**, Александръ Николаевичъ, прив.-доц. Моск. унив.
138. **Саводникъ**, Владиміръ Федоровичъ, препод. средн. учебн. заведеній.
139. **Сербскій**, Владиміръ Петровичъ, проф. Моск. унив.
140. **Серджи**, Джованни, проф. антропологии въ Римск. унив.
141. **Синорскій**, Иванъ Алексѣевичъ, проф. Кіевск. унив.
142. **Скрябинъ**, Александръ Николаевичъ, профес. Московской консерв.
143. **Смирновъ**, Федоръ Александровичъ.
144. **Соболевскій**, Василій Михайловичъ.
145. **Соколовскій**, Павелъ Эмиліевичъ, проф. Моск. унив.
146. **Соколовъ**, Павелъ Петровичъ, проф. Моск. духовн. акад.
147. **Софроновъ**, Федоръ Васильевичъ, земскій врачъ.
148. **Спасскій**, Анатолій Алексѣевичъ, проф. Моск. дух. акад.
149. **Стрѣльцовъ**, Павелъ Павловичъ, психіатръ.
150. **Сухановъ**, Сергѣй Алексѣевичъ, д-ръ медицины.
151. **Танѣевъ**, Владиміръ Ивановичъ, присяжн. повѣр.

152. Тимирязевъ, Клементій Аркадьевичъ, проф. Моск. унив.
 153. Тимновскій, Николай Ивановичъ, писатель.
 154. Тихомировъ, Павелъ Васильевичъ, проф. Нѣжинскаго лицея.
 155. Трубецкой, кн., Евгений Николаевичъ, проф. Кіевск. унив.
 156. Уляницкій, Владиміръ Антоновичъ, проф. Харьковскаго университета.
 157. Успенскій, Сергѣй Николаевичъ, психіатръ.
 158. Умовъ, Николай Алексѣевичъ, проф. Моск. унив.
 159. Фаворскій, Андрей Евграфовичъ, присяжн. повѣрен.
 160. Филипповъ, Александръ Никитичъ, проф. Моск. унив.
 161. Фонъ-Штейнъ, Станиславъ Ѳедоровичъ, прив.-доц. Москов. университета.
 162. Хвостовъ, Веніаминъ Михайловичъ, проф. Моск. универс.
 163. Цвѣтаевъ, Иванъ Владиміровичъ, проф. Москов. унив.
 164. Цертелевъ, кн., Дмитрій Николаевичъ.
 165. Челпановъ, Георгій Ивановичъ, проф. Московск. унив.
 166. Чижъ, Владиміръ Ѳедоровичъ, проф. Юрьевск. унив.
 167. Шайкевичъ, Мартинъ Осиповичъ, психіатръ.
 168. Шварцъ, Александръ Николаевичъ.
 169. Шервинскій, Василій Дмитріевичъ, проф. Моск. унив.
 170. Шмидтъ, Евгений Александровичъ.
 171. Штейнъ, Владиміръ Ивановичъ, писатель.
 172. Эверлингъ, Сергѣй Николаевичъ.
 173. Эртель, Александръ Ивановичъ, писатель.
 174. Якоби, Павелъ Ивановичъ, психіатръ.
 175. Яковенно, Владиміръ Ивановичъ, психіатръ.

Члены-соревнователи:

176. Абрикосова, Марія Филипповна.
 177. Абрикосова, Глафира Алексѣевна.
 178. Абрикосовъ, Александръ Алексѣевичъ.
 179. Андреева, Александра Алексѣевна.
 180. Гончарова, Анна Сергѣевна.
 181. Горскій, Константинъ Николаевичъ.
 182. Каринская, Марія Александровна.
 183. Любенкова, Юлія Львовна.
 184. Львовъ, кн., Дмитрій Петровичъ.
 185. Мазаровичъ, Николай Ивановичъ.
 186. Мошкина, Екатерина Дмитріевна.

- 187. Мальновская, Софья Александровна.
- 188. Мамонтовъ, Михаилъ Анатоліевичъ.
- 189. Павловъ, Александръ Владиміровичъ.
- 190. Петрунневичъ, Анастасія Сергѣевна.
- 191. Ремезовъ, Иванъ Дмитріевичъ.
- 192. Селивачовъ, Ѳедоръ Дмитріевичъ.
- 193. Ферстеръ, Наталія Павловна.
- 194. Шахъ-Назаровъ, Семень Григорьевичъ.

Члены-корреспонденты:

- 195. Гелеръ фонъ-Равенбургъ.
- 196. Максъ Дессуаръ.
- 197. А. Байерсдерферъ, предсѣд. Мюнхенскаго Психологическаго Общества.
- 198. Шренкъ фонъ-Нотцингъ, секретарь того же Общества.
- 199. Левицкій, И. Н.
- 200. Демковъ, М. И.
- 201. Гартвигъ, Андрей Ѳедоровичъ.

Примѣчаніе. Членскіе взносы принимаются въ конторѣ журнала «Вопросы Философіи и Психологіи», а во время засѣданій—въ залѣ засѣданія. Иногороднихъ членовъ просятъ адресовать свои взносы въ контору журнала «Вопросы Философіи и Психологіи». Взносъ для дѣйствительныхъ членовъ 5 руб., для членовъ-соревнователей 10 р. въ годъ. Совѣтъ Общества обращаетъ вниманіе гг. членовъ Общества на § 9 Устава.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ (18-й годъ изданія)
на общепедагогической журн. для учителей и дѣятелей по народному образованію

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Журналъ издается по слѣдующей программѣ: 1) Вопросы общей реформы системы образованія. 2) Злободневные вопросы школьнаго дѣла. 3) Общие вопросы образованія и воспитанія. 4) Педагогическая психологія. 5) Школьная гигиена. 6) Исторія школы. 7) Методика преподаванія. 8) Беллетристическія произведенія съ сюжетами, взятыми изъ жизни школы, и школьныя воспоминанія. 9) Обзоры новѣйшихъ теченій въ области знанія (научный фельетонъ). 10) Дѣятельность государственныхъ и общественныхъ учреждений въ области народнаго образованія (Гос. Дума, земство и т. п.). 11) Иностранная школа. 12) Инородческая школа. 13) Начальная школа. 14) Городскія училища. 15) Средняя школа. 16) Высшая школа. 17) Профессиональная школа. 18) Вопросы женскаго образованія. 19) Внешкольное образованіе.

Кромѣ статей разныхъ авторовъ по означенной программѣ журналъ даетъ ежемѣсячно слѣдующіе отдѣлы: I. Критика и библиографія педагогическихъ и популярно-научныхъ сочиненій. II. Хроника нар. образованія на Западѣ. III. Хроника начальнаго образованія. IV. Хроника народныхъ библиотекъ. V. Хроника воскресныхъ школъ. VI. Хроника профессиональнаго образованія. VII. Замѣтки изъ текущей жизни. VIII. Разныя извѣстія. IX. Правительственныя распоряженія.

Въ „Русской Школѣ“ принимаютъ участіе слѣдующія лица: Н. Я. Абрамовичъ, Х. Д. Алчевская, К. И. Андріенко, Ц. П. Балтагонъ, проф. П. А. Бодуэнь-де-Куртень, И. А. Бѣлозерскій, И. П. Бѣлоконскій, В. П. Вахтеровъ, П. И. Вейбергъ, Б. П. Вейбергъ, д-ръ А. С. Вирениустъ, Е. М. Гаршинъ, проф. И. М. Гресь, А. Г. Готлибъ, Я. Я. Гуревичъ, А. Я. Гуревичъ, К. Н. Деруновъ, О. А. Добіашъ, К. В. Ельницкій, Н. М. Жестелевскій, И. П. Житенскій, С. А. Золотаревъ, Г. Г. Зоргенфрей, К. А. Ивановъ, проф. Д. Н. Кайгородовъ, П. О. Каптеревъ, проф. Н. И. Карѣевъ, П. Н. Казанцевъ, В. А. Келтуяла, Н. П. Каминъ, П. А. Конскій, Н. И. Коробка, А. А. Карасевъ, проф. Н. Н. Ланге, Б. А. Лезинъ, Л. К. Лемке, проф. П. Ф. Лесгафта, А. Л. Липовскій, А. А. Локтивъ, О. С. Матвѣевъ, И. И. Мещерскій, П. Г. Мнжуевъ, А. В. Мезіеръ, А. П. Налимовъ, А. П. Нечаевъ, А. Новиковъ, А. В. Овсянниковъ, Ф. Ф. Ольденбургъ, проф. И. Г. Орманскій, С. А. Острогорскій, Ф. И. Павловъ, О. Х. Павловичъ, проф. А. Л. Погодинъ, В. Подстеянскій, С. Н. Поляковъ, В. Л. Розенбергъ, Г. П. Роковъ, П. А. Рудневъ, Н. А. Рубанинъ, Е. П. Рѣпина, С. Ф. Русова, М. Н. Салтыкова, проф. И. А. Сикорскій, И. С. Симоновъ, Л. С. Севрукъ, проф. Ир. П. Скворцовъ, А. О. Соколовъ, М. И. Страхова, проф. Сумцовъ, М. А. Тростниковъ, А. М. Тютрюмовъ, К. А. Тюлеліевъ, В. И. Чернодускій, Н. В. Чеховъ, В. И. Фармаковский, А. П. Флеровъ, В. А. Флеровъ, проф. В. М. Шамкевичъ, С. И. Шохоръ-Тропскій, Н. С. Шохоръ-Троцкая, д-ръ В. Ф. Якубовичъ, А. Яцмирскій и др.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ каждая (за май-іюнь и июль-августъ—семь р., съ доставкой—7 руб. 50 коп.: для иногороднихъ съ пересылкою—восемь руб.; за границу—девять руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15⁰/₀. Книжные магазины получаютъ за комиссію 5⁰/₀ съ годовой цѣны. Подписка съ разсрочкой и услужкой принимается только въ конторѣ журнала.

Журналъ „Р. Ш.“ допущенъ Ученымъ Комитет. Мин. Нар. Просв. къ выпискѣ для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также въ учебныя библиотекы низшихъ учебныхъ заведеній.

Золотая медаль на международнои выставкѣ „Дѣтскій Миръ“ въ 1904 году.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Спб., Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель Я. Я. Гуревичъ.

Политическая Энциклопедія

подъ редакціей **Л. З. Слонимскаго.**

ВЫШЕЛЪ ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Въ этомъ выпускѣ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи: Анти-семитизмъ, **В. Водовозова**, **Н. Рейнгардта** и **Л. Слонимскаго**; Арбитражъ, бар. **Б. Нольде**; Арендныя отношенія, **А. Дядиченно** и **Л. Чермана**; Арестъ судебный и полицейскій, проф. кн. **С. Друцкаго**; Армія, проф. **А. Добровольскаго**; Арсеневъ **К. К.**, **А. Ф. Кони**; Артели, **Ф. Щербины**; Архангельская губернія, **Д. Рихтера**; Афганистанъ, **З. Авалова**; Африка, бар. **Б. Нольде**; Африкандеры, Баварія, Баденъ, Базель, **В. Водовозова**; Багдадская желѣзная дорога, бар. **Б. Нольде**; Балканскій полуостровъ, бар. **Б. Нольде** и **П. Калинкова**; Бальфуръ, **С. Рапопорта**; Банкеты, **В. Водовозова**; Банъ хорватскій, **С. Радича**; Баррикады, **Н. Рейнгардта**; Батраки, **Ф. Щербины**; Башкиры и башкирскія земли, **А. Дядиченно**; Бебель, **В. Водовозова**; Бездомовые, **Ф. Щербины**; Бездѣйствіе власти, проф. кн. **С. Друцкаго**; Безземельные крестьяне, **Ф. Щербины**; Безобразовъ, **М. А.**, **Н. Рейнгардта**; Безопасность, **С. Шумакова**; Безпаспортные, **Ф. Щербины**; Безработица, **В. Святловскаго**; Берлинскій трактатъ, бар. **Б. Нольде**; Берлинъ, **Р. Стрѣльцова**; Бернштейнъ, **Эд.**, **В. Водовозова**; Библиотеки, **Н. Рейнгардта**; Бирмингамъ, **С. Рапопорта**; Благонадежность, Благонамѣренность, Благополучіе, **Н. Рейнгардта**; Благотворительность, **Г. Чернявскаго**; Блокада, бар. **Б. Нольде**; Бобыли, **Ф. Щербины**; Богатство, **Г. Чернявскаго**; Бойкотъ, **В. Водовозова**; Болгарія, **П. Калинкова**; Болгарская конституція, **П. Милунова**; Босфоръ и Дарданеллы, бар. **Б. Нольде**; Бразилія, **В. Водовозова**.

Съ 11 портретами и иллюстраціями, 3 страниц. картограммъ и 17 страниц. географическихъ картъ.

Подписная цѣна за всѣ 12 выпусковъ — **9 рублей** безъ переплета, въ трехъ полукожаныхъ переплетахъ, или же съ отдѣльной высылкой трехъ крышекъ, — **12 руб.** Подписная цѣна за границу — **23 франк.** безъ переплета и **36 франк.** въ переплетахъ. Допускается разсрочка съ уплатою по одному рублю или по четыре франка въ мѣсяцъ.

Для ознакомленія съ изданіемъ, всѣмъ желающимъ высылается первый выпускъ съ обязательствомъ возвратить его, если подписка не состоится.

Главная контора: **Спб., Невскій, 88.**

Подписка принимается также въ иногороднихъ отдѣленіяхъ и у представителей Главной Комторы.

Открыта подписка на журналъ

„Дѣтскій Отдыхъ“

въ 1907 году,

выходитъ ежемѣсячно.

Кромѣ 12 книгъ журнала, подписчики получаютъ въ 1907 году

Атласъ картинъ по Русской исторіи,

выпускъ 5-й, заключающій въ себѣ слѣдующія картины:

1) Императрица Анна разрываетъ „кондиціи“; 2) Въ кабинетѣ императрицы Анны; 3) „Слово и дѣло“; 4) Цесаревна Елизавета у преображенскихъ казармъ 26 ноября 1741 г.; 5) Приемъ императрицей Елизаветой иностраннаго посла; 6) Въ академической гимназіи. Картины исполнены автотипіей по оригинальнымъ рисункамъ. Объяснительный текстъ къ картинамъ подъ общимъ заглавіемъ „Изъ прошлаго Русской земли“, составленный С. Князьковымъ, будетъ приложенъ къ атласу въ видѣ отдѣльной книжки, какъ особый выпускъ изданія „Библіотека Дѣтскаго Отдыха“.

Журналъ предназначается для дѣтей старшаго возраста. ДОПУЩЕНЪ въ учебныя бібліотеки всѣхъ низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя читальни и въ бібліотеки средн. учебн. заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой 6 руб.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ журнала въ С.-Петербурѣ, Загородный пр., 28.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета
на 1907 годъ.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложений.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложениями 6 руб., съ пересылкою 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ А. Александровъ.

Печатается по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежедневную политическую, экономическую, общественную и литературную газету

СЛОВО,

ВЫХОДИТЬ в С.-ПЕТЕРБУРГѢ, съ 19-го ноября 1906 года.

Главная политическая задача СЛОВА — создание конституціоннаго центра.

НАША ПРОГРАММА:

Укрѣпленіе русской національной идеи въ связи съ идеей обще-славянской, при равноправіи народностей, населяющихъ Россію. Цѣлостъ и нераздѣльность Россіи. Развитие русской государственности на началахъ прогрессивной конституціонной монархіи. Свобода церкви и полная вѣротерпимость. Полное равноправіе крестьянъ. Развитие мелкаго землевладѣнія на правѣ личной собственности и создание интенсивнаго хуторскаго хозяйства. Широкое, въ центрѣ и на окраинахъ, мѣстное самоуправленіе. Всесословная мелкая земская единица—какъ основа земскаго самоуправления. Всемирная забота государства о производительныхъ, тѣсно связанныхъ между собой, силахъ страны — земледѣліи и промышленности. Развитие промышленности и торговли на началахъ самостоятельности, широкой инициативы, подъема производительности народнаго труда и классовой организаціи представителей труда и капитала. Изысканіе путей къ примиренію труда и капитала. Государственная регулировка ихъ взаимныхъ отношеній. Всеобщее образованіе на началахъ широкаго общественнаго почина и съ устраненіемъ особыхъ правъ и привилегій по образованію. Свобода слова, печати, союзовъ и собраній при твердой власти, основанной на общественномъ довѣріи. Борьба съ насиліемъ справа и слѣва, развитіе широкаго народнаго творчества. Миротребіе и сдержанность внѣшней политики при твердой и исполненной достоинства охранѣ національныхъ интересовъ. Реформа арміи и флота. Созданіе надежной военной силы для охраны неприкосновенности Россіи, обезпеченія ея мирной политики и защиты экономическихъ интересовъ страны. Служеніе національнымъ началамъ въ литературѣ и искусствѣ во всѣхъ его областяхъ при полномъ вниманіи ко всякимъ новымъ художественнымъ теченіямъ.

Редакторъ-Издатель М. М. ѲЕДОРОВЪ.

Условія подписки съ доставкой и пересылкой на 1907 годъ.

На 12 мѣс.—12 р., на 6 мѣс.—6 р. 50 к., на 3 мѣс.—3 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р. 25 к.

За границу: 12 мѣс. 20 р., 6 мѣс.—11 р., 3 мѣс.—6 р., 1 мѣс. 2 р. 50 к.

Допускается разсрочка годовымъ подписчикамъ въ конторѣ газеты: при подпискѣ—4 р., къ 1 апрѣля—4 р. и къ 1 августа—4 р. Для учащейся молодежи и для волостныхъ правленій допускается скидка въ 25% съ подписной цѣны. Отдѣльные ЛММ по 5 коп. Перемѣна адреса 45 коп.

Подписка принимается въ Главной конторѣ газеты „Слово“, въ С.-Петербургѣ, Невскій 92, (Телефонъ 233—57).

26 годъ изданія ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 Г. 26 годъ изданія

„РЕБУСЪ“ Единственный въ Россіи популярно-научный ЖУРНАЛЪ

по вопросамъ спиритуализма, психизма, медиумизма и мистики.

(Обзоръ и изслѣдованіе малоизвѣстныхъ теорій и фактовъ: телепатіи, ясновидѣнія, передачи мыслей, раздвоенія личности, одержанія, сомнамбулизма, животнаго магнетизма, медиумизма, гипнотизма, явленій спиритизма и другихъ оккультныхъ явленій и фантозовъ.)

Независимое слово внѣ школъ и партій о всѣхъ спорныхъ вопросахъ науки и жизни.

Выходить не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ выпусками отъ одного до 3-хъ печатныхъ листовъ. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаются пояснительными чертежами, рисунками, рисунками и портретами.

Помѣщаются отзывы о новыхъ и старыхъ книгахъ; разъясненія и отвѣты редакціи на запросы и письма подписчиковъ. Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, романы, стихотворенія и новеллы, соотвѣтствующіе направленію журнала.

Подписная цѣна: въ Россіи: на годъ 5 руб., на $\frac{1}{2}$ года 3 руб.
За границу на годъ 6 р., на $\frac{1}{2}$ года 3 р. 50 к.

Отдѣльный номеръ въ продажѣ 25 к. (можно высылать почтовыми марками).

Подписка принимается: въ Москвѣ: въ редакціи журнала — Арбатъ, домъ Нейдгартъ, кв. № 12, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.

Открыта подписка на 1907 годъ

— Четвертый годъ изданія —

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ

„ВЪСЫ“

Въ 1907 году „Вѣсы“ будутъ издаваться при томъ же составѣ сотрудниковъ, какъ и въ предыдущіе три года, при ближайшемъ участіи: Ю. Балтрушайтиса, К. Бальмонта, А. Блона, Валерія Брюсова, Андрея Бѣлаго, З. Н. Гиппиуса, Вячеслава Иванова и Д. С. Мережковскаго.

Подписная цѣна на годъ (12 №№) пять рублей съ пересылкой; на полгода три рубля съ пересылкой. За границу семь рублей.

Годовые подписчики на 1907 годъ, внесшіе всю сумму до 15-го января имѣютъ право получить бесплатно одно изъ изданій к—ва „Скорпіонъ“, изъ списка, который будетъ объявленъ въ январскомъ №. Всѣ подписчики на 1907 годъ пользуются при выпискѣ изъ редакціи изданій к—ва „Скорпіонъ“ скидкой отъ 15 до 50%.

Адресъ главной конторы: Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23, книгоиздательство „Скорпіонъ“. Отдѣленіе: С.-Петербургъ, Садовая, 18, складъ „Комиссіонеръ“.

Редакторъ-Издатель С. А. ПОЛЯКОВЪ.

ПЕРЕВАЛЪ

ЖУРНАЛЪ СВОБОДНОЙ МЫСЛИ.

Новое ежемѣсячное литературно - общественное изданіе.

Девизъ „ПЕРЕВАЛА“: радикализмъ философскій, эстетическій, социальный.

Въ журналѣ участвуютъ:

Ю. И. Айхенвальдъ, Alexander, прив.-доц. Е. Анничковъ, И. О. Анненскій, М. П. Ардыбашевъ, К. Д. Бальмонтъ, А. Бачинскій, Н. Вердяевъ, Александръ Блокъ, прив.-доц. Алексѣй Боровой, И. А. Бунинъ, Андрей Вѣдъй, А. Вертежскій, Л. Вилькина, Леонидъ Галичъ, Б. Диксъ, А. Діесперовъ, М. Дурновъ, Осипъ Дымовъ, Борисъ Зайцевъ, В. Зоръ, проф. Ф. Ф. Зѣлинскій, Вячесл. Ивановъ, М. Кириенко-Волошинъ (Максъ Волошинъ), Александръ Койранскій, Б. Койранскій, А. Кондратьевъ, прив.-доцентъ С. А. Котларевскій, Сергѣй Кречетовъ, Маркъ Криницкій, В. Лесьмянъ, Владимиръ Линденбаумъ, Сергѣй Маковский, Н. М. Минскій, А. Л. Миропольскій, Мирэ, Муни, И. Новиковъ, Одинокій, акад. С. О. Ольденбургъ, Инна Петровская, А. П. Печковский, Борисъ Поповъ (Мизгирь), Н. Поярковъ, Алексѣй Ремизовъ, С. Сергѣевъ-Ценскій, С. Соловьевъ, Федоръ Сологубъ, Петръ Струве, Г. Тверской, А. М. Федоровъ, Борисъ Фохтъ, Владиславъ Ходасевичъ, Юрій Черета, Андрей Чубаровъ, Георгій Чулковъ, Конст. Эрбергъ, С. Яремичъ, Сергѣй Глаголъ, Сергѣй Городецкій, Н. Д. Телешовъ, прив.-доц. А. Яшенко и др.

Въ журналѣ помѣщаются статьи по вопросамъ философіи, искусства и общечеловѣческой, стихи и рассказы.

Журналъ выходитъ съ ноября 1906 г.

Подписная цѣна: на годъ—4 р., а $\frac{1}{2}$ года—2 р. 25 к., на 3 мѣс.—1 р. 20 к. За границу на годъ—7 р. Учителямъ, учащимся и служ. въ общ. учр. цѣна понижена: на годъ—3 р. 60 к., на $\frac{1}{2}$ года—2 р., на 3 мѣс.—1 р., при условіи подписки черезъ редакцію. Отдѣльные №№ по 50 коп. Наложеннымъ платежемъ №№ не высылаются. Петербургское отдѣленіе конторы: книжный магазинъ И. И. Митюрникова, Литейный, 31. Адресъ редакціи и конторы: Москва, уг. Пречистенскаго бульвара и Сивцева-Вражка, д. Тарасовой, кв. 1.

Принимаются объявленія.

Редакторъ Сергѣй Соколовъ.

Издатель Владимиръ Линденбаумъ.

Открыта подписка на 1907 годъ

на литературный и научный журналъ

РУССКОЕ БОГАТСТВО.

XV-й годъ изданія.

Редакторъ-издатель **Вл. Г. Короленько.**

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкою: на годъ—9 руб.; на 6 мѣс.—4 руб. 50 коп.; на 4 мѣс.—3 руб.; на 1 мѣс. 80 коп. Безъ доставки: на годъ—8 руб., на 6 мѣс.—4 руб. Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка 1 руб. 10 коп. За границу: на годъ—12 руб.; на 6 мѣс.—6 руб.; на 1 мѣс.—1 руб. Адресъ Конторы журнала: С.-Петербургъ, Васкова, 9; въ Москвѣ—Отдѣленія Конторы—Никитскія ворота, д. Гагарина. При непосредственномъ обращеніи по этимъ адресамъ допускается разсрочка: при подпискѣ 5 руб. и къ 1-му іюля 4 руб., или при подпискѣ 3 руб., къ 1-му апрѣля 3 руб. и къ 1-му іюля 3 руб.—Книжные магазины, бібліотеки, земскіе склады и потребительныя общества могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждаго годового экземпляра. Подписка въ разсрочку отъ нихъ не принимается.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ Московскаго Областнаго Отдѣла ЛИГИ ОБРАЗОВАНІЯ

„Просвѣщеніе“.

Подъ редакціей В. П. ВАХТЕРОВА и В. Д. СОКОЛОВА.

Задача журнала содѣйствовать распространенію и демократизаціи просвѣщенія во всѣхъ его видахъ и объединить всѣхъ, кто служитъ или готовъ служить этому дѣлу какъ основѣ народнаго благополучія. Журналъ является союзнымъ органомъ просвѣдительныхъ обществъ и организацій. Редакція „Просвѣщенія“ полагаетъ, что такому періодическому органу легче выработать начало коренной реформы просвѣщенія, легче изыскать пути для практическаго осуществленія истинной демократизаціи знаній, легче, наконецъ, сьорганизовать общественныя силы на защиту ихъ. Особеннымъ вниманіемъ со стороны журнала будутъ пользоваться разбросанные по глухимъ угламъ Россіи учителя и учительницы народныхъ и воскресныхъ школъ, классовъ и курсовъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: I. Руководящія статьи, замѣтки и рефераты, касающіеся вопросовъ просвѣщенія въ широкомъ значеніи его. II. Дѣятельность Лиги Образованія и не входящихъ въ ея составъ просвѣдительныхъ обществъ, учрежденій, союзовъ и другихъ общественныхъ организацій. III. Дѣятельность органовъ мѣстнаго самоуправленія въ области народнаго просвѣщенія. IV. Законы, правительственныя распоряженія, циркуляры и т. п. по школьному и внѣшкольному образованію. V. Обзоръ періодической русской и иностранной печати, обслуживающей интересы просвѣщенія. VI. Хроника: 1) Современное положеніе просвѣщенія въ Россіи, условія школьнаго дѣла, свѣдѣнія по организаціи публичныхъ курсовъ, лекцій, бесѣдъ, воскресныхъ и вечернихъ классовъ, народныхъ университетовъ, библиотекъ, читаленъ, книжныхъ складовъ, книжной торговли, музеевъ наглядныхъ пособій, выставокъ по народному образованію, образовательныхъ экскурсій, разумныхъ развлеченій и т. п., правовое и матеріальное положеніе учащихся, статистика народнаго образованія и т. д. 2) Современное положеніе просвѣщенія за границей и дѣятельность заграничныхъ просвѣдительныхъ обществъ, союзовъ, учреждений и иныхъ организацій. VII. Школьная гигиена и школьное хозяйство. VIII. Примѣрныя программы публичныхъ лекцій, курсовъ, образцовые каталоги, списки книгъ по различнымъ отраслямъ знанія для самообразованія и т. п. IX. Библиографія. X. Корреспонденціи. XI. Отвѣты и указанія по вопросамъ распространенія просвѣщенія и его демократизаціи. Справочныя свѣдѣнія. XII. Объявленія.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяць (до 4-хъ печатныхъ листовъ каждый номеръ). По мѣрѣ возможности журналъ будетъ давать безплатныя приложенія. Подписная цѣна: на годъ 3 руб., на 1/2 года 1 р. 50 к. съ доставкой и пересылкой. За границу вдвое. Цѣна отдѣльнаго номера 20 к. Объявленія: впереди текста—30 к., позади текста—15 к. за строку петита. Желющимъ ознакомиться съ журналомъ „Просвѣщеніе“ первый номеръ высылается за 3 семикопеечная марки.

Советомъ М. О. О. Лиги Образованія для непосредственнаго веденія журнала избрана редакціонная коммиссія изъ слѣдующихъ лицъ: В. П. Вахтерова, В. С. Костромина, И. Н. Сахаровъ, Н. А. Сяворцевъ и В. Д. Соколовъ.

Редакторами Советъ избралъ: В. П. Вахтерова и В. Д. Соколова.

Адресъ редакціи: Москва, Тверская ул., д. т-ва И. Д. Сытина. Телеф. 136-27. Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ „Русскаго Слова“ (Москва, Петровка, д. Матвѣева), въ магазинѣ „Русскаго Слова“ (Москва, Тверская), въ книжныхъ магазинахъ т-ва И. Д. Сытина (Москва, Петербургъ, Кіевъ, Одесса, Харьковъ, Иркутскъ, Екатеринбургъ, Варшава, Воронежъ и Ростовъ-на-Дону), т-ва М. О. Вольфъ, Н. П. Карбасникова, „Трудъ“ и въ конторѣ г-жи Печковской.

ВѢЖЪ.

Еженедѣльникъ религіозно-общественной жизни и политики.

При ближайшемъ участіи: свящ. К. М. Аггеева, Г. С. Петрова, проф. С. Н. Булгакова, А. С. Волжскаго, А. В. Карташева, В. П. Свенцицкаго, В. Ф. Эрн и др.

Основательская подписка (5 р. вмѣсто 7 р.) закрывается 15 февраля, считая день сдачи денегъ на почту.

6 м.—3 р. 50 к., 3 м.—1 р. 75 к., 1 м.—60 коп.

Контора: С.-Петербургъ, Невскій, 40.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1907 г. на

Витебскія губ. Вѣдомости

(неофициальная часть). 5

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, по нижеслѣдующей программѣ:

1) Передовыя статьи. 2) Распоряженія Правительства. 3) Хроника. 4) Изъ жизни губерніи. 5) Приходская жизнь. 6) По Россіи. 7) Среди газетъ и журналовъ. 8) Иностранныя извѣстія. 9) Корреспонденціи. 10) Библиографическій отдѣлъ. 11) Театръ и музыка. 12) Телеграммы С.-Петербургскаго Телеграфнаго агентства. 13) Фельетонъ. 14) Справочный отдѣлъ. 15) Письма въ редакцію. 16) Смѣсь. 17) Почтовый ящикъ. 18) Объявленія. По воскреснымъ днямъ издается, въ видѣ бесплатнаго приложенія, „НАРОДНЫЙ ЛИСТОКЪ“.

Подписная цѣна: для обязательныхъ подписчиковъ на официальную и неофициальную части „Губерскихъ Вѣдомостей“: на годъ 6 руб., на полгода—4 руб., на 3 мѣсяца—2 руб. и на 1 мѣсяць—1 руб. Для подписчиковъ на неофициальную часть съ доставкой въ Витебскъ: на годъ—4 руб., на полгода—2 руб. 50 коп., на 3 мѣсяца—1 руб. 50 коп., на 1 мѣсяць—50 коп., для иногороднихъ: на 1 годъ—5 руб., на полгода—3 руб., на 3 мѣсяца—2 руб., на 1 мѣсяць—60 коп.

Редакторъ А. Сапуновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

(Второй годъ изданія)

НА

„АМУРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Съ половины 1907 г. предполагается изданіе иллюстрированнаго приложенія съ карриатурами.

Подписная плата:

на годъ—9 руб., полгода—5 руб., 1 мѣсяць—1 руб. Отдѣльный номеръ—5 к. Объявленія: впереди текста—20 к. за строку петита, послѣ текста—10 к.

Адресъ редакціи: г. Благовѣщенскъ на Амурѣ.

Редакторъ-Издатель В. Д. Васеникъ.

Большая ежедневная политическая, общественная и литературная газета

„НОВЬ“.

При ближайшем участии: проф. В. И. Вернадского, кн. Павла Д. Долгорукова, Н. М. Жданова, пр.-д. Ф. Ф. Кокоткина, пр.-д. С. А. Котляревского, проф. С. А. Муромцева, проф. П. Н. Новгородцева, Н. П. Полова и проф. Г. Ф. Шершеневича.

Съ составъ сотрудниковъ газеты вошли: проф. А. С. Алексѣевъ, Ф. К. Арнольдъ, Н. Н. Баженовъ, Д. Д. Бекарюковъ, О. Е. Бужанскій, проф. С. Н. Булгаковъ, А. Вергежскій, А. Э. Вормсъ, Л. И. Гальберштадтъ, В. А. Ганейзеръ, М. И. Ганфманъ, П. М. Головачевъ, М. I. Гольдштейнъ, Н. А. Гредескуль, пр.-д. Н. В. Давыдовъ, кн. Петръ Д. Долгоруковъ, Д. Н. Егоровъ, А. А. Зубрилинъ, А. С. Изгоевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, А. А. Кауфманъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, Б. А. Кистяковский, П. А. Кистяковский, проф. В. О. Ключевскій, А. А. Корниловъ, А. М. Колюбакинъ, проф. А. Е. Крымскій, А. Р. Ледницкій, Я. И. Лисяцкій, кн. Г. Е. Львовъ, Ф. Н. Ляды, М. Л. Мандельштамъ, В. А. Маклаковъ, Ф. В. Миллеръ, В. Д. Набоковъ, Нандъ, Л. Ф. Пантелъевъ, проф. Л. I. Петражицкій, И. И. Петрункевичъ, проф. Д. М. Петрушевскій, Д. Д. Плетневъ, Т. П. Полнеръ, К. М. Пономаревъ, Г. Н. Потанинъ, В. В. Пржевальскій, А. Ф. Рубинчикъ, А. В. Смирновъ, А. А. Стаховичъ, П. Б. Струве, Н. В. Тесленко, А. А. Тимофеевъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, пр.-д. М. И. Фридманъ, проф. М. П. Чубинскій, пр.-д. А. А. Чупровъ, кн. Д. И. Шаховской, Т. Л. Щепкина-Куперникъ, М. П. Щепкинъ, Н. Н. Щепкинъ, А. С. Яшееко и др.

Редакція помѣщается на Большой Никитской, въ домѣ Пенкиной. Подписная цѣна: въ Москвѣ съ доставкой на годъ 10 р., на 6 мѣс. 5 р. 50 к., на 3 мѣс. 3 р., на 1 мѣс. 1 р. Въ города съ пересылкой на годъ 11 р., на 6 мѣс. 6 р., на 3 мѣс. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к. За границу на годъ 18 р., на 6 мѣс. 9 р., на 3 мѣс. 4 р. 80 к., на 1 мѣс. 1 р. 90 к.

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, сельскихъ священниковъ, учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школъ—20% скидки. Допускается разсрочка. Цѣна объявленій за строку петита впереди текста—50 к., позади текста—25 к. Подписка принимается въ конторѣ газеты: Кузнецкій мостъ, д. Юнкеръ, у Н. Н. Печковской и въ книжныхъ магазинахъ.

Издатель Н. Г. Смирновъ.

Редакторъ Л. М. Родіоновъ.

Въ 1907 году будетъ продолжаться (31-й годъ) изданіе

ЖУРНАЛА

ИЗВѢСТІЯ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками отъ 10 до 15 печ. листовъ и раздѣляется на два отдѣла, по 12 номеровъ въ каждомъ: отдѣлъ общій, посвященный разработкѣ вопросовъ городской жизни въ Россіи и за границей, и отдѣлъ официально-справочный.

Цѣна журнала, съ пересылкой во всея города Россіи:

	Отдѣлъ общій.	Отдѣлъ офіц.-справоч.	Оба отдѣла.
За 12 мѣсяцевъ	4 р. 40 к.	4 р. 40 к.	8 р. — к.
„ 6 „	2 „ 20 „	2 „ 20 „	4 „ — „
„ 3 „	1 „ 20 „	1 „ 20 „	2 „ — „
„ 1 „	— „ 40 „	— „ 40 „	— „ 80 „

Подписка принимается: Москва, Городская Управа, Воскресенская площадь, зданіе Думы.

Открыта подписка на
ИЗВѢСТІЯ
МОСКОВСКАГО
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТИТУТА.

Годъ XIII—1907.

Извѣстія выходятъ четырьмя книгами въ годъ, составляющими не менѣе 35 листовъ текста in 8^о.

ПРОГРАММА ИЗВѢСТІЙ.
Официальный отдѣлъ.

- I. Правительственныя распоряженія, касающіяся М. С. Х. Института.
- II. Постановленія Совѣта Института и относящіяся къ нимъ положенія: а) программы и планы лекцій и практическихъ занятій въ Институтѣ; б) отчеты объ экскурсіяхъ, ежегодно совершаемыхъ студентами Института подъ руководствомъ профессоровъ, преподавателей и пр.; в) работы комиссій, назначаемыхъ Совѣтомъ Института для разслѣдованія различныхъ вопросовъ, и г) отчеты о командировкахъ членовъ совѣта и другихъ лицъ, служащихъ въ Институтѣ.
- III. Нѣкоторые изъ журналовъ засѣданій Сельскохозяйственнаго комитета, состоящаго при Институтѣ, а именно тѣ, которые имѣютъ особенное значеніе для учебной и ученой дѣятельности Института.
- IV. Годичный отчетъ о состояніи Института.
- V. Каталоги и описанія бібліотеки, разнообразныхъ коллекцій и учебныхъ пособій, находящихся при Институтѣ.

Неофициальный отдѣлъ.

- I. Труды профессоровъ, преподавателей, ассистентовъ, студентовъ Института и постороннихъ лицъ, а именно:
 - а) естественно-историческіе и
 - б) статистико-экономическіе (преимущественно касающіеся изученія русскаго народнаго хозяйства).
 Сюда входятъ какъ отдѣльныя самостоятельныя изслѣдованія, такъ и совмѣстныя работы, исполненныя въ лабораторіяхъ, кабинетахъ, на опытномъ полѣ, или на предполагаемой опытной ставціи, пасѣкѣ, въ дѣсной дачѣ, огородѣ, питомникѣ и пр.
- II. Критическія и бібліографическія статьи о выдающихся произведеніяхъ народнохозяйственной и естественноисторической литературы.
- III. Метеорологическія наблюденія, произведенныя на обсерваторіи Института. Работы могутъ сопровождаться рисунками, таблицами, чертежами, диаграммами и пр. и, по желанію автора, краткимъ резюме на какомъ-либо иностранномъ языкѣ (резюме должно быть составлено самимъ авторомъ и приложено въ редакцію одновременно со статьею). Оглавленія каждой книги Извѣстія, кромѣ русскаго языка, печатаются еще на французскомъ языкѣ.

Подписка принимается въ канцеляріи Московскаго Сельскохозяйственнаго Института и въ книжн. магазинахъ Карбасникова (Москва, Варшава, Вильна, С.-Петербургъ) и „Трудъ“ (Москва, Тверская).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

въ годъ, за четыре книги, 5 р.; для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній 2 р. 50 к.; цѣна отдѣльной книги 1 р. 50 к.

Редакторы: С. И. Ростовцевъ.
Д. Н. Прянишниковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1907 годъ
(третій годъ изданія)

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей

„СЕМЬЯ и ШКОЛА“.

Журналъ предназначенъ для дѣтей средняго возраста (10—12-ти лѣтъ), какъ учащихся въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и учениковъ начальной, городской и сельской школы.

Съ 1907-го года „Семья и Школа“ расширяетъ свою программу. Кромѣ 12-ти книжекъ журнала, редакціей будетъ издано еще 6 отдѣльныхъ книжекъ, подъ общимъ названіемъ „Библиотека Семьи и Школы“.

Не привлекая своихъ подписчиковъ никакими преміями, ни такъ назыв. бесплатными приложениями, редакція попрежнему будетъ обращать исключительное вниманіе на внутреннее достоинство самого журнала и на его изящную вышность. Для послѣдней цѣли, какъ и въ предыдущіе годы изданія, текстъ журнала будетъ тщательно иллюстрироваться художественно исполненными рисунками и, кромѣ того, въ каждой книжкѣ будутъ помѣщаться отдѣльныя картины.

Въ „Семьѣ и Школѣ“ принимаютъ участіе: Е. А. Бакунина, И. А. Бѣлоусовъ, Е. Волкова, Н. А. Гольцева, С. Д. Дрожжикъ, П. Засодимскій, П. П. Инфантьевъ, А. А. Кизеветтеръ, С. А. Князьковъ, М. А. Круковский, В. П. Львовъ, Т. Н. Львовъ, Вл. Львовъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, П. И. Митропольскій, Юр. Новоселовъ, К. Д. Носиловъ, Сергій Орловскій, О. П. Рунова. С. И. Рербергъ, А. Серафимовичъ, В. Д. Соколовъ, Н. Д. Телешевъ, М. В. Тиличевъ, В. Н. Харузина, Ю. Н. Щербаккая, С. А. Ѳомичевъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за 12 книжекъ „Семьи и Школы“ и за 6 книжекъ „Библиотеки Семьи и Школы“: съ доставкой и пересылкой 3 р., безъ доставки 2 р. 50 к. За границу 5 р. Подписка безъ доставки принимается въ Москвѣ: въ редакціи, въ конторѣ Н. Печковской и книжныхъ магазинахъ „Трудъ“ и Н. Карбасникова. Пробный номеръ высылается изъ редакціи за три семикопеечныя марки. Иногородніе подписчики могутъ обращаться прямо въ редакцію журнала „Семья и Школа“. Москва, Гончарная ул., д. № 17.

Редакторъ-Издатель Вл. Львовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„БОГОСЛОВСКІИ ВѢСТНИКЪ“

1907 ГОДЪ (XVI ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ТВОРЕНІЙ БЛАЖЕННАГО ТЕОДОРІТА, ЕПИСКОПА КИРСКАГО.

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Безъ пересылки семь рублей, за границу—десять.

Допускается подписка на журналъ безъ *приложенія* (Цѣна 7 р.). Допускается разсрочка на два срока (при подпискѣ 4 р. и къ 1 іюля 4 р.), или на три срока (при подпискѣ 3 р., къ 1 іюля 3 р. и къ 1 октября 2 р.). Подписавшіеся на журналъ безъ *приложенія* пользуются такой разсрочкой: (на два срока при подпискѣ 3 р., къ 1 іюля 2 р. и къ 1 октября 2 р.). За перемѣну адреса 20 к.

Прим. Новые подписчики, желающіе получить I, II, III и IV томы твореній бл. Теодорита, должны заявить о семъ редакціи. Всѣ четыре тома для подписчиковъ 1907 года стоятъ четыре рубля.

Адресъ редакціи: Сергіевъ посадъ, Московск. губ., въ редак. „Богословскаго Вѣстника“.

За редактора проф. И. Андреевъ.

Съ апрѣля выходитъ въ Москвѣ при Комисіи по организаціи домашняго чтенія серия періодическихъ сборниковъ

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

прив.-доц. Н. Д. Виноградова (филос. отд.), М. О. Гершензона (литературный отдѣлъ), прив.-доц. І. М. Гольдштейна (эконом. отд.), Б. А. Кистяковского (юрид. отд.), прив.-доц. Н. К. Кольцова (ест.-науч. отд.), проф. Д. М. Петрушевскаго (историч. отд.).

Цѣль изданія—поднять на уровень истинной научности дѣло оцѣнки текущей литературы.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1. *Систематическіе обзоры* научно-популярной литературы по разнымъ отраслямъ знанія, равно какъ и по беллетристикѣ. 2. *Критическіе отзывы* о вновь вышедшихъ книгахъ, брошюрахъ и журнальныхъ статьяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія, а также и по беллетристикѣ. 3. Библиографическія свѣдѣнія. 4. Краткія ученія и литературныя извѣстія. 5. Почтовый ящикъ. Въ приложеніи будутъ печататься программы, составленныя комиссіей по организаціи домашняго чтенія.

Сборники будутъ выходить ежемѣсячно, за искл. трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, книжками отъ 4—6 печ. листовъ, цѣной отъ 25—40 коп. за книжку. Объявленія (послѣ текста) о книгахъ, газетахъ и журналахъ принимаются по цѣнѣ въ 10 р. за страницу.

До сихъ поръ изъявили согласіе участвовать слѣдующія лица:

Ю. И. Айхенвальдъ, проф. А. С. Алексѣевъ, С. А. Аскольдовъ, А. Д. Алферовъ, С. М. Барадъ, Н. А. Бердяевъ, С. Н. Блажко, прив.-доц. М. М. Богословскій, А. А. Борзовъ, прив.-доц. А. А. Боровой, В. Н. Бочкаревъ, Н. П. Бронштейнъ, В. Я. Брюсовъ, О. П. Бужанскій, проф. В. П. Бузескулъ, М. И. Бѣлоруссовъ, А. М. Васютинскій, Э. А. Венгерова, С. А. Венгеровъ, поч. акад. А. Н. Веселовскій, Ю. А. Веселовскій, прив.-доц. Д. В. Викторовъ, А. С. Волжскій, А. Л. Волянскій, прив.-доц. А. Э. Вормъ, бар. Н. Н. Врангель, прив.-доц. В. П. Вышеславцевъ, прив.-доц. П. П. Гензель, прив.-доц. М. Н. Гернетъ, проф. П. В. Гидуляновъ, Н. В. Гольденвейзеръ, Б. М. Гольдштейнъ, О. М. Гольдштейнъ, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, А. Г. Горифельдъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, проф. В. Э. Грабаръ, И. Э. Грабаръ, проф. И. М. Гревсъ, С. Г. Григорьевъ, А. Е. Грузинскій, прив.-доц. А. Д. Гуляевъ, проф. В. Э. Денъ, Н. А. Дубровскій, прив.-доц. Д. Н. Егоровъ, прив.-доц. Е. Н. Ефимовъ, прив.-доц. С. И. Живаго, Г. Я. Закъ, А. В. Заремба, прив.-доц. А. А. Ивановскій, проф. Л. А. Ивановъ, Р. В. Ивановъ-Разумникъ, проф. И. И. Ивануковъ, прив.-доц. Н. А. Иванцовъ, прив.-доц. В. Е. Игватевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, А. І. Калишевскій, В. Я. Канель, проф. Н. И. Карѣевъ, прив.-доц. А. А. Кауфманъ, Д. Н. Кашкаровъ, В. А. Келтуяла, прив.-доц. А. А. Кизиветтеръ, прив.-доц. И. А. Кистяковский, П. С. Коганъ, А. П. Коптяевъ, г. А. Котельниковъ, прив.-доц. С. А. Котлярскій, Л. П. Кравешъ, прив.-доц. В. А. Краснокутскій, прив.-доц. С. Г. Крапивинъ, М. А. Кречмаръ, А. А. Круберъ, М. К. Лемке, Н. О. Лернеръ, прив.-доц. Н. О. Лосскій, проф. И. В. Лучинскій, О. И. Рудченко-Лѣтникъ, Е. А. Лянкій, проф. А. А. Мануиловъ, Л. С. Мееровичъ, Н. Миновичъ, Б. Л. Модзалевскій, С. П. Моравскій, прив.-доц. М. И. Назаревскій, прив.-доц. В. М. Нецаевъ, проф. П. И. Новгородцевъ, проф. И. Х. Озеровъ, проф. Р. М. Оржецкицъ, проф. В. К. Пискорскій, В. И. Пичета, прив.-доц. С. В. Познышевъ, прив.-доц. Н. Н. Полянскій, проф. І. А. Покровский, проф. М. М. Покровский, В. С. Протопоповъ, проф. Э. Л. Радловъ, проф. М. И. Ростов-

певъ, В. Г. Рудневъ, прив.-доц. В. А. Савальскій, прив.-доц. А. Н. Савинъ, В. Θ. Саводникъ, прив.-доц. П. П. Сакулинъ, проф. Я. В. Самойловъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій, А. П. Симоненко, прив.-доц. Е. Д. Синицкій, А. С. Скляръ, проф. П. П. Соколовъ, проф. А. В. Сперанскій, Н. В. Сперанскій, В. Н. Сторожевъ, П. Б. Струве, прив.-доц. П. П. Сушкинъ, прив.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, проф. Θ. В. Тарановскій, прив.-доц. Е. В. Тарле, прив.-доц. В. Н. Твердохлѣбовъ, проф. П. В. Тихомировъ, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, прив.-доц. В. М. Устиновъ, прив.-доц. А. Θ. Флоровъ, проф. А. Θ. Фортунатовъ, С. Θ. Фортунатовъ, А. Л. Форштетеръ, С. Л. Франкъ, проф. В. М. Хвостовъ, прив.-доц. М. М. Хвостовъ, проф. Г. И. Челпановъ, проф. А. И. Чупровъ, проф. А. А. Чупровъ, проф. М. П. Чубинскій, проф. Л. В. Шалландъ, Н. Н. Шалошниковъ, прив.-доц. М. Н. Шатерниковъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ, прив.-доц. В. Н. Ширяевъ, Ю. Д. Энгель, Е. Н. Янжуль, акад. И. И. Янжуль, прив.-доц. А. И. Яковлевъ, прив.-доц. А. С. Яшенко.

Адресъ редакціи: Москва, Б. Никитская, д. Семенковича, кв. 16.

Редакторъ-издательница Е. Н. Орлова.

1907 г.

Открыта подписка

Годъ VII.

на „Журналъ Невропатологіи и Психіатріи имени С. С. Корсакова“,

издаваемый Обществомъ невропатологовъ и психіатровъ при московскомъ университетѣ подъ редакціей проф. В. К. Рота и В. П. Сербскаго и прив.-доц. Л. С. Минора, П. А. Преображенскаго, Г. И. Россолимо, С. А. Суганова и д-ра В. М. Яковенко.

Журналъ выходитъ 6 разъ въ годъ выпусками въ 12—15 листовъ.

Подписная цѣна на годъ съ пересыл. и доставкой—10 р. За границу—12 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Дѣвичье поле, Клиника нервныхъ болѣзней.

Секретарь: В. Протопоповъ.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ СОРОКЪ ВТОРОЙ.

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“

съ бесплатнымъ еженедѣльнымъ журналомъ

„Астраханскій Иллюстрированный Листокъ“

будетъ выходить въ 1907 году подъ тою же редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ:

1 годъ—7 руб. 50 коп., $\frac{1}{2}$ года—4 руб. 50 коп., 3 мѣс.—3 руб.,
1 мѣс.—1 руб.

„Астрах. Листокъ“ расходится больше, чѣмъ всѣ прочія астраханскія изданія, взятыя вмѣстѣ.

Подписка принимается исключительно въ Астрахани, въ конторѣ „Астрах. Листка“, по Ахматовской улицѣ, д. Агамжанова.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ IV-й.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 г.

НА ЖУРНАЛЬ

**ВѢСТНИКЪ ПСИХОЛОГИИ, КРИМИНАЛЬНОЙ
АНТРОПОЛОГИИ И ГИПНОТИЗМА,**

ПОДЪ ОБЩЕЮ РЕДАКЦІЕЮ

Акад. В. М. БЕХТЕРЕВА.

Редакторы отдѣловъ:

Прив.-доц. Н. О. Лоссий—общей психологіи.	Проф. Л. В. Блуменау и прив.-доц. М. С. Добротворскій—психопатологіи.
Прив.-доц. А. Ф. Лазурскій и д-ръ А. А. Прогіусъ—эксперимент. психологія.	Прив.-доц. В. П. Осиповъ—гипнотизма.
А. П. Нечаевъ—педагогической психологіи.	Д. А. Дриль и проф. В. Ф. Чижъ—криминальной антропологіи и общественной психологіи.

Журналъ въ 1907 году выйдетъ въ количествѣ 5 книжекъ въ годъ, объемомъ въ 5—6 листовъ каждая, по слѣдующей программѣ: 1) оригинальныя статьи по психологіи общей, ея исторіи, по психологіи экспериментальной и педагогической, по зоопсихологіи, по психопатологіи и гипнотизму, по криминальной антропологіи и общественной психологіи; 2) обзоры, рецензіи и рефераты по указаннымъ отдѣламъ; 3) корреспонденціи, отчеты и письма; 4) хроника, біографіи и некрологи; 5) объявленія и извѣщенія. Книжки 2-ая и 4-ая будутъ предоставлены для статей и рефератовъ, относящихся исключительно въ области педагогической психологіи.

Въ подписномъ году будутъ разосланы подписчикамъ 2 бесплатныхъ приложенія: 1) Сочин. академ. В. М. Бехтерева „Основы ученія о функціяхъ мозга“ (вып. VI) и 2) Сочин. д-ра Ю. К. Бѣлицкаго „Неврастенія“.

Примѣчаніе. Приложенія будутъ выданы подписавшимся до 1 апрѣля 1907 г.

Оригинальныя статьи и рефераты (въ заказныхъ бандероляхъ) покорнѣйше просятъ адресовать въ редакцію (Боткинская, 9., Клиника душевныхъ и нервныхъ болѣзней), (по педагог. псих. А. П. Нечаеву, Фонтанка, 10, психол. лабор.). Приемные часы по вторникамъ, отъ 1—2) и пятницамъ, отъ 2—3. Статьи въ случаѣ надобности подлежатъ сокращеніямъ и редакціоннымъ поправкамъ. Размѣръ оплаты статей гонораромъ опредѣляется по согласенію съ авторами. Статьи, присылаемыя въ редакцію безъ обозначенія условій, поступаютъ въ полное распоряженіе редакціи. О книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, будутъ дѣлаться объявленія. Книги и журналы просятъ присылать въ бібліотеку редакціи (С.-Петербургъ, Боткинская, д. № 9, Клиника душевно-больныхъ). Плата за объявленія 30 р. за страницу.

Подписная цѣна 3 р. въ годъ за 5 книжекъ, съ перес. 3 р. 50 к. Цѣна за двѣ книжки педагог. псих. 1 руб. 50 коп. съ пересылкою. Требования и деньги адресовать въ контору П. П. Сойкина, С.-Петербургъ, Стреленная, 12.

Редакторъ: В. М. Бехтеревъ.

ВЫШЛА МАРТОВСКАЯ КНИГА
журнала

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

XVIII г. изданія.

Итоги русской художественной литературы XIX вѣка. (Продолженіе.) Проф. Д. Овсяннико-Куликовскаго. — Ученіе и поведеніе современной школьной молодежи. Г. Рохова. — Музыка и музыкальное творчество. (Окончаніе.) Проф. И. Г. Оршанскаго. — Къ вопросу о коммерческихъ университетахъ въ Россіи. Проф. Чижова. — Государственные расходы на народное образованіе въ 1886—1906 гг. Н. Бычкова. — Экспериментальная школа. Тихона Фаддеева. — О домашнемъ чтеніи дѣтей. Александра Даузе. — О переутомленіи въ начальныхъ школахъ Швейцаріи. — Юганна Амброзіусъ и Ирина Федосова. (Окончаніе.) А. Е. Грузинскаго. — Изъ разсказовъ Франца Вольфа: I. Отецъ и сынъ. II. Первое причастіе (перев. съ нѣм. S. W.). — Вальтеръ-Скоттъ и его любимца. Сообщено А. Веселовской. — Критика и библіографія. Новые педагогическіе журналы: „Народный Учитель“ и „Школа и Жизнь“. Г. Р. — Студенческія изданія. *Его же*. — Ученическіе журналы: 1) „Кадетскій сборникъ корпуса Императора Александра II“. 2) Ученическій ежемѣсячный научно-литературный журналъ „Школа и Жизнь“. *Его же*. — Изъ записной книжки, О. П. Герасимова. *Его же*. — Народныя бібліотеки Московской губерніи, сост. А. А. Громбахъ. Н. Малиновскаго. — С. Князьковъ. Изъ прошлаго русской земли. С. Мельмунова. — Левъ Ждановъ. Царь и опричники. *Его же*. — Г. Т. Полидовъ-Сверцевъ. Наши дѣды-купцы. *Его же*. — Простые люди. Душевный человекъ. Будетъ и презбудетъ. Аникинъ родникъ. Друзья. Разсказы Н. А. Соловьева-Несмѣлова. — Рыцари, пов. Н. И. Познякова. — „Трудъ и Забава“, №№ 1—3; „Дѣтскій Миръ“, № 1. — Дешевыя изданія: Что видно иногда въ подзорную трубу, разск. Аларкона; Джава, пер. Аргіанъ; Въ домъ уменьшенныхъ, разск. Д. Пинскаго; Безъ исхода, разск. Бирскаго; Юбилей „Блохи“, Докладная записка, Н. Темнаго; Разсказы Ильзы Фрапанъ; Голодающій, разск. Эл. Реклю; Деревенскіе очерки, И. Абрамова. — Книги и брошюры, поступившія въ редакцію. — Хроника. Вторая Государственная Дума и народное образованіе. — Изъ текущей жизни высшихъ учебныхъ заведеній. — Московское губернское земство и народное образованіе. — Делегатское и публичныя собранія Московскаго Областнаго Отдѣла Лиги образованія. Г. Р. — О возстановленіи переводныхъ экзаменовъ. Г. — Англійскій билль о воспитаніи 1906 г. Л. С. — К. П. Побѣдоносцевъ. — Марселевъ Бертело. Проф. И. Кабукова. — Памяти Михайла Ивановича Коновалова. *Ив. Кб.* —

Объявленія.

Продолжается подписка на 1907 годъ.

Всѣ экземпляры за 1906 г. разошлись.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки — 5 р., съ доставкой и пересылкой — 6 р., въ полгода — 3 р.; съ пересылкой за границу — 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 руб.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обихихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

(девятый годъ изданія)

на еженедѣльную юридическую газету

„ПРАВ О“,

выходящую въ С.-Петербургѣ подъ редакціей В. М. Гессена, І. В. Гессена, пр.-доп. А. И. Каминка, пр.-доп. Н. И. Лазаревского, В. Д. Набокова и проф. Л. І. Петражицкаго, по прежней программѣ.

Годовые подписчики получаютъ въ качествѣ приложеній: Сборникъ рѣшеній кассационныхъ департаментовъ и общаго собранія 1-го и кассационныхъ департаментовъ и кассационныхъ департаментовъ Правит. Сената.

Редакція даетъ годовымъ подписчикамъ „ПРАВА“ бесплатные отвѣты (въ количествѣ не болѣе 3-хъ) на юридическіе вопросы.

Поставивъ въ числѣ своихъ задачъ ознакомленіе читателей съ существующей судебною и судебно-административною практикою, „ПРАВО“ удѣляетъ широкое мѣсто судебнымъ отчетамъ. Отчеты о всѣхъ дѣлахъ, разсмотрѣнныхъ въ кассационныхъ департаментахъ Правительствующаго Сената, печатаются въ ближайшихъ послѣ застѣданій номерахъ.

Въ справочномъ отдѣлѣ печатаются: алфавитный списокъ лицъ несостоятельныхъ, ограниченныхъ и освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности; алфавитные списки уничтоженныхъ довѣренностей, списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Прав. Сенатѣ, а также и резолюціи по заслушаннымъ въ Сенатѣ дѣламъ.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода—4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ — 4 руб. и къ 1 мая 3 руб. За границу на годъ—10 руб. Отдѣльные номера продаются по 20 коп.

Главная контора: С.-Петербургъ, Владимірскій, 19. При юридическомъ книжномъ складѣ „ПРАВО“. Складъ высылаетъ всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги по вопросамъ правовѣдѣнія и обществовѣдѣнія. Подписчики „ПРАВА“ пользуются при выпискѣ частныхъ изданій скидкой въ размѣрѣ 5%.

1907 г.

Продолжается подписка

Годъ І.

НА ЖУРНАЛЪ

„Современная Психіатрія“,

издаваемый при ближайшемъ участіи

А. Н. Бернштейна, В. А. Муратова и С. А. Суханова.
(Москва). (Саратовъ). (Москва).

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

П. Б. Ганнушкина и М. Ю. Ляхтина.
(Москва). (Москва).

Журналъ „Современная Психіатрія“ посвящается всѣмъ вопросамъ теоретической, клинической и общественной психіатріи.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ около 3-хъ листовъ каждая, приблизительно въ концѣ каждого мѣсяца.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 6 р., за границу—8 р.

Въ текущемъ году „Современная Психіатрія“ дастъ 10 книжекъ (вмѣсто 12) при подписной цѣнѣ 5 руб. (за границу 7 руб.). Первая книжка „Современной Психіатріи“ вышла въ мартѣ 1907 года.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Современной Психіатріи“: Москва, Краснопрудная, домъ № 27, кв. 46.